

ДЕСЯТЫЕ РИМСКИЕ КИРИЛЛО- МЕФОДИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Slavia Christiana

ЯЗЫК · ТЕКСТ · ОБРАЗ

ЦЕНТР МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СЛАВЯНСКОЙ
КНИЖНОСТИ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

UNIVERSITÀ ROMA TRE

SAPIENZA UNIVERSITÀ di ROMA

UNIVERSITÀ di PISA

КАФЕДРА СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР
ФАКУЛЬТЕТА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И РЕГИОНОВЕДЕНИЯ
МГУ имени М.В. ЛОМОНОСОВА

при поддержке Российского центра науки и культуры в Риме

«ИНДРИК»
МОСКВА
2020

ДЕСЯТЫЕ РИМСКИЕ КИРИЛЛО- МЕФОДИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Рим — Пиза
2—9 ФЕВРАЛЯ 2020 г.

*Ответственные редакторы
сборника материалов конференции*

И. Вернер
Н. Запольская
М. Обижаева

**Десятые Римские Кирилло-Мефодиевские чтения.
Материалы конференции
(Рим — Пиза, 2–9 февраля 2020 г.)
М.: Индрик, 2020. — 198 с.**

ISBN 978-5-91674-576-4

Сборник содержит материалы международной научной конференции Десятые Римские Кирилло-Мефодиевские чтения (2–9 февраля 2020 г.), организованной Институтом славяноведения РАН при поддержке Российского Центра науки и культуры в Риме, римских университетов Roma Tre, La Sapienza и университета г. Пиза. Доклады были прочитаны в тематических секциях: «Новое о старом»: комментарии к житиям Константина и Мефодия», «От средневековой книжности до литературы постмодернизма: «человек читающий» и «человек пишущий», «Славянская рефлексия над языком и метаязыком в европейском лингвистическом контексте (XI–XVIII вв.)», «Письменность...книжность...литература: проблема функционального статуса текста», «Религия-антирелигия» в дискурсе советской «письменности».

ISBN 978-5-91674-576-4
DOI 10.31168/91674-576-4

© Оформление,
Издательство «Индрик», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Ананьева (<i>Россия, Москва</i>)	—
«Похождения прапорщика Климова»	5
как образец мемуарной литературы XVIII века	11 —
Т. Афанасьева, Т. Бурилкина (<i>Россия, Санкт-Петербург</i>)	
Ватиканская псалтырь (Vat. slav. 8):	
принципы сокращения кириллического полуустава	
и языковая рефлексия писца рукописи	14
М.К. Брагоне (<i>Италия, Павия</i>)	
Наблюдения о переводе И.В. Пауса	
<i>Малого Катехизиса</i> Лютера	17
И. Вернер (<i>Россия, Москва</i>)	
Филологическое наследие Максима Грека	
в библейской справе Евфимия Чудовского	
(80-е гг. XVII в.)	19
Ю. Верхоланцева (<i>США, Филадельфия</i>)	
Между латинским и церковнославянским:	
пути зарождения литературы на народном языке	
и вопрос национального нарратива на примере	
истории письменности и литературы	
Чехии, Хорватии и Польши	24
М. Гаврилков (<i>Россия, Москва</i>)	
Новое о цитатном пространстве	
«Стязания о извъѣстном иночьскомъ жительствѣ...»	
Максима Грека	30

	Л. Дони́на (<i>Россия, Санкт-Петербург</i>) Связь семантического различения и грамматического варьирования в средневековом тексте	40
—	М. Живо́ва (<i>Италия, Рим</i>) Механизмы создания гимнографического текста: заимствования и адаптация — (на примере русской минеи XVI в. ТСЛ 541)	45
6		
—	Н. Запо́льская (<i>Россия, Москва</i>) От церковнославянского к русскому литературному языку: субграмматика в лингвистических сочинениях XVII–XVIII вв.	46
	Н. Карева, Е. Матвеев (<i>Россия, Санкт-Петербург</i>) Наименования тропов и фигур речи в филологических трудах Ломоносова и его предшественников	55
	Е. Кони́цкая (<i>Литва, Вильнюс</i>) Категория двойственного числа в двух славянских грамматиках: А. Бохорич и М. Смотрицкий	61
	С. Короле́ва (<i>Россия, Пермь</i>) Синодики <i>убиенных во брани</i> в народно-религиозной традиции: локальные культы и тексты	68
	В. Легких (<i>Австрия, Вена</i>) Гимнограф-компилятор – читатель или писатель? «Служба всем святым в земле Русской просиявшим» как образец службы XVI в.	75
	Г. Лесная (<i>Россия, Москва</i>) Методология исследования текста в киевском издании «Слова о полку Игореве» В.М. Перетца в 1926 г.	79

М. Лявинец-Угрин (*Венгрия, Будапешт*)
 Азь-Буки-Веди (Андрей Бачинский Владыка)
 Кириллические циркуляры епископа А. Бачинского 83

С. Менгель (*Германия, Галле*)
 Культурно-языковая ситуация в России
 конца XVII – первой трети XVIII века — —
 глазами иностранных авторов 7
 первых русских грамматик 89 —

Е. Мишина (*Россия, Москва*)
 Стратегии выбора видовой формы
 в отрицательном императиве 93

Дж. Мораччи (*Италия, Кьети-Пескара*)
 Путешествие по Европе П. А. Толстого,
 писателя и “дворянина нашего” 99

Н. Николаева (*Россия, Казань*)
 «Предъла есть имя же етѣмологѣа»:
 один пример языковой рефлексии
 Евфимия Чудовского (XVII век) 101

М. Новак (*Россия, Казань-Москва*)
 Диалог с читателем: вопросы и ответы
 в Толстовском Сборнике XIII века 106

М. Обижаева (*Россия, Москва*)
 Точки опоры сербской грамматической учености
 на переломе от конфессионального образования
 ко всеобучу 111

Е. Остапчук (*Польша, Варшава*)
 Текстологическая характеристика
 церковнославянского перевода Евангелия
 в славяно-румынском старопечатном
 тетроевангелии 1551–1553 гг. 112

А. Плотникова (*Россия, Москва*)

Эпистолярный жанр: «святое письмо»

в кросскультурном контексте 116

Т. Попович (*Сербия, Белград*)

Постмодернистские комментарии к житиям

Константина и Мефодия: «Хазарский словарь» М. Павича . . 122

А. Турилов (*Россия, Москва*)

К истории «двухполовинного» южнославянского

влияния – культурные связи восточных

и южных славян в конце XV – середине XVI в.

и их региональные особенности 127

М. Радулович, Е. Славкович (*Сербия, Белград*)

Ошибки писца и автора: Средневековые и (ультра)

современный мир 133

М. Рождественская (*Россия, Санкт-Петербург*)

О функциональности апокрифических сюжетов

в средневековой русской книжности 138

Т. Рождественская (*Россия, Санкт-Петербург*)

Литургический текст в памятниках

эпиграфики Древней Руси 142

Ф. Ромоли (*Италия, Пиза*)

Житие Антония Римлянина:

от местного к общему 145

О. Савельева (*Россия, Москва*)

Рефлексия образа «тишины»

в русской словесности XVIII в.: Ломоносов и Пиндар . . . 147

В.С. Томеллери (*Италия, Мачерата*)

Когда церковнославянский язык встречается с латынью.

Традиция versus инновация 151

А. Трофимов (<i>Россия, Санкт-Петербург</i>)	
Многоязычие в героической поэме Феофана Прокоповича «Епиникион»	153
Е. Узенева (<i>Россия, Москва</i>)	
Письменность и язык славяноязычного меньшинства Северной Греции	157
Е. Уханова (<i>Россия, Москва</i>)	
Новые данные о типологии древнейших славянских служебных миней X–XI вв.	163
М.К. Ферро (<i>Италия, Кьети-Пескара</i>)	
Церковнославянские слова <i>имарменя</i> (<i>имаръмения</i>), <i>фатунъ</i> и <i>фортунa</i> (<i>фуртуна</i>) в произведениях Максима Грека	169
Р. Фишер (<i>Австрия, Вена</i>)	
Роль римских пап в становлении миссии Кирилла и Мефодия	172
А. Циммерлинг (<i>Россия, Москва</i>)	
Толмач немецкий: Дмитрий Герасимов и посольские книги	175
И. Шпадиер (<i>Сербия, Белград</i>)	
<i>Человек пишущий</i> – человек присутствующий в древнесербской агиографии	185
М. Шульга (<i>Россия, Москва</i>)	
Четыре века одной метаязыковой дескрипции	190

Наталья Ананьева

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Россия
ananeva.46@mail.ru*

«Похождения прапорщика Климова» как образец мемуарной литературы XVIII века

11

В работе исследуются полонизмы и топонимы, функционирующие в мемуарах младшего офицера русской армии Алексея Климова, попавшего во время Семилетней войны (1756–1763 гг.) в прусский плен, ставшего принудительно солдатом прусской армии и проведшего на чужбине более тридцати лет. Воспоминания участников военных действий – популярный жанр мемуаристики XVII–XVIII вв., к которому относятся, в частности, польские „Pamiętniki” Яна Хризостома Пасека.

Ключевые слова: *русский язык, XVIII век, мемуары, полонизм, топоним*

1. Предметом данного исследования являются воспоминания прапорщика Алексея Климова (1790 г.), рукописный оригинал которых хранится в отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН, в фонде Г.Р. Державина. Мы опираемся на печатный экземпляр «Похождения прапорщика Климова (Мемуары XVIII века)», изданный вторым изданием в 2017 г. Подготовка текста и комментарии осуществлена Е.Д. Кукушкиной. Она же является автором предваряющей комментарии статьи «Мемуары Алексея Климова как историческое свидетельство и литературный памятник».

2. Участник Семилетней войны (1756–1763 гг.) прапорщик Алексей Климов, попав в Пруссию в плен, принужден был служить в прусской армии и провести за пределами отечества более тридцати лет. Эти годы вынужденных скитаний по разным весям, городам и странам (Россия, Прус-

сия, Польша, Австро-Венгрия и даже Турция – входящее до 1806 г. в её состав Молдавское княжество) легли в основу его воспоминаний. Мемуары («похождения») участников военных действий – популярный жанр славянской эго-документалистики XVII–XVIII вв.: ср. мемуары А.Т. Болотова, П.З. Хомякова или „Pamiętniki” мазовшанина Яна Хризостома Пасека (о языке мемуаров Пасека см., например, монографию Л.А. Софроновой [Софронова 2014]).

Записанные впечатления о пребывании в чужих землях повествуют об удивляющих Климова явлениях в жизни других народов и стран (например, казнь в Кёнигсберге, добывание соли в Величке, аллеи Шенбруннского парка в Вене, образ жизни пустынников под Краковом и др.). Страницы его «похождений» пестрят именами новых для него лиц и пунктов.

3. Подобные рассказы об иных землях и народах имеют богатую предысторию в мировой литературе как в виде художественных текстов (ср. Д. Дефо «Робинзон Крузо», Г.Я.К. Гриммельсгаузен «Симплициссимус»; Е.Д. Кукушкина обнаруживает у Климова ряд эпизодов, перекликающихся с сюжетами «Симплициссимуса»), так и в виде мемуаров, в том числе древнерусских «хождений» (ср. «Хождения за три моря» А. Никитина).

4. В скитаниях по разным странам Климов ознакомился с иностранными языками. Как он сам с гордостью пишет: «Мне можно было себя назвать немцем или поляком, потому что я те оба диалекта так твёрдо умел, что почти с природными их нациями распознать было невозможно» [Похождения 2017: 153]. Одной из наших задач является установление в тексте воспоминаний элементов польского языка (полонизмы нередко модифицируются в соответствии с закономерностями русского языка): ср. *достал* «получил» (польск. *dostał*), *запомнил* «забыл» (польск. *zapomniał*), *твар* «лицо» (польск. *twarz*), *блуд* «ошибка» (польск. *bląd*), *голят* «бреют» (польск. *golą*), *час* «время» (польск. *czas*), *клаштор*//*клештор* «монастырь» (польск. *klasztor*), *онлатка* «облат-

ка; просфора» (польск. *oplatek*), бискуп «епископ» (польск. *biskup*), чистец «чистилище» (польск. *czyściec*) и др.

5. Разнообразно по своему составу топонимическое пространство мемуаров – номинации пунктов и рек на разных территориях России, Белоруссии, Украины, Молдавии, Польши, Словакии, Чехии, Пруссии, Венгрии (здесь имеются в виду не государства, а географические зоны). Второй задачей нашего исследования является анализ упоминаемых Климовым названий пунктов и водоёмов на территории Польши, Литвы, Белоруссии, Украины, а также Силезии и Восточной Пруссии. Немецкие названия на последней территории сопоставляются с современными польскими и русскими номинациями этих же пунктов (ср. *Пулава* ≤ нем. *Pillau* – русск. *Балтийск*; *Штолуб* ≤ нем. *Stolp* – польск. *Shupsk*; *Колберг* ≤ нем. *Kolberg* – польск. *Kołobrzeg*). Такое же сопоставление проводится для немецких и современных польских названий одних и тех же пунктов в Силезии: *Бреславль* ≤ нем. *Breslau* – польск. *Wrocław*.

Литература

Похождения 2017 – Похождения прапорщика Климова (Мемуары XVIII века). СПб., 2017.

Софронова 2014 – Софронова Л.А. «Записки» Яна Хризостома Пасека. Дневник, роман, энциклопедия. М., 2014.

Nataliya Ananyeva

Lomonosov Moscow State University, Russia

ananeva.46@mail.ru

Adventures of Ensign Klimov as a Model of 18th Century Memoirs

The paper explores the polonisms and toponyms that function in the memoirs of the junior officer of the Russian army Alexei Klimov, who was captured by the Prussian during the

Seven Years War (1756–1763), who became a forced soldier of the Prussian army and spent more than thirty years in a foreign land. Memoirs of participants in hostilities – a popular genre of Slavic memoirs of 17–18th centuries, which include, in particular, the Polish „Pamiętniki” of Jan Chrysostom Pasek.

Key words: *Russian, 18th century, memoirs, polonism, toponym*

14

Татьяна Афанасьева

DOI: 10.31168/91674-576-4.02

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
atha@mail.ru

Татьяна Бурилкина

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
t.burilkina@gmail.com

**Ватиканская псалтырь (Vat. slav. 8):
принципы сокращения кириллического полуустава
и языковая рефлексия писца рукописи**

В докладе будут рассмотрены принципы создания полубуквицы из кириллического старшего полуустава в Ватиканской псалтыри XIV в., а также рассмотрены вопросы, связанные с датировкой и локализацией рукописи.

Ключевые слова: *кириллическая палеография, полубуквица, датировка и локализация рукописи*

В классических трудах по славянской палеографии рукопись Vat. slav. 8 приводится как пример рукописи, написанной полубуквицей или полусловицей. Основной работой, в которой описывается графическая система рукописи, является статья У. Нунцио «О славянской рукописи ватиканской библиотеки №7», в которой приводится таблица соответствия графем, использующихся в рукописи, и кириллических букв [Нунцио 1892]. Нун-

цио указывает, что шрифт, использующийся в рукописи, несомненно, составлен на базе кириллицы, «отдельные начертания которого переписчик, по-видимому, только сократил». С нашей точки зрения, начертания кириллицы сокращены не хаотично, а в соответствии с определенным принципом. Начертания буквы сокращены таким образом, чтобы ее можно было написать в один прием, не отрывая инструмента от пергамента. Незначительные исключения из правила также имеют четкие объяснения, о которых речь пойдет в докладе.

15

Рукопись Vat. slav. 8, возможно, имеет московское происхождение, поскольку является одной из рукописей, привезенной в Италию митрополитом Исидором [della Vida 1939: 77, 92]. В состав рукописи входят молитвы перед чтением Псалтыри, псалмы с 1-го по 138-й, после которого она имеет лауну. Текст кодекса восстанавливается со второй библейской песни, после них следуют чин и молитвы святого причащения. Заканчивается рукопись акафистом пресвятой Богородице, который, как указано в заголовке, служится во вторник по уставу Святой горы: «Уставъ стѣя горы во вторникъ празднуемъ всебл҃гословенѣи втроковицѣ владычицѣ нашей бѣи». Уникальная практика празднования акафиста во вторник, а не в субботу 5-й недели поста, отмечена в греческой триоди XII в. лавры св. Афанасия (Athanas. Г-25, XII в.). Несомненно, что данная рукопись в текстологическом отношении так или иначе связана с традициями Афона, в монастырях которого во второй половине XIV в. славянские книжники активно редактируют богослужебные тексты.

Литература

Нунцио 1892 – Нунцио У. де. О славянской рукописи Ватиканской библиотеки NVII // Журнал министерства народного образования. № XI. 1892. С. 141–147.

della Vida 1939 – Giorgio Levi della Vida. *Richerche sulla formazione del piu antico fondo dei monoscritti orientali della biblioteca Vaticana* // Studi e testi 92. Vaticano, 1939.

Tatyana Afanasyeva

Saint Petersburg State University, Russia

atha@mail.ru

Tatyana Burilkina

Saint Petersburg State University, Russia

t.burilkina@gmail.com

—
16

Vatican Psalter (Vat. slav. 8):

principles for reduction the Cyrillic minuscule

and linguistic reflection of the scribe of the manuscript

The report will discuss the principles of creating a half-letter from the Cyrillic minuscule in the Vatican Psalter of the 14th century, and also issues related to the dating and localization of the manuscript.

Key words: *Cyrillic paleography, half-letter, dating and localization of the manuscript.*

Мария Кристина Брагоне

Университет г. Павии, Италия

mariacristina.bragone@unipv.it

DOI: 10.31168/91674-576-4.03

Наблюдения о переводе И.В. Пауса

***Малого Катехизиса* Лютера**

Предметом доклада является перевод И.В. Пауса «Малого Катехизиса» Лютера, составленный после 1718 г. и до смерти Петра I (1725 г.). Доклад сосредоточивается на языковых особенностях перевода и на религиозной лексике, использованной переводчиком.

Ключевые слова: *И.В. Паус, переводы, «Малый Катехизис» Лютера*

В течение пребывания в России И.В. Паус (1670–1735 гг.) усердно занимался переводческой деятельностью, плодами которой являются, среди прочего, переводы основных текстов протестантства, адресованные в основном проживавшим в России немцам. Среди них выделяется перевод «Малого Катехизиса» Лютера*, который представляет особый интерес.

Перевод «Малого Катехизиса» дошел до нас в трех рукописных списках, которые хранятся в БАН в Санкт-Петербурге среди бумаг Пауса: 1) БАН, 26.3.14, белой список, состоящий из 36 листов [Перетц 1902: 92]; 2) БАН, 34.8.10, белой список, помещенный в рукописной книге, принадлежащей библиотеке Петра I; 3) БАН, 26.3.18, черновой список с исправлениями на полях, содержащий частичный перевод [Перетц 1902: 93].

Паус изготовил перевод, по всей вероятности, после 1718 г., т.е. после даты выхода «Малого Катехизиса» на немецком, которым он воспользовался, и до 1725 г., т.е. до смерти царя. При этом важно заметить, что в 1723 г. Петр I приказал перевести католический, лютеранский и кальвинистский катехизисы на «Славянской діалектъ» и напечатать их [Полное собрание 1830: 9, № 4143]. Перевод Пауса надо рассматривать на фоне интереса царя к катехизисам других исповеданий.

Несмотря на то, что перевод «Малого Катехизиса» остался в рукописи и не получил большого распространения, он является важным источником данных для изучения истории протестантства в России и деятельности Пауса в пользу немецкой общины, проживавшей в стране в Петровскую эпоху.

Кроме того, перевод «Малого Катехизиса» является источником ценного материала, способствующим

* Список переводов И.В. Пауса см. в: Перетц 1902: 142–343 (часть вторая (приложения)).

более обстоятельному описанию переводческой техники и лингвистических воззрений Пауса, учитывая требование Петра I перевести католический, лютеранский и кальвинистский катехизисы на «Славянской діалектъ».

—

18

—

После общего представления перевода «Малого Катехизиса» в докладе будут рассмотрены несколько его языковых особенностей, при этом особое внимание будет обращено на передачу религиозной лексики.

Литература

Перетц 1902 – В.Н. Перетц. Историко-литературные исследования и материалы, Т. III. Из истории развития русской поэзии XVIII в., Санкт-Петербург, 1902 (часть вторая (приложения)).

Полное собрание 1830 – Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. Собрание первое, т. VII. 1723–1727. Санкт-Петербург, 1830.

Bragone 2017 – M.C. Bragone. Fortuna e diffusione del Piccolo Catechismo di Lutero nella Russia di Pietro il Grande // Rivista storica italiana. № 1. 2017. pp. 227–238.

Maria Christina Bragone

Università di Pavia, Italy

mariacristina.bragone@unipv.it

Some observations on the translation of Luther's *Small Catechism* by J.W. Paus

The paper deals with the translation of Luther's Small Catechism made by J.W Paus and focuses on some linguistic features and the translation of religious vocabulary.

Key words: *J.W. Paus, translations, Luther's «Small Catechism»*

Инна Вернер

Институт славяноведения РАН, Россия

inna.verner@mail.ru

DOI: 10.31168/91674-576-4.04

**Наследие Максима Грека в библейской справе
Евфимия Чудовского (80-е гг. XVII в.)**

—
19
—

В работе исследуется использование Евфимием Чудовским достижений Максима Грека в языковой справе библейских текстов. Исправление и перевод Нового Завета Евфимием в 80-е гг. XVII в. демонстрирует не только обращение к переведенным Максимом текстам как к языковым образцам, но и развитие методов его филологической критики текста Св. Писания и его толкования.

Ключевые слова: *Максим Грек, Евфимий Чудовский, церковнославянские переводы с греческого, Псалтырь, Новый Завет*

Церковнославянские переводы Св. Писания, над которыми работал Максим Грек, составляют две неравные группы. К первой принадлежит объемный корпус толковых текстов, переведенных до 1525 г. (Толковый Апостол 1521 г., Толковая Псалтырь 1522 г., Беседы Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея 1524 г. и на Евангелие от Иоанна 1525 г.). Вторая группа состоит из последовательно исправленных по греческому тексту Цветной Триоди 1525 г. и Псалтыри 1552 г. с библейскими текстами без толкований. Наибольшую известность и распространение получили толковые тексты: Толковая Псалтырь известна во множестве списков XV–XIX вв. и издана в единовременной типографии Свято-Троицкой Введенской церкви в Москве в 1896 г., Беседы на Евангелие были также распространены не только в рукописях, но и изданы Московским печатным двором в 1664–1665 гг. Напротив, оба текста правленных текста оста-

лись малоизвестными в рукописной традиции: работа над Цветной Триодью была закончена незадолго до первого суда над Максимом и сохранилась лишь в одной черновой рукописи, Псалтырь 1552 г., законченная в Троице-Сергиевом монастыре за несколько лет до кончины Максима и последовавшей вскоре Смуты, известна в семи списках, два из которых, датируемые началом XVII в., донесли до нас первоначальный подстрочный славяно-греческий текст.

Комплексная работа Максима Грека над переводом и исправлением текста Св. Писания, включавшая в себя текстологическую, лингвистическую и экзегетическую составляющую, более чем столетие спустя нашла свое продолжение в деятельности чудовского инок Евфимия, исправившего после смерти Епифания Славинецкого в 80-е гг. XVII в. выполненный последним перевод четвероевангелия и дополнившего текст собственным переводом апостольских посланий и Апокалипсиса. Евфимием было написано предисловие к переводу Нового Завета, в котором среди основных славянских источников справки были названы Беседы Иоанна Златоуста на Евангелие, переведенные Максимом Греком вместе с Силуаном в Чудовом монастыре в 1524 г.

Списки Нового Завета (ГИМ, Син. греч. № 472 и 473), сохранившие правку Евфимия в тексте и на полях, а также его краткие комментарии к исправлениям наглядно иллюстрируют преемственность справки Евфимия по отношению к библейской критике текста Максима Грека. При этом речь идет не только об использовании переведенных Максимом текстов, но и об общих филологических принципах работы с текстом Св. Писания, наиболее отчетливо воплощенных в правленных текстах.

Евфимий продолжает и развивает заложенную на славянской почве Максимом практику сравнительно-критической текстологии, включавшей в себя обращение к максимально доступному объему текстов на классических языках. Для Максима Грека этот объ-

ем был ограничен печатным и рукописным греческим текстом, сопоставление которого с латинским переводом отмечено несколькими глоссами в интерлинеарном переводе Псалтыри 1552 г. [Вернер 2019а: 61–63]. Евфимий обращается к нескольким современным греческим и латинским изданиям, называя их в своем предисловии и сопровождая приводимые на полях различия из этих источников особыми пометами [Исаченко 2004: XVIII–XIX]. Помимо классических языков, Евфимий привлекает и польские переводы: так, для перевода аргументов (сумм) глав Апостола и Апокалипсиса использовалось издание Нового Завета Якуба Вуйка 1593 г. [Пентковская 2016].

Важное место в справе текстов Св. Писания и у Максима Грека, и у Евфимия отведено передаче значений служебных слов как маркеров точности перевода. Так, правка слав. **же** и **о҃убо** в Цветной Триоди 1525 г. и чудовском Новом Завете соответствует наличию или отсутствию греч. частиц *δὲ* и *μὲν*; Евфимий, как и Максим Грек в Псалтыри 1552 г., предпочитает переводить греч. *διὰ τί* и *ἵνα τί* как **чего ради** вместо **вско҃ю**; у обоих переводчиков присутствует также правка определенных предложно-падежных конструкций; исправлению подлежит союз **такѡ**, вводящий сравнительные придаточные (**такѡже** у Максима Грека) и причинные придаточные (**зане** у Евфимия). Общим местом правки являются многочисленные формы опатива с частицей **да** на месте старых славянских чтений с индикативом.

В выборе определенных лексем Евфимий часто следует варианту Максима Грека в переводе Бесед на Евангелие, сопровождая свою правку соответствующей пометой на полях. К таким предпочитаемым обоими переводчиками особенным вариантам относится, например, глагол **вблистати** вместо **просвѣтити-ся** (греч. *ἐκλάμπω*). Однако правка Евфимия совпадает с переводом Максима не только в объеме указанных

на полях Нового Завета отсылок к Беседам на Евангелие: довольно значительное число повторяющихся лексических исправлений в тексте Евфимия совпадает с исправлениями Максима Грека в Псалтыри 1552 г. (**дѣтище** – **отрокъ**, **ядь** – **пища**, **ножь** – **мечь**, **вселитися** – **обитати** и др.). Замена лексических архаизмов нейтральными лексемами, а также последовательные исправления Евфимием Чудовским бесприставочных глагольных форм на префиксальные находят соответствие в правке Максима в Цветной Триоди 1525 г. и Псалтыри 1552 г. Последний текст, в отличие от Толковой Псалтыри 1522 г., по-видимому, не был известен Евфимию, потому многочисленные совпадения в лексических исправлениях выступают следствием приверженности одному и тому же узусу и переводческой установке.

В Псалтыри 1552 г. Максимом Греком был последовательно применен принцип дистрибуции синонимов в зависимости от их толкового значения (ср., например, **вѣтробы** – *σπλάγχνα* как «внутренности вообще» и **почки** – *νεφρός* как «плотская часть человека, отвечающая за вожделение и похоть»; см. также по отношению к ряду других пар синонимов [Вернер 20196]). Евфимий Чудовский не только ссылается толкования Псалтыри 1522 г. и на прецеденты обусловленных толкованием лексических замен у Максима Грека (в трактате «О исправлении в прежде печатанных книгах минеях неких бывших погрешений в речениях» [Никольский 1896: 99]), но и распространяет этот принцип на производные лексемы, ср. **вѣтробствовати** – *σπλαγχνίζομαι* (Мт 10:26, 14:14, Мк 1:41, 9:22 и др.) вместо старшего варианта **бл҃госердовати**.

Более того, Евфимий применяет тот же принцип для иных лексических пар, значимых в новозаветных контекстах: так, он последовательно заменяет переводящую греч. *δύναμις* лексему **сила** на **мощь**. Во всех евангельских стихах, где речь идет не о физической, но о божественной силе, эти лексемы исправлены в строке по стертому или зачеркнутому либо вписа-

ны на полях; в тексте Посланий, переведенных самим Евфимием, последовательно используется только лексема **мощь** (так что «программная» цитата из 2Кор. 12:9 получает дополнительный акцент за счет противопоставления однокоренных антонимов: **мощь бо моѡ в немоци совершается**). Ср. Мф 24:30 **ѡзрѡтъ сѡ члѣскаго. градѡщаго на ѡблацѣх нѣбныхъ, съ мощію (спасю) и славою мно́гою**; Лк 10:19 **созвѡвъ же двана́десѡтъ ѡчѣны своя даде ѡмъ силѡ** – глосса **мощь**; Лк 4:14 **и во́звратѣся иѡс в мощи** (по стертому) **дхѡ** и др.

— 23 —

Можно предполагать, что такие обусловленные толкованиями лексические исправления учитывают как переводческую практику Максима Грека, так и европейские опыты справы латинского текста после Эразма Роттердамского. Для Евфимия Чудовского таким образом мог послужить латинский перевод Теодора Безы, в котором греч. *δύναμις* передают *virtus* и *potentia*.

Inna Verner

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia
inna.verner@mail.ru

The legacy of Maximus the Greek in the biblical revision of Euthymius Chudovsky (1680s)

The paper explores the use by Euthymius Chudovsky of Maximus the Greek's achievements in the linguistic revision of biblical texts. Correction and translation of the New Testament by Euthymius in the 1680s demonstrates not only the appeal to the texts translated by Maximus as language patterns, but also the development of his philological criticism of the text of Holy Scripture and its interpretation.

Keywords: *Maximus the Greek, Euthymius Chudovsky, Church Slavonic translations from Greek, Psalter, New Testament*

Юлия Верхоланцева

Пенсильванский университет, Филадельфия, США
juliaver@sas.upenn.edu

—
24
—

**Между латинским и церковнославянским:
пути зарождения литературы на народном языке
и вопрос национального нарратива на примере
истории письменности и литературы
Чехии, Хорватии и Польши**

Доклад представляет собой размышление о различных путях развития литератур в Богемии, Хорватии и Польше. Несмотря на юрисдикцию Западной церкви, Кирилло-Мефодиевская миссия создала предпосылки для укоренения славянской письменности в Богемии и Хорватии. В то время как в Хорватии славянская письменность пустила корни, в Чехии славяноязычное население выбрало латинскую книжность. Зарождение и развитие литературы на территории Польши, куда скорее всего не дошла волна Кирилло-Мефодиевской миссии, представляет собой третий сценарий. Изучение различных условий, повлиявших на выбор языка грамотности и принадлежности к литературному сообществу, мне видится как возможность задуматься над тем, как мы изучаем и описываем литературный процесс, как мы осмысливаем историю «национальной литературы», и обязательно ли это понятие должно быть связано с письменностью на народном языке.

Ключевые слова: чешская литература, хорватская литература, польская литература, церковнославянский язык, латинский язык, начало славянской письменности, народный язык, литературный язык, язык грамотности, литературное сообщество, национальная литература

Одной из важных методологических задач, которые приходится решать специалистам по средневековой литературе, является вопрос о том, как адекватно изучать средневековое письменное произведение в рамках современной категории литературы и как вписать корпус средневековых текстов в нарратив об истории литературы на национальном (народном) языке. Смежным с понятием литературы можно считать и понятие литературного языка, а также его отличие от языка письменного, который характеризует письменность как технологию. Достаточно ли считать письменный язык литературным, если он использует образную лексику, синтаксические структуры и риторические приемы, которые выходят за рамки однозначного употребления и характерны для грамотности, или необходимы дополнительные критерии? Но еще более непростым является ряд вопросов о том, что должно произойти, прежде чем мы находим возможным объявить появление новой литературы, которую мы рассматриваем не как хронологический перечень литературных произведений, а как *динамическую систему*, в которой тексты находятся в парадигматических отношениях между собой. Как человек пишущий – *homo scribens* – начинает сочинять художественные тексты, и как человек читающий – *homo legens* – участвует в этом процессе? Как формируется новое пишущее и читающее сообщество, и что определяет выбор языка в этом процессе, если такой выбор представляется?

Для описания появления литературы мне кажется полезным различать две стадии: (1) *создание предпосылок и условий для литературного производства* (то есть появление технологий письма, письменных конвенций языка и механизмов их распространения, которые необходимы для формирования литературы как практики (например, алфавит, синтаксическая структура, литературные модели, обучение новых авторов); (2) *формирование литературного производства как последователь-*

ной практики создания литературных текстов, которые разделяют графические, лингвистические и композиционные принципы и представляют собой установленные формы.

Практически все нарративы истории литературы у славян начинаются с рассказа об изобретении письма и переводческой деятельности святых братьев Константина-Кирилла и Мефодия для введения богослужения на местном языке в Великой Моравии в 860-е гг. Согласно источникам, греческие миссионеры и их ученики перевели необходимые литургические тексты на славянский язык и записали их с помощью специально изобретенного Кириллом алфавита, который в настоящее время известен как глаголица. Моравский проект, который был задуман в духе равенства всех языков и рассматривался как осуществление вероучения о сошествии Святого Духа на апостолов и дарования им языков, заложил необходимую базу для литературного производства на славянском языке. Описание начала любой литературы похоже на разгадывание загадки и соединение далеко отстоящих друг от друга точек прямой линией. До нас дошла лишь малая доля письменных источников, которые появились в первые несколько десятилетий переводческой деятельности, но даже они охватывают впечатляющий жанровый диапазон: от паралитургических и житийных текстов до полемического трактата и утонченной поэзии. Важно помнить, что церковнославянский язык формировался в процессе перевода с позднеантичного и византийского греческого языка, а также с латинского, который уже был в употреблении в Моравии, поэтому ему присущ характер «мертвого» языка. После непродолжительного, но стремительного развития церковнославянской литературы, сторонники славянского богослужения были изгнаны из Великой Моравии, но вскоре получили возможность продолжить свою литературную деятельность в соседних славяноязычных государствах – в Болгарии, Македонии, Боге-

мии и Хорватии. В Болгарии церковнославянская литературная традиция окрепла и преобразилась, положив начало кириллической письменности.

Дальнейшие пути, размах и потенциал письменности и литературы на славянских языках зависели от церковной юрисдикции. Славянские православные церкви, находившиеся в сфере влияния Византии, продолжили выполнение литературной программы, начатой в Великой Моравии. Славяне Балкан и центральной Европы, находившиеся под юрисдикцией Западной церкви, восприняли обряд и литературу на латинском языке. Однако их литературы развивались различным образом. Например, оказавшись между церковнославянской и латинской книжностью, чехи и хорваты сделали противоположный выбор: несмотря на то, что латинская книжность занимала привилегированную позицию, хорватам удалось сохранить славянское богослужение и развить литературу на славянском языке (став на долгие годы единственным сообществом на латинском Западе, соблюдающим обряд не на латинском языке), тогда как в Богемии после непродолжительного противостояния славянское богослужение и связанная с ним литература потерпели полное поражение и исчезли к концу XI в. В польском королевстве, куда скорее всего не дошла волна кирилло-мефодиевской миссии, латинская литература не встретила серьезного сопротивления со стороны славянского языка. Она даже задержалась на более долгий срок, чем в Богемии, где уже в начале XIV в. развивается многожанровая литература на чешском языке, а к XV и XVI вв. чешская литература становится образцом для развития литературы на польском языке.

Сопоставляя предпосылки и условия возникновения вышеуказанных литератур, мы яснее видим, что выбор между родственной славянской и неродственной латинской грамотностью (*literacy*) у различных славяноязычных народов зависел от целого ряда факторов: догмати-

ческих и церковных соображений, политических конфликтов, социальной динамики и – нельзя забывать – от человеческого фактора.

Положение литератур на народных славянских языках между латинским и церковнославянским, выступающими в качестве литературных моделей и агентов грамотности, позволяет выделить несколько парадигм литературного развития. Одним из фундаментальных различий между моделями развития чешской и хорватской литератур является различная база литературности, послужившая одной из предпосылок создания литературного языка. В основу хорватского литературного языка легла церковнославянская грамотность, а чешский литературный язык воспользовался принципами латинской (и в некоторой степени немецкой) грамотности. В случае польского литературного языка чешские модели имели важное значение. Кроме того, в отличие от латыни, церковнославянский язык, несмотря на свою искусственность, будучи языком родственным и относительно понятным, «воскрес из мертвых» благодаря употреблению в среде народных славянских языков, приведя к возникновению локальных литературных вариантов (также называемых в специальной литературе «редакциями», «рецензиями» и «версиями»). Хорватский вариант церковнославянского представляет собой особый случай, поскольку имеет свою уникальную графическую форму – глаголицу. Уже на раннем этапе его развития источники называют этот язык хорватским.

Неоднозначные взаимоотношения между народным языком и его литературными моделями (будь то латынь или местный церковнославянский вариант) заставляют нас задуматься о том, что необходимо не только соответствующим образом учитывать их роль в формировании литературы на народном языке, но и вписать их в общепринятый нарратив истории национальной литературы, который часто строится исключительно вокруг траектории народного языка. Один из вопросов, кото-

рый бы мне хотелось предложить для дискуссии – это вопрос о том, как понимание литературы как динамической системы способствует нашему представлению о том, как концептуализировать историю литературы на народном языке? Какие критерии помогут нам учесть все факторы формирования литературного мышления авторов и соединить все точки в последовательный нарратив, если таковой возможен?

—
29
—

Julia Verkholtantsev

University of Pennsylvania, Philadelphia, USA
juliaver@sas.upenn.edu

Between Latin and Church Slavonic: Literary Beginnings in the Vernacular and the Question of National Narrative in the Literary History of Bohemia, Croatia, and Poland

The paper is a reflection on the differences between the development of Czech, Croatian, and Polish literatures. Despite the jurisdiction of the Western Church, the Cyrillo-Methodian mission created conditions for the adoption of Slavonic writing in Bohemia and Croatia. While in Croatia Slavonic writing gained traction, the Slavic-speaking community of Bohemia chose to adopt Latin as the sole literary language. The literary beginnings in Poland, which had most likely not been affected by the Cyrillo-Methodian mission, represents yet another scenario. The study of different conditions leading to the adoption of a language of literacy and textual community presents an opportunity to ponder how we study and describe a literary process in general, as well as how we understand the concept of a “national literature” and whether this concept should apply only to literature in the vernacular.

Keywords: *Czech literature, Croatian literature, Polish literature, Church Slavonic, Latin, introduction of Slavonic writing, vernacular, literary language, language of literacy, textual community, national literature*

Максим Гаврилков*Институт славяноведения РАН, Россия*

reven1995@gmail.com

**Новое о цитатном пространстве «Стязания о извъѣстном
иночьскомъ жительствоѣ...» Максима Грека**

Полемическое сочинение Максима Грека рассматривается на двух уровнях: текстологическом и функциональном. Первый представлен новой, уточненной и наиболее полной атрибуцией библейских и святоотеческих цитат и их тематическим членением. Второй уровень представлен композиционной перестройкой цитатного пространства, которое формирует «Лествицу спасения» и тем самым реализует основной императив конфессиональной культуры.

Ключевые слова: *Максим Грек, «Лествица спасения», цитатное пространство, функциональность, атрибуция*

Несмотря на разметку цитатного пространства «Стязания о извъѣстном иночьскомъ жительствоѣ, лица же стязующихся Филоктимонъ да Акимонъ, сирѣчь любостязательнии да нестязательнии», осуществленную при его критическом издании 2014 г. под редакцией Н. В. Синицыной [Грек 2014: 219–230], часть цитат осталась неатрибутированной, некоторые отмеченные цитаты содержали ошибки и неточности атрибуции как в протяженности цитируемого текста, так и в его источнике. В издании была представлена двухуровневая маркировка цитат: во-первых, указание библейского источника на полях напротив строки, содержащей последнее слово цитаты (или строкой ниже в случае расположения нескольких цитат на одной строке), и, во-вторых, расстановка знаков цитирования — кавычек.

Проведенная сверка «Стязания...», и в особенности уже обозначенных издателями цитат, с библейскими текстами позволила уточнить атрибуцию и выявить новые цитаты, несущие принципиальное значение для интерпретации текста.

Расхождения, уточнения и атрибуция еще не выделенных цитат здесь приводится в сопоставительном аспекте. Указывается страница в издании 2014 г. [См.: Таблица 1].

—

31

—

Таблица 1
Новое в атрибуции цитатного пространства
«Стязания...»

[Преп. Максим Грек. Т. 2, С. 219–230]	Новая атрибуция (МГ¹)
Нет атрибуции	С. 221: исповѣдаа себе бывша отца сирым и вдовамъ предстателя и нищим, николи же тща отпустих (монтаж из Иов 29:12–13, 16)
Нет атрибуции	С. 221: днесъ спасение дому сему (Лк 19:9) ²
Нет атрибуции	С. 222: Вѣра бо кромѣ благых ³ дѣлъ мертва естъ (Иак 2:17, 26.)
Нет атрибуции	С. 222: естъ главизна всѣм божественным заповѣдемъ Его и сѣузъ съвършенства (Кол 3:14)
Нет атрибуции	С. 222: Ёлико бо, рече, сътвористе // единому от меншихъ сихъ братии Моен, Мнѣ есте сътворили. /Такожде/ и сущим ошю (Мф 25:40–41) ⁴

1. Максим Гаврилков.

2. Следует предположить случайный недосмотр издателей, поскольку данное место уже было выделено в предыдущих изданиях и переводах текста [Сочинения 1860: 96; Сочинения 1910: 60].

3. Благых – инородная вставка Максима Грека. Отсутствует в библейском источнике. Нуждается в атрибуции (возможно, влияние толкования Иоанна Златоуста на Кол. 3:14).

4. В издании 1860 г. дана неполная атрибуция: Мф 25:40.

С. 223: «Познах, яко сътворит Господь сѹд нищим и мѣсть ѹбогим» ⁵	С. 223: Познах, яко сътворит Господь сѹд нищим и мѣсть ѹбогим (Пс 139:13)
С. 223: «одевелъ бо сердце наше», якоже Исана рече о древнем жестоковым Изранли, «и ѹшима тяжко слышим» (Ис 6:12)	С. 223: одевелъ бо сердце, якоже Исана рече о древнем жестоковым Изранли, наше и ѹшима тяжко слышим (Ис 6:10)
Нет атрибуции	С. 224: вѣрѹ, сирѣчь, сѹд и милость (Мф 23:23)
Нет атрибуции	С. 224: снх подобаше творити (Мф 23:23)
Нет атрибуции	С. 224: и онѣх не оставити (Мф 23:23)
Нет атрибуции	С. 224: превзыти правдѹ фарн//сѣѣнскѹ (Мф 5:20)
Нет атрибуции	С. 224: не внидете въ Царство Небесное (Мф 5:20)
Нет атрибуции	С. 225: Ветхая бо мимондоша вся быша нова (II Кор 5:17)
Нет атрибуции	С. 225: Аще кто въ Христѣ, Павелъ божественны вѣпниетъ, нова тварь (II Кор 5:17)
Нет атрибуции	С. 225: отложим от себе вся дѣла ветхаго челоуѣка, яже сѹть блѹд всякъ, неправда, лихонманне, хыщенне, татѣа, пнаньство, безчинне всяко и безстѹдство (монтаж из разных мест Кол 3)
С. 225: «Яко же носихом образ прѣстнаго, да носим, рече, и образ небеснаго» (I Кор 15:48)	С. 225: Яко же носихом образ прѣстнаго, да носим, рече, и образ небеснаго (I Кор 15:49)

5. Маркирован курсивом в дореволюционных изданиях, кавычками в издании 2014 г., но атрибуция отсутствует.

Нет атрибуции	С. 226: Не можете во, рекоша неложнаа уста Христова, Богү работати и мамонь (Мф 6:24. Лк 16:13)
Нет атрибуции	С. 226: любовию съвършеною, яже есть съүзъ съвършеньства и всего закона исполнение (Кол 3:14)
С. 227: «Престүпники възмнѣх вся грѣшныа земли» (Пс 118:119)	С. 227: Престүпники възмнѣх вся грѣшныа земли сего ради възлюбих свидѣнна твоя (Пс 118:119)
Нет атрибуции	С. 227: насытно сердце прегрѣдаго очесе (Пс 100:5)
Нет атрибуции	С. 228: Лучше во есть, рече премүдрость Божна, не общатися и отдати, нежели общатися и не отдати (неточная цитата Еккл 5:4)
С. 229: «Никто же, рече, възиньствүа съплетається житє-нскими күплями» (II Тим 2:4)	С. 229: Никто же, рече, възиньствүа съплетається житєнскими күплями, да причитавшему его въ воинѣх үгодитъ (II Тим 2:4)
Нет атрибуции	С. 230: отвращаяся обличенни отчаяль есть своего спасенна («Лествица» Сл. 4. Гл. 44)

Количественно преобладают цитирования самых читаемых в процессе литургии текстов: Псалтырь — 23 цитаты; Мф — 18; Лк — 8; Ин, Кол — 4; I Кор, II Кор — 3; Ис, Иак, Евр — 2; Иов, Еккл, I Ин, Рим, I Тим, II Тим, «Лествица» Иоанна Синайского — 1.

Выделяется присутствие цитаты из небиблейского текста, из «Лествицы» Иоанна Синайского. Это единственная цитата, относящаяся не к Священному Писанию, а аскетическому разделу патристики. Обращение к определенному святоотеческому прецедентному авторитетному тексту задано тематическим императивом. Именно «Лествица» Иоанна Синайского задает идеал

монашеской жизни, подробно описывает необходимые обеты для соблюдения и иллюстрируется историями жизни раннехристианских монахов.

Ввиду явно обозначенной цитаты из «Лествицы», являющейся ключевой для понимания цитатного пространства можно поставить вопрос о наличии имплицитных лествичных цитат в тексте.

Членение цитат по тематическому принципу обуславливает выделение следующих тем:

- Богатства, включающая «подтемы»:
 - благотворительности (раздача богатства, отказ от имущества)
 - ростовщичества (лихоимства),
 - стяжания,
 - нищеты;
- Праведности-неправедности:
 - любви,
 - мирского,
 - правды фарисейской,
 - непонимания;
- Спасения;
- Совершенства;
- Царства небесного;
- Обличения;
- Покаяния.

В *Таблице 2* цитатные атрибуции распределены по темам, тематические столбцы расположены в определенном порядке, отражен принцип последовательности цитат в тексте. Знак «~» используется для избежания дублирования референции, когда цитата содержит несколько тем.

Тематическое распределение цитатного пространства

Обличение	Показание	Праведность / неправедность	Богатство	Совершенство	Спасение	Царство небесное
		<p>Мф 19:29 (Лк 18:29, 30) ↔ Лк 9:62</p> <p>Мф 3:12 Пс 145:9 Пс 93:6 Мф 25:41 Иак 2:17, 26 Ин 14:21, 24</p> <p>Ин 15:14</p> <p>І Ин 2:4</p> <p>Мф 25:40</p> <p>Пс 11:6</p> <p>Пс 139:13</p> <p>Пс 9:19</p> <p>Иак 2:13</p> <p>Ис 6:10</p> <p>Мф 23:23</p> <p>Мф 5:20</p> <p>ІІ Кор 5:17</p> <p>Мф 5:20</p>	<p>Мф 81:3</p> <p>Кол 3:14</p> <p>Мф 23:23</p> <p>Пс 111:9</p> <p>Мф 6:24 (Лк 16:13)</p> <p>Мф 13:22</p> <p>Пс 61:11</p> <p>І Тим 6:10</p>	Мф 5:48	Лк 9:56 Лк 19:9 Мф 20:28	<p>~</p> <p>~</p> <p>~</p> <p>І Кор 15:50</p> <p>Мф 5:20</p>

Обличение	Покаяние	Праведность / неправедность	Богатство	Совершенство	Спасение	Царство небесное
		Лк 18:11 Кол 3:5, 6 Евр 12:14 Ин 4:24 Пс 149:1 Пс 118:119 Пс 25:5 Пс 100:3 Пс 100:5 Пс 118:72 Пс 36:16 Пс 118:163 Мф 22:40 Ин 14:21, 24 Рим 13:10 Пс 36:26 Пс 118:21 Пс 24:3 Пс 118:118 Евр 10:31 Еккл 5:4	~ ~ Лк 6:34–36			Мф 11:12 I Кор 15:49 I Кор 15:50

Обличение	Покаяние	Праведность / неправедность	Богатство	Совершенство	Спасение	Царство небесное
Лествица Сл. 4. Гл. 44	~	Пс 75:12 Пс 5:7 II Тим 2:4 Лк 9:23 (Мф 16:24) Ис 1:19	~ Мф 19:21	~ ~ ~	~ ~	

Важная словесная формула выносится в название другого соположенного со «Стязанием» сочинения Максима Грека: **«слова дѹшеполезна зѣло внимающим нѹ»**. Такая словесная формула ставит задачу перед читателем быть особо внимательным и прилагать усилия к пониманию, иначе все окажется тщетно. Практически это означает необходимость прочтения цитатного пространства на двух уровнях и необходимость произвести манипуляции над текстом.

Императивность конфессиональной культуры должна задавать императивность порождаемых в ее рамках текстов: идея спасения должна быть императивной для книжности. Идея спасения тесно сопряжена с идеей царства небесного. Действительно, в «Стязании» императивом является идея спасения. Выявить это позволяет цитата из «Лестницы» Иоанна Синайского, завершающая сочинение перед формульным окончанием **«Здравствуйте о Господѣ!»**: **«отвращаяся обличении отчаяль есть своего спасенна»**.

«Лествица», входя в комплекс аскетических текстов, является руководством к совершенствованию, адресованном монахам. Именно в самом характере «Лествицы» открывается ключ к пониманию функциональной нагруженности цитат в сочинении Максима Грека: он предлагает путь совершенствования, являющий путь к спасению. Здесь актуализируется влияние Савонаролы, оказанное на Максима Грека. Центральная тема проповедей Савонаролы — покаяние. Только так можно стяжать милость Божию и благодать.

Лествичная цитата задает тему обличения несправедливой жизни. Обличение рассматривается в перспективе спасения, выводящего на достижение царства небесного. Так, расположенная в сильной позиции цитата явно усиливает тематический ключ, находящийся в третьей и четвертой репликах текста. Более того, она выводит на более глубокое понимание используемого Максимом Греком цитатного пространства, воплощающего идею совершенствования. Цитата прочерчивает основанный на конкретных действиях духовный путь, по которому должен следовать праведный инок: от обличения до спасения.

Цитатное пространство имеет иерархический, «лестничный», характер, заключающийся в восхождении по тематически обусловленным «ступеням». Такая «цитатная лествица» непосредственно призвана реализовать императив конфессиональной культуры и интенцию книжника. Последнее представляется верным ввиду плачевной, с конфессиональной точки зрения, ситуации, в которой оказываются оппоненты авторской позиции: любостяжательные не достигают царствия небесного. Тематическая иерархия «ступеней» «цитатной лествицы» представляется организованной следующим образом: Царство небесное ← Спасение ← Совершенство ← Нестяжательство (тема богатства) ← Праведность ← Покаяние ← Обличение.

Так, нелинейно прочитанное цитатное пространство выстраивает следующий путь праведного инока, путь исправления, на который должны встать стяжатели: обличение в грехах, признание обличения, отказ от богатства, его полная раздача нуждающимся, достижение совершенства и спасение.

—

Литература

39

Грек 2014 – Преподобный Максим Грек. Сочинения. Т. 2 / Отв. ред. Н. В. Синецына. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014. 432 с.

—

Сочинения 1860 – Сочинения преподобного Максима Грека: в 3 ч. Казань, 1860. Ч. 2. 460 с.

Сочинения 1910 – Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1910. Ч. 1. 291 с.

Maxim Gavrilkov

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia
 reven1995@gmail.com

Quotations in Maximus the Greek's “Dispute on the Avowed Monastic Life” Revisited

The paper approaches Maximus the Greek's polemical work both from the text-critical and functional perspectives. The text-critical case study reveals a new, refined and most complete attribution of biblical and patristic quotations and their thematic division. Restructuring quotations so that they form the “Salvation Ladder” demonstrates presence of the main imperative of Christian culture in the text.

Keywords: *Maximus the Greek, Salvation Ladder, quotation, functional approach, attribution*

Людмила Донина

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт лингвистических исследований РАН, Россия
ldonina@mail.ru

40

Связь семантического различения и грамматического варьирования в средневековом тексте

В докладе исследуются средневековые взгляды на природу слова и связь смысла слова с его грамматическим оформлением на материале памятника XV в. «Летописец Еллинский и Римский».

Ключевые слова: древнерусский язык, «Летописец Еллинский и Римский», слово, морфологическая парадигма

Введение. Целью работы является взаимосвязанное рассмотрение двух разноуровневых категорий средневекового текста – семантического различения и грамматического варьирования – и выяснение практических представлений древнерусского книжника о их корреляции или независимости. Предметом описания является репрезентация важнейшей языковой единицы – слова, с учетом того, что «с пониманием сущности слова» были тесно связаны и «основные проблемы средневековых философских воззрений» [Ковтун 1991: 182]. Материал извлечен из древнерусского хронографа «Летописец Еллинский и Римский», предположительно составленного в Новгороде в сер. XV в. [Творогов 1999–2001].

Три типа значений «слова». Сущ. *слово* употреблено в тексте 395 раз, что позволяет на его примере показать различие книжниками, в т.ч. грамматическими средствами, конкретного и абстрактного, профанного и сакрального в смысле и значении «слова». Ранние восточнославянские грамматики отражают понимание двой-

ственной природы слова, отмечая «символическое отношение к тексту, т.е. умение видеть в нем прямое и непрямое значение», как в «Беседе о учении грамоте»: «Слово же в человеце во образъ Сына Божия, понеже Сын Божий имат у себе два рождения. <...> Понеже бо наше слово рождается прежде от душа некимъ рождениемъ непостижным, и пребывает у душа неведомо. И паки рождается вторымъ рождениемъ плотскимъ, еже есть устами изыдетъ и гласомъ в слышании объявится» [Мечковская 1984: 33, 60]. «Весь мир полон символов, и каждое явление имеет двойной смысл» [Лихачев 2004: 96].

—
41
—

Однако в «Летописце Еллинском и Римском» выражен троичный принцип, освоенный первоначально славянским богословием. Представлена градуальная оппозиция трех типов значения лексемы *слово*. Расположив их на условной вертикальной шкале абстрактное/конкретное, мы получим три основные точки, вокруг которых возможно развитие дополнительных значений.

1. Бог Слово. Высшую точку занимает *Слово* «одно из имен Иисуса Христа», богословское *понятие*, представленное в трех вариантах:

а) *Слово: Пръвое Богъ, по том Слово и Духъ с ним.* Грамматически это сущ. одушевленное: *Слова же и Духа Свята... разумѣти*;

б) *Бог Слово* в двух грамматических вариантах: со склоняемым / несклоняемым компонентом *Слово* (*къ Богу Слову / Богу Слово*). Видимо, во втором варианте перед нами попытка сохранить неизменяемым сакральное имя и употреблять теософский термин постоянно в форме им. падежа ед.ч., которая выступает основой «нащупываемой» языком парадигмы. Для слова в этом значении она является наиболее ценной функционально, обозначая активное действующее начало, и преобладает количественно. Идея единства слова во всех формах важна и для становления парадигмы, но рассмотренная её реализация противоречит языковой системе, поэтому непоследовательна: *иного же суца Бога*

Слова от Отца рождена, етера же от Мариа рождена челоѡѡка, одръжанием же съвокуплена Богу Слово;

в) *Божие Слово* и *Слово Божие*, в двух вариантах порядка слов: *Божиа Слова и его приишествия / Не присно Богъ Отець бысть, ни присно бысть Слово Божие.*

Формы мн. ч. в христианско-богословских контекстах отсутствуют.

2. Слово Божие. В средней части шкалы абстрактное/конкретное находится *Слово* «Божественное волеизъявление», которым всё сотворено и которое вместе с тем может быть обращено к человеку. *Символическое* употребление требует постоянного эпитета: *Слово Божие, Христово, Господне, божественное.*

Может быть «пересказано» как «учение», «заповедь»: *Апостоли ... Слово Божие глаголати не престаюху.* Значение этого уровня можно назвать соединяющим два крайних члена тернарной оппозиции: «Слово Божие – это слово Богочеловеческое» [Аверинцев 2006: 824].

3. Мирские словеса. Третий уровень объединяет слова земные, конкретные, индивидуальные. Здесь речь о *словесе/словеси/словесъ* (со всеми возможными вариантами флексий) воинов, волхвов, философов... Под влиянием многозначности греч. слова развилось несколько значений, напр. «спор»: *и паки зависть, и паки гнѣвъ, и паки вражда и словеси явление.* Во всех значениях встречаются основы с –ес. Многочисленны формулы с глаголами: *слово дати* «обещать». *Образное* значение характеризуется богатством признаков: *дивными словесы, легькими, мирными, неполезными и врьдоумными, книжными, молебными*, которые уточняют смысл (*грѣчкими словесы* «по-гречески»).

Значения «человеческого» уровня реализуются в контекстах в формах мн. ч.; «абсолютное» сконцентрировано в формах ед. ч. (*наказая словеса и божественное слово явѣ учити*). Однако формы ед. ч., на которые приходится 2/3 фиксаций, могут обозначать и идеи вещей, и их единичность.

Имеющиеся в древнем словоизменительном классе на *-s две формообразующие основы в этот период коррелировали с категорией числа. Сущ. *слово* демонстрирует общую закономерности: во мн. ч. (и в местном падеже ед.) наличие *–ес* обязательно; в ед. *–ес* сохраняется лишь в 10% употреблений. Переосмысление грамматической категории числа было значимым, но противопоставление идеи и фактов в числовых формах не стало препятствием для становления парадигмы.

Выводы. «Слово» усилиями книжников постепенно приобретает черты зрелого концепта: «...условимся под *концептом* понимать всю совокупность содержательных форм, одну из таких содержательных форм считать *понятием*, а соответствующую понятию сущность – *концептумом*» [Колесов 2019: 316–317]. Две содержательные формы – образ и символ – выглядят вполне сложившимися в контекстах, описанных как «мирские словеса» и «Божественное Слово»; понятие «Бог Слово» можно обозначить как термин теологии. Образ, символ и понятие представляют содержательные формы и концепта (единицы ментального плана), и слова (языковой единицы) [Колесов 2019]. Вместе они сформируют собственно лингвистическое понятие, но это произойдет уже в Новое время, когда сложится и морфологическая парадигма.

Употребление лексемы *слово* в тексте хронографа допускает предположение о том, что в сознании средневекового книжника логическое и лингвистическое в природе слова не разъединены, что позволяет использовать одну лексему в столь разных типах контекстов. Но мысль и слово и не смешиваются, и умственные усилия направлены на семантическое различение помысленного и произнесенного, в том числе за счет выбора грамматических вариантов. Заметнее всего связанность смысла и основы, одушевленность, предположение ед. или мн. числа, степень варьирования флексий – от «несклоняемости» до 4–5 разных окончаний для одной падежно-числовой формы.

Литература

Аверинцев 2006 – Аверинцев С.С. Слово Божие и слово человеческое // Аверинцев С.С. София–Логос. Словарь. Киев, 2006. С. 816–830.

Ковтун 1991 – Ковтун Л.С. Языкознание у восточных славян в XI–XV вв. // История лингвистических учений. Позднее средневековье СПб.: Наука, 1991. С. 182–208.

Колесов 2019 – Колесов В.В. Основы концептологии. СПб.: Златоуст, 2019. 776 с.

Летописец 1999, 2001 – Летописец Еллинский и Римский. Т. 1. Текст / осн. список подгот. О.В. Твороговым и С.А. Давыдовой. СПб.: Дм. Буланин, 1999; Т. 2. Комментарий и исследование О.В. Творогова. СПб.: Дм. Буланин, 2001.

Лихачев 2004 – Лихачев Д.С. Раздумья о России. СПб.: Логос, 2004. 654 с.

Мечковская 1984 – Мечковская Н.Б. Ранние восточнославянские грамматики. М.: Изд-во «Университетское», 1984. 160 с.

Ludmila Donina

Saint Petersburg State University,

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia

ldonina@mail.ru

Correlation of semantic difference and grammatical variation in medieval text

In this article factual information by XVth century ancient writing «Hellenic and Roman Chronicle» is analysed and presented. The focus of the paper is on the Medieval theory of «words» and formation of the paradigm of nouns.

Key words: *Old Russian language, «Hellenic and Roman Chronicle», Logos, morphological paradigm*

Маргарита Живова

DOI: 10.31168/91674-576-4.08

Римский университет Roma Tre, Италия

zhivova2002@gmail.com

**Механизмы создания гимнографического текста:
заимствования и адаптация
(на примере русской минеи XVI в. ТСЛ 541)**

—
45
—

В докладе демонстрируются приемы и механизмы создания новых служб святым на базе прямых заимствований и адаптации гимнографических текстов, анализируются выбор источников заимствования, способы переадресации песнопений и структурные особенности последований.

Ключевые слова: *гимнография, служба, адаптация, XVI век*

Margarita Zhivova

Roma Tre University, Italy

zhivova2002@gmail.com

**The mechanism of adaptation of a hymnographical text:
borrowings and adaptation on the example
of the Russian menaion of the 16th century**

The paper demonstrates the techniques and the mechanisms for creating of the new services for saints on the basis of both direct borrowings and an adaptation of the existing chants. It also analyzes the choice of the sources, the way of redirecting of the hymns and the structural peculiarity of the services.

Key words: *hymnography, service, adaptation, 16th century*

Наталья Запольская

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Институт славяноведения РАН, Россия
zapolskaya_n@mail.ru*

46

**От церковнославянского к русскому
литературному языку: субграмматика
в лингвистических сочинениях XVII–XVIII вв.**

В докладе представлен анализ идеосемантических и идеофункциональных норм, демонстрирующих влияние церковнославянского языка на новый русский литературный язык XVIII в.

Ключевые слова: церковнославянский язык, русский литературный язык XVIII в., субграмматика, идеосемантические и идеофункциональные нормы

1. Субграмматика: идеосемантические нормы, идеофункциональные нормы. *Нормы* литературного языка как определенного страта являются результатом лингвистической рефлексии носителей языка, результатом сознательно осуществленного выбора языковых элементов в позициях потенциальной вариантности. Характер вариантности определяется тем, что носители языка могут обращаться к разным языковым данностям: либо только к своему литературному языку, представленному в статике или в динамике, либо к своему литературному языку в его отношении к языку повседневного общения, либо к своему литературному языку в контексте других литературных языков. Обращение носителей языка потенциально к любым позициям выбора, возможным в рамках осмысляемого литературного языка с целью исправления литературного языка или создания нового литературного языка, приводит к выработке *формационных норм*. Обращение носителей языка уже к отобранному языковому мате-

риалу, т.е. расширение или сужение его границ с целью культурно-идеологической спецификации отдельных языковых элементов, приводит к созданию норм, которые могут быть названы *делIMITАТИВНЫМИ* [Запольская 2008]. Именно в процессе создания делимитативных норм наглядно проявляется взаимодействие культуры и языка, поскольку императивы культуры всегда предписывают языку либо специфическую семантику, либо специфические сферы употребления. Соответственно, в зависимости от задач культурно-идеологической спецификации следует различать *идеосемантические* и *идеофункциональные нормы*. Выработка *идеосемантических* норм предполагает осложнение исходной языковой семантики слова или формы дополнительной, культурно переменной семантикой, создание же *идеофункциональных* норм предполагает наложение на слово или форму определенной культурно переменной функциональной обязанности. Формационные нормы определяют нормативную *грамматику* языка, тогда как делимитативные нормы формируют нормативную *субграмматику* языка.

2. Идеосемантические нормы церковнославянского языка. В пространстве конфессиональной культуры *идеосемантические* нормы являлись результатом «христианизации» языка, т.е. осложнения буквальных смыслов смыслами сакральными. Показателями идеосемантики выступали форманты, входившие в варианты ряды *книжный / некнижный, книжный / книжный, книжный корректный / книжный некорректный*, которые переосмыслились книжниками как теологически мотивированные оппозиции. Средства выражения идеосемантики имели разный нормативный статус, поскольку были либо нормативным решением отдельного книжника, либо общепринятой нормой, и с течением времени либо оставались фактом отдельного текста, либо получали кодификацию в авторитетных текстах и в метатекстах. Заключение в идеосемантике зависимость язы-

ка от теологии, а также выбор определенных средств ее выражения могли получать обоснование в комментариях, что делало идеосемантику «выговоренной». Однако обычно идеосемантика оставалась «невыворенной», что осложняет исследование идеологически отмеченных языковых единиц, поскольку, прежде чем изучать, их следует «вычитать» как из текста, так и из метатекста [Запольская 2018].

В метатекстах идеосемантика отдельных слов могла «скрываться» в парадигмах и в таблицах, представлявших репертуар формантов. Так, в Грамматике 1648 г. московские издатели поместили перед парадигмами имен существительных **оудобнѣйшаго ради скорагв познанїа** сводные таблицы, демонстрирующие конечные буквы падежных флексий. Современные лингвисты обратили внимание на «несоответствие сконструированной таблицы реальному языковому материалу издаваемой грамматики», поскольку, например, «в таблицу включены *лишние* наборы флексий, которые не соответствуют ни одной из парадигм грамматики: для существительных мужского рода это ряд – И ѿ, Р а, Д ѿ, В а, З ѿ, Т ѣ, М ѣ» [Грамматика 1648: 555–556, 557].

Однако если, во-первых, принять во внимание, что московские книжники не всегда следовали «своей» метаязыковой модели и давали материал по моделям и других грамматик, прежде всего, грамматики Смотрицкого 1619 г., а во-вторых, обратиться не только к парадигмам, но и комментариям, сопровождающим парадигмы, можно реконструировать даже две парадигмы, объясняющие сам факт наличия в таблице показателей одушевленных имен существительных мужского рода на – ѿ.

А) В Грамматике Смотрицкого 1619 г. представлен комментарий, касающийся греческих заимствований, среди которых выделяется собственное имя **Мѣркос** → **Мѣрко**, склонение которого отличается от представленного парадигмой слова **Пророкъ** только формой за-

тельного падежа: Оупотребляема бываютьъ Главны... Греческаа ... имена/ мужескаа на/ оъ ... сходящаа: ѿкѡ / Маркос... ѿ Ѿмещеѣ/ и творить Главенское имя/ Марко, во всѣхъ падежехъ: ѿкѡ Пророкъ, развѣ звателнаго на/ кѡ, не на/ че сходящаго/ скланяемое... [Граматики: 203–204]. Однако в Грамматице 1648 г. этот комментарий отсутствует, кроме того, в таблице формант звательного падежа равен форманту именительного падежа.

Б) В Грамматике Смотрицкого 1619 г. и в московской Грамматике 1648 г. содержится комментарий, представляющий формальную дифференциацию слова как имени нарицательного и Слова как имени собственного, т.е. именования Бога Сына: в В. ед. наряду с флексией -о допускалась флексия -а, в Зв. ед. наряду с флексией -о допускалась флексия -е. При этом флексии -а, -е рассматривались как показатели мужского рода, что позволяло, во-первых, включать Слово в один грамматический ряд с именами Гдѣ/ Бгѣ/ Ѿцѣ / Бгѣ/ Дхѣ Г: Іс/ хс/ Бпсѣ и, во-вторых, демонстрировать грамматическое тождество греческого и церковнославянского языков: Слово: егда превѣчное Бга Ѿца Слово знаменѣтъ/ вниителный ѿ звателный сѡгѡбѣ приеѣлетѣ, сі естѣ средняя рода ѿ мужеска/ Слово ѿ Слова: Слово/ ѿ Слове [Граматики: 199–200; Грамматика 1648: 121].

Кодифицированная вариантность флексий для Слова давала возможность выбора: московские книжники фиксировали в таблице флексию мужского рода -а в В. ед., тогда как автор рукописной анонимной грамматики начала XVII в. (Грамматика доброглаголивого и пространнаго словенского языка — ГИМ, Син. 734) приводил флексию мужского рода -е в Зв. ед., выделяя тем самым форму молитвенного обращения к Богу: слове (л.39). В начале XVIII в. Поликарпов в трактате «Хридожество грамматическое» представлял для имени собственного только флексии мужского рода -а

и -е, которые он, однако, толковал не как показатели рода, а как показатели *одушевленности*, т.е. посредством атрибуции выделял позицию В. ед., что указывало на грамматическую особенность церковнославянского языка по сравнению с греческим языком: **Слѡво, ѿгда превѣчное Бга ѡца слѡво знаменуетъ, винительный, ѿ звателный, ѡбразѡм ѡдѡшевленныхъ полагаетъся, ѿкъ тогѡ слѡва, ѡ слѡве** [Поликарпов 2000: 122]. Императивность идеосемантических норм *Слова* проявилась даже в том, что в новом русском литературном языке XVIII в. для него была кодифицирована форма Зв. ед. на -е, наряду с другими формами сакрально маркированных имен существительных мужского рода, о чем свидетельствовал Тредиаковский в трактате «Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих знаний»: «Многие звательные падежи, которые у нас все подобны именительным (кроме преблагословенных и превысоких сих имен: Боже, Господи, Иисусе Христе, Сыне, *Слове*, то есть воплощенное Слово) могут иногда в стихах образом славенских кончиться» [Тредиаковский 1735:18].

Таким образом, можно предположить, что ряд падежных показателей в таблице

пра́вый	ѡ	а	ѳ	а	ѡ	ъ	ѣ
---------	---	---	---	---	---	---	---

не был *лишним*, поскольку демонстрировал обязательную для всех грамматик парадигму имени *Слово*.

3. Идеофункциональные нормы церковнославянского языка и нового русского литературного языка. Секуляризация культуры в XVII веке выразилась в расширении функций церковнославянского языка, который должен был уже обслуживать и собственно литературные тексты, выполнявшие эстетические задачи. Актуальным приемом «украшенности» языка явились

поэтические вольности, поскольку в виршевой поэзии, составлявшей основу литературы XVII в., важно было «укладывать» слова и формы в нужный размер по числу слогов. Учение о поэтических вольностях, разработанное в риториках и грамматиках классических языков, стало составной частью и церковнославянских риторик и грамматик, кодифицировавших тем самым репертуар идеофункциональных норм. Система поэтических вольностей церковнославянского языка, представленная в Грамматике Смотрицкого и повторенная в других грамматиках, включала как искусственные версификационные варианты, основанные на прибавлении/убавлении буквы или слога в начале/середине/конце слова, так и неравносложные грамматические варианты:

а) формы имен м.р. в Р.мн. с флексиями *-ъ*, *-въ* рассматривались как пример «убавления» слога из середины слова: **Ѣтиснѣніе/ ѣсть слога ѣ среди речѣніа ѡзложѣніе: ѡкв/ ...человѣкъ, в мѣстѣ члвѣкъвъ** [Грамматики : 469];

в) полные и краткие формы прилагательных и причастий в Им. ед. рассматривались как пример «убавления» слога в конце слова: **Оустѣніе/ ѣсть слога ѡ концѣ речѣніа ѡрѣшеніе: ѡкв/ чистѣ, в мѣстѣ чистый...** [Грамматики : 470].

Осуществлявшийся в XVIII веке переход от конфессиональной культуры к секулярной обусловил создание нового литературного языка, т.е. формирование как формационных, так и делимитативных норм. Развитие в этот период поэтических литературных жанров актуализировало необходимость создания новой системы поэтических вольностей, возможных в стихах уже на русском литературном языке. При этом, разрабатывая новую систему поэтических вольностей, т.е. вводя идеофункциональные нормы, писатели учитывали систему поэтических вольностей, заданную церковнославянской традицией. Так, Кантемир в «Письме Харитона Макентина к приятелю о сложеніи сти-

хов русских» утверждал, что «все сокращения речей, которые славенской язык узаконяет, можно понужде смело принять в стихах русских» [Кантемир 1744: 22]. При этом Кантемир отнюдь не «формулировал общий закон вольностей» [ср.: Винокур 1959: 128], согласно которому в русские стихи допускались любые неравносложные славянизмы, а отсылал к двум видам поэтических вольностей — **стиснѣнію** и **оуѣсчѣнію**: ключом именно к такой отсылке являлись примеры «сокращений», совпадающие с примерами в церковнославянских грамматиках. Равным образом и Тредиаковский в «Разговоре об орфографии» характеризовал формы Р. мн. в терминах поэтических вольностей, а отнюдь не в терминах, отражающих «общие представления о механизмах формопроизводства» [ср. Живов 2004: 376–379], отступая от традиции только в том, что считал форму Р. мн. результатом «усечения», а не «стиснения» [Тредиаковский 1849: 50]:

Смотрицкий	Кантемир	Тредиаковский
Стиснѣніе/ ёсть слога з" среди реченіа изложеніе: іа́кѡ/ ...человѣкъ, в мѣстѣ члѣвѣкѡвъ Оуѣсчѣніе/ ёсть слога в" концѣ реченіа ѡрѣшеніе: іа́кѡ/ чист", в мѣстѣ чистый	Все сокращения речей, которые славенской язык узаконяет, можно понужде смело принять в стихах русских... изрядно употребляется человѣкъ, чистъ, вместо человѣковъ, чистый (27)	Сие усечение бывает наиболее в родительных и падежах, множественного числа. Например, целый падеж есть родительный множественный: человѣковъ , усекается сим образом: человѣкъ ...(50)

Таким образом, реализация принципа преемственности в сфере делимитативных норм показывает, что транслируются и адаптируются не просто отдельные языковые элементы, а культурно-языковые модели.

Литература

Винокур 1959 – Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.

Грамматика 1648 – Грамматика 1648 г. /Предисл., науч. коммент., подг. текста и сост. указателей Е.А. Кузьминовой. 2007.

Грамматики 2000 – Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Предисл. Е.Кузьминовой, М. Ремневой. Сост., подг. текста, научный комментарий и указатели Е.А. Кузьминовой. М., 2000.

Живов 2004 – Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М., 2004.

Запольская 2008 – Запольская Н.Н. Грамматика и субграмматика славянских литературных языков(XVI–XVIII вв.): теория и история норм // XVI Международный съезд славистов (Охрид, 10–16 сентября 2008 г.). Славянское языкознание. Доклады российской делегации. М., 2008. С. 199–224.

Запольская 2018 – Запольская Н. Н. Христианизация языка: показатели идеосемантики слов // Римские кирилло-мефодиевские чтения. Selecta. Славянское Средневековье. Богослужение. Книжность. Язык. М., 2018. С. 145–160.

Кантемир 1744 – Кантемир А. Квинта Горация Флакка десять писем первой книги. Переведены с латинских стихов на русские и с примечаниями изъяснены от знатного некоего охотника до стихотворства с приобщенным при том письмом о сложении русских стихов. СПб., 1744.

Поликарпов 2000 – Поликарпов Федор. **Технолѳга**. Искусство грамматики / Издание и исследование Е. Бабаевой. СПб., 2000.

Тредиаковский 1735 – Тредиаковский В.К. Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих знаний. СПб., 1735.

Тредиаковский 1849 – Тредиаковский В.К. Сочинения. СПб., 1849. Т.III.

Natalya Zapolskaya

Lomonosov Moscow State University,

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia

zapolskaya_n@mail.ru

—
54
—

**From Church Slavonic to the Russian Literary Language:
Subgrammar in Linguistic Writings of the 17–18th Centuries**

The report presents an analysis of ideosemantic and ideofunctional norms that demonstrate the influence of Church Slavonic on the new 18th century Russian literary language.

Keywords: *Church Slavonic, 18th century Russian literary language, subgrammar, ideosemantic and ideofunctional norms*

Наталья Карева

DOI: 10.31168/91674-576-4.10

Институт лингвистических исследований РАН, Россия

natasha.titova@gmail.com

Евгений Матвеев

Санкт-Петербургский государственный университет,

Институт лингвистических исследований РАН, Россия

ematveev@list.ru

**Наименования тропов и фигур речи
в филологических трудах Ломоносова
и его предшественников**

В докладе в ходе сопоставления терминологии тропов и фигур в риторических трактатах М. В. Ломоносова и восточнославянских риторических трактатах XVII в. выявлена уникальность «Краткого руководства к красноречию»: в его терминологии проводится стро-

гая дифференциация греческих заимствований и русских по происхождению лексем, а также отсутствию терминологической избыточности. Анализируются колебания, которые испытывал Ломоносов при номинации тропов и фигур; показано, как именно он творчески перерабатывал терминологическое наследие своих предшественников. Также выявлен источник перечня «стихотворческих» и «грамматических» фигур, помещенных в «Материалах к Российской грамматике».

55

Ключевые слова: *тропы, фигуры речи, риторическая терминология, Ломоносов, «Российская грамматика».*

1. Анализ материалов словаря «Риторика М. В. Ломоносова» [Риторика Ломоносова 2017] позволяет провести сопоставление терминологии тропов и фигур в риторических трактатах М. В. Ломоносова («Краткое руководство к риторике» (КРР) и «Краткое руководство к красноречию» (КРК)) и в наиболее значимых восточнославянских риторических трактатах предшествующей традиции – в «Риторике» 1620 года, «Риторике» Софрония Лихуда, переведенной с греческого Козмой Афоноверским (1698), «Риторике» Михаила Усачева (1699) и в «Риторической руке» Стефана Яворского, переведенной с латинского Федором Поликарповым (1705).

2. В риторических трактатах Ломоносова все термины раздела «Тропы» являются греческими заимствованиями, а все термины раздела «Фигуры» представляют собой русские по происхождению лексемы. В обоих ломоносовских «Риториках» эксплицирована связь между понятием «троп» и греческим языком. Ср. в КРР: «Сим образом перемененные слова называются с *греческого* <курсив наш – Е. М., Н. К.> языка тропы, то есть отращения» [Ломоносов 1952: 50] (далее ссылки на это издание оформляются сокращенно: в скобках указываются страницы); в КРК: «Великолепием украшается слово чрез пренесение речений или предложе-

ний от собственного знаменования к другому, которые (пренесения) у греков называются тропами» [237].

3. Как соотносится ломоносовская система наименований тропов и фигур с терминологическими системами предшественников? Исследователи уже обращали внимание на то, что «русскоязычные риторики XVII–XVIII вв. характеризуются не разветвленностью, но избыточностью терминологических обозначений – стилистической «пестротой», смешением старых и новых слов, церковнославянизмов и лексических калек» [Богданов 2006: 77]. Такая картина действительно наблюдается во всех четырех риториках XVII в., вошедших в материал словаря «Риторика М. В. Ломоносова», и это касается как терминологии тропов, так и терминологии фигур. Подобные «межъязыковые» терминологические дублирования (русский термин + греческий или латинский термин) характерны и для послеломоносовских риторических трактатов, в частности, они обнаруживаются в «Кратком руководстве к оратории российской» Амвросия Серебренникова (1778) и в «Общей реторике» Н. Ф. Кошанского (1829). Уникальность КРК Ломоносова состоит в том, что оно, напротив, тяготеет к отсутствию терминологической избыточности и синонимии: «межъязыковое» дублирование в окончательном тексте «Риторики» полностью отсутствует, Ломоносов сохраняет в большинстве случаев только один термин. Это термин греческого происхождения – для тропов, и русский – для фигур.

4. Анализ текстологических вариантов КРК и текста КРР демонстрирует колебания Ломоносова в выборе терминов. В разделе «Тропы» колебания касаются наименования только одного тропа – гиперболы (в КРР, помимо термина *гипербола*, использован его русский аналог – *превышение*; итоговый вариант в КРК – *ипербола*). Из 34 описанных в КРК фигур колебания в выборе термина фиксируются в 13 случаях. Отказ Ломоносова от того или иного использованного им ранее термина может быть связан с разными предполагаемыми причинами:

а) Выбор греческого термина вместо русского в разделе «Тропы»: *ипербола* вместо *превышение*. Выбор русского термина вместо греческого в разделе «Фигуры»: *обращение* вместо *апостроф*, *единознаменование* вместо *синонимия*.

б) Замена кальки новым термином, лучше объясняющим понятие: *единознаменование* вместо *соименство* (калька греческого *συνωνμία*). Ср. ломоносовское определение этой фигуры: «Единознаменование есть соединение речений, то же или сродное и близкое знаменование имеющих» [260].

— 57 —

в) Тенденция к использованию в разделе «Фигуры» одной словообразовательной модели (с суффиксами -ениј-, -ниј-, -иј-) – самой распространенной среди калек наименований изобразительных средств языка [Рупосова 1987: 13]. Возможно, по этой причине Ломоносов отказывается от таких терминов, как *разговор*, *соименство*, *лествица*.

г) Стремление очистить текст КРК от тавтологичности, т. е. от толкования риторических терминов с помощью однокоренных слов. Например: «Наклонение есть, когда то же речение повторяется, будучи *предложено* на другие времена или падежи» [260] (в КРК зачеркнут термин *предложение*).

5. Какие данные можно извлечь из сопоставления терминологии Ломоносова с предшествующими русскими риториками? (Такое сопоставление ценно вне зависимости от того, были эти трактаты непосредственными источниками Ломоносова или нет, т. к. в них отражается «определенный переводческий узус, который мог иметь относительную устойчивость и поддерживаться – в том числе в учебном процессе» [Лемешев 2014: 631]). Почти все использованные в «Кратком руководстве к красноречию» термины раздела «Тропы» встречаются в риториках предшественников Ломоносова. Единственным исключением является *парафразис* – во всех четырех рассмотренных риторических тракта-

тах XVII в. используется термин *перифрасис*. Здесь можно предполагать обращение Ломоносова к античной риторической традиции – *paraphrasis* встречается, например, у Квинтилиана [Риторика Ломоносова 2017: 115]. Еще один пример освоения античной традиции (в этом случае греческой) – это термин *синекдохе*, использованный Ломоносовым в КРР (ср. греч. συνεκδοχή). Во второй Риторике Ломоносов уже использует вариант этого слова, соответствующий морфологической системе русского языка (*синекдоха*).

Ломоносовские термины раздела «Фигуры» по-разному соотносятся с терминами предшественников:

а) Терминология Ломоносова совпадает с одним или с несколькими предшествующими риторическими трактатами: *повторение*, *усугубление*, *обращение*, *сообщение*, *расположение*, *уступление*, *умолчание*, *сомнение*, *пременение*, *желание*, *моление*, *изображение*, *восклицание*.

б) Терминология Ломоносова не совпадает с рассмотренными предшествующими риторическими трактатами: *бессоюзие*, *согласование*, *изречение*, *присовокупление*, *вольность*, *напряжение*, *возвышение*.

в) Окончательный ломоносовский термин не совпадает с терминами предшественников, однако «промежуточный» аналог, от которого Ломоносов отказался, с ними совпадает или является их словообразовательной вариацией: *лествица* (КРК) → *восхождение* (КРК), ср. *лествица* (Риторика 1620, Яворский); *предложение* (КРК) → *наклонение* (КРК), ср. *приложение* (Лихуд), *предложение* (Усачев); *разговор* (КРР, КРК) → *заимословие* (КРК), ср. *разговорение* (Риторика 1620); *одержжание*, *удержание* (КРР) → *умедление* (КРК), ср. *задержание*, *нижа* (Яворский); *оставление* (КРР) → *прохождение* (КРК), ср. *оставление* (Усачев).

г) Окончательный ломоносовский термин буквально не совпадает с терминами предшественников, однако является их словообразовательной вариацией:

тожде знамение (Усачев) → однозначеновательные слова (КРР) → единознаменованіе (КРК); многосоузное (Лихуд) → многосоюзіе (КРК); отвещаніе (Яворский) → ответствованіе (КРК); исправленіе (Риторика 1620, Усачев, Яворский), исправленіе (Лихуд) → поправленіе (КРК); объятіе, пріятіе (Риторика 1620) → заятіе (КРР, КРК).

Видно, что Ломоносов, создавая в КРК свою ясную и лаконичную риторическую терминологическую систему, лишенную терминологической избыточности, творчески использует восточнославянское риторическое наследие. При этом он не руководствуется неким единым принципом работы с терминологией предшественников: в одних случаях он «заимствует» уже существующий термин, в других – изобретает свой, в-третьих – варьирует имеющийся, в-четвертых – сначала использует существующий термин, но впоследствии, редактируя свой текст, отказывается от него в пользу оригинального наименования. Анализ нашего материала также показывает, что к середине XVIII в. в русской риторической традиции терминология тропов, в отличие от терминологии фигур, уже была устоявшейся. Ломоносов пытался создать терминосистему фигур с опорой на русскую терминологию. Большинство предложенных им наименований использовались еще в первой половине XIX в., однако впоследствии вышли из употребления.

6. Наименования фигур встречаются у Ломоносова не только в его риторических трактатах. На листе 53 рукописи, хранящейся в СПФА РАН (Ф. 20. Оп. 1. Д. 5) и названной при публикации в полном собрании сочинений Ломоносова «Материалами к Российской грамматике», помещен перечень фигур на латинском языке [657]. Фигуры подразделяются на *стихотворческие* (*prothesis, aphaeresis, epenthesis, syncope, paragoge, apostrophe, tmesis, antithesis, metathesis*) и *грамматические* (*enallage, synaeresis и dieresis*). Удалось выявить источник этого фрагмента. Записи Ломоносова представляют

сбой конспект соответствующих разделов из грамматики Эммануэля Альвара (Manuel Álvares, 1526–1572) «De institutione grammatica libri tres» (1-е изд. 1572). Согласно данным Г. М. Коровина, учебник Альвара был в библиотеке Ломоносова [Коровин 1961: 196]. Видно, что Ломоносов заимствует у Альвара термины, схему расположения материала и частично примеры, однако в большинстве случаев опускает дефиниции. Представляется вероятным, что Ломоносов, конспектируя грамматику Альвара, планировал включить раздел о фигурах в «Российскую грамматику».

Литература

Богданов 2006 - Богданов К. А. О крокодилах в России: Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М., 2006.

Коровин 1961 - Коровин Г. М. Библиотека Ломоносова. Материалы для характеристики литературы, использованной Ломоносовым в его трудах, и каталог его личной библиотеки. М., Л., 1961.

Лемешев 2014 - Лемешев К. Н. Наименования фигур предложения в Риторике М. В. Ломоносова // Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. X. Часть 1. СПб., 2014. С. 629–663.

Ломоносов 1952 - Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: в 11 т. М.; Л., 1950–1983. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л., 1952.

Риторика Ломоносова 2017 – Риторика М. В. Ломоносова / П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, А. А. Ветушко-Калевич, Н. В. Карева, К. Н. Лемешев, Е. М. Матвеев, К. М. Номоконова, А. Н. Семихина, А. С. Смирнова, К. Ю. Тверьянович, А. К. Филиппов, М. Г. Шарихина / науч. ред. П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, Е. М. Матвеев. СПб., 2017.

Рупосова 1987 - Рупосова Л. П. Формирование терминологии гуманитарных наук в русском литературном языке. М., 1987.

Natalia Kareva

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia
natasha.titova@gmail.com

Evgeniy Matveev

Saint Petersburg State University,
Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia
ematveev@list.ru

61

**Names of tropes and figures of speech
in the philological works by Lomonosov
and his predecessors**

The paper focuses on the comparison of the terminology of tropes and figures in the rhetorical treatises by M. Lomonosov and in the East Slavonic rhetorical treatises of the 17th century. Unlike his predecessors, Lomonosov provides strict differentiation between Greek borrowings and lexemes which are Russian by origin and doesn't allow any terminological redundancy. Oscillations that Lomonosov experienced during the nomination of tropes and figures are also analyzed. It is shown how exactly Lomonosov creatively works on the terminological heritage of his predecessors. We also reveal the source of the list of figures placed in the «Materials for Russian grammar».

Key words: *tropes, figures of speech, rhetorical terminology, Lomonosov, «Russian Grammar»*

Елена Коницкая

DOI: 10.31168/91674-576-4.11

Вильнюсский университет, Литва
jelkon@gmail.com

**Категория двойственного числа в двух славянских
грамматиках: А. Бохорич и М. Смотрицкий**

В славянских грамматиках XVI–XVII вв. категория двойственного числа представлена в первой словенской

грамматике «Arcticae horulae succisivae» (1584, Виттенберг) грамматиста-протестанта А. Бохорича (1520–1588; далее ГБ) и в грамматике церковнославянского языка «Грамматики славенския правильное синтаagma» (1619, Евье; далее ГС) М. Смотрицкого (1578–1633 (?)). Ранее высказывалось мнение о возможном влиянии на ГС словенской грамматики. Анализ форм дв.ч. в ГБ и ГС позволяет сделать вывод, что такое влияние, вероятнее всего, отсутствовало. Создавая грамматики, авторы руководствовались различными целями: если А. Бохорич исходил из практики использования форм живого языка, то Смотрицкий стремился к максимально четкой дифференциации форм мертвого письменного языка.

Ключевые слова: *двойственное число, словенская грамматика, Адам Бохорич, Мелетий Смотрицкий, дифференциация грамматических форм*

В славянских грамматиках XVI–XVII вв. категория двойственного числа последовательно представлена в написанной на латыни первой словенской грамматике «Arcticae horulae succisivae» (слвн. «Zimske urice proste») (1584, Виттенберг) протестанта Адама Бохорича (1520–1588) (далее ГБ) и в грамматике церковнославянского языка «Грамматики славенския правильное синтаagma» (1619, Евье) (далее ГС) Мелетия Смотрицкого (1578–1633 (?)).

Внимание исследователей привлекает то, что в ГС в глагольных временах различаются формы м.-ср. р. (чтѣва, читаахова) и ж. р. (чтѣвѣ, читааховѣ). По мнению А. И. Исаченко, это противопоставление, не отмеченное в вост.-слав. редакции церковнославянского языка, заимствовано из ГБ [Исаченко 1977: 115 и др.]. По словам Н.Б. Мечковской [1984: 84], ситуацию следует рассматривать не столь однозначно: допуская, что данная оппозиция была известна Смотрицкому по ГБ, она считает, что появление четкого различия по роду в дв. ч. в категории, характеризовавшейся

размытостью противопоставления, в ГС обусловлено стремлением к четкости оппозиции, в результате чего «происходит искусственное углубление наметившейся дифференциации» [там же].

Словенские ученые также обращали внимание на совпадение оппозиции форм м., ср. р. формам ж.р. дв.ч. в близких по времени создания славянских грамматиках. А. Дерганц в статье о возможном влиянии ГБ на ГС [Derganc 1986a] приводит, помимо мнения А.И. Исаченко, также высказанную О. Горбачом [1974] мысль о том, что Смотрицкий мог познакомиться с ГБ, путешествуя со своим учеником князем Соломерецким по немецким университетам, в том числе и в Виттенберг. Она же приводит мнение В. В. Нимчука о возможном соотношении разделения глаголов по родовому признаку в дв. ч. с окончаниями личных местоимений (**ва**, **вѣ**); кроме того, по Нимчуку, аналогичные приводимым в ГС формы дв. ч. отмечены в текстах, в которых заметно второе южнославянское влияние [Нимчук 1982: 18–19; по А. Дерганц]. А. Дерганц упоминает также о возможном влиянии на ГС К. Костенечского (начало XV в.), хотя у последнего в дв. ч. формы ср. и ж. р. противопоставлены формам м. р. Появление дифференциации форм дв. ч. ср.-м. р. и ж.р. в ГС она считает продолжением традиции второго южнославянского влияния [см. также 1986б].

Последовательно проведенный анализ форм дв. ч. по всем частям речи в ГБ и ГС показал следующую картину.

1. В ГБ дв. ч. впервые упоминается в парадигме склонения члена (артикла): **м. р.:** N. *ta*, G. *tiu*, D. *tima*, Acc. *ta*, V. *o*, Abl. *od tiu*; **ср. р.:** N. *ta*, G. *tiu*, D. *tima*, Acc. *ta*, V. *o*, Abl. *od tiu*; **ж.р.:** N. *te*, G. *tiu*, D. *tima*, Acc. *te*, Abl. *od tiu* [ГБ: 45–46]. Надо сказать, что в ГБ склонение описывается по латинскому образцу и не совпадает с современным представлением падежей; следует указать также, что Бохорич, говоря об артикле, отмечает его нехарактерность для словенского языка и ссылается на влияние

немецкого языка, однако приводит артикли как помогающие определить грамматические категории имен.

В парадигмах дв. ч. существительных в ГБ окончания м. р. и ср. р. Им./Вин. п. совпадают и отличаются от окончаний ж. р.:

—

64

—

м.р.: N. *ta ozheta* G. *tiu ozhetov* (oczet, oczov), D. *tima ozhetama* (ozhetma), Acc. *ta ozheta*, V. *o vi ozheta*, Abl. *od tiu ozhetov* (ozhet, ozhov);

ср.р.: N. *ta piſma*, G. *tiu piſmih*, D. *tima piſ(ma)ma*, Acc. *ta piſma*, V. *o vi piſma*, Abl. *od tiu piſmih*;

ж.р.: N. *te Matere*, G. *tiu Mater*, D. *tima materima* (materma), Acc. *te matere*, V. *o vi matere*, Abl. *od tiu mater*.

В парадигмах прилагательных и местоимений наблюдается аналогичная картина, ср. для прилагательных:

м. р.: N. *ta dobra*, G. *tiu dobrih*, D. *tima dobrima*, Acc. *ta dobra*, V. *o vi dobra*, Abl. *od tiu dobrih*

ср. р.: N. *ta dobra*, G. *tiu dobrih*, D. *tima dobrima*, Acc. *ta dobra*, V. *o vi dobra*, Abl. *od tiu dobrih*

ж. р.: N. *te dobre*, G. *tiu dobrih*, D. *tima dobrima*, Acc. *te dobre*, V. *o vi dobre*, Abl. *od tiu dobrih*.

При описании глагольных форм в ГБ отмечается, что словенский язык в отношении дв. ч. подобен греческому («как у греков», с. 96). В парадигмах последовательно различаются формы м. и ср. р., с одной стороны, и формы ж. р. — с другой: так, при образовании причастий прош. вр.: м., ср. р. *delala* — ж. р. *delale*; страдательных причастий прош. вр.: м., ср. р. *delana* — ж. р. *delanae*, ср. также спрягаемые формы: глагол *biti* (*ſem*), наст. вр.: 1 л. м., ср. р. *mi ſva* — ж. *ſve*; аналогично 2 л. м., ср. р. *vi ſta* — ж. р. *ſte*; буд. вр. 1 л. м., ср. р.: *bodeva* (*bova*) — ж.р. *bodeve* (*bove*); прош. вр. 1 л. м., ср. р. *ſva bila*; буд.вр. 1 л. м., ср. р. *bova ſekala* — ж. р. *ſve bile*; *bove ſekale* и т. д. Отступление от регулярного противопоставления форм м., ср. р. (с окончанием -а) от форм ж. р. (с окончанием -е) — в 3 л. глагола *biti*, где для всех трех родов указана форма *ſta* (с. 102).

2. В ГС категория дв. ч. вводится с объяснением его значения (с. 31), затем в парадигмах имен всех склонений оно последовательно представлено. Регулярным маркером м. и ср.р. выступает в Им., В. и Зв. п. окончание **-а (-а)**, маркером ж.р. – окончание **-ѣ (-и)**:

м. р.:

Им., В., Зв. **та іѡна**, Р. и Сказ. **тою іѡнѣ**, Д., Тв. **тыма и тѣма іѡнама**;

Им., В., Зв. **та клеветѣ**, Р. и Сказ. **тою клеветѣ**, Д. **тыма клеветѣма**; Тв. **тѣма клеветѣма**;

Им., В., Зв. **та пастырьѣ**, Р. и Сказ. **тою пастырю**, Д. **тыма пастырьѣма**; Тв. **тѣма пастырьѣма**;

ср. р.:

Им., В., Зв. **та имена**, Р. и Сказ. **тою именѣ**, Д. **тыма именѣма**; Тв. **тѣма именама**;

Им., В., Зв. **та дреѡа**, Р. и Сказ. **тою дреѡѣ**, Д. **тыма дреѡѣма**; Тв. **тѣма дреѡѣма**;

ж. р.:

Им., В., Зв. **тѣ дѣѡѣ**, Р. и Сказ. **тѣю дѣѡѣ**, Д., Тв. **тыма и тѣма дѣѡѣма**;

Им., В., Зв. **тѣ заповѣдѣ**, Р. и Сказ. **тѣю заповѣдѣю**, Д. **тыма заповѣдѣма**; Тв. **тѣма заповѣдѣма**.

Им., В., Зв. **тѣ ладѣи**, Р. и Сказ. **тѣю ладѣю**, Д., Тв. **тыма и тѣма ладѣма**.

В склонении прилагательных, числительных представлены те же основные маркеры – окончание **-а** для м., ср., окончание **-ѣ** для ж. р. (м., ср. р.: **та два**, ж.р.: **тѣ двѣ**), то же для местоимений (**сей**, **мой**: дв. ч., м., ср. р. **сіа**, **моѣ**; ж. р. **сіѣ**, **моѣ** и т. д., за редкими отступлениями (см. местоимение **сам**, для которого во всех родах указана форма Им., В. **сама**)).

В глагольных формах устанавливается то же: наст. вр. м., ср. р. **чтеѡа**, **чтеѡа**, **чтетѣ** против ж. р. **чтеѡѣ**, **чтеѡѣ**, **чтетѣ** и т. д.

3. При сравнении описаний дв. ч. в ГБ и ГС заметны сходства и различия. Так, в ГБ в Р. п. формы дв. ч. имени совпадают с формами мн. ч. (ср. *ozhe*: мн. ч. N.

ti ozheti, *G. tih ozhetih, ozhetov, ozhet*; *pismo*: мн. ч. *N. ta pisma*, *G. tih pismih, pislam*), а в ГС формы дв. ч. в целом отличаются от форм мн.ч.

А. Бохорич, создавая первое описание живого славянского языка, не имея предшественников, в своей грамматике опирается на узус, на практику использования форм, ср. формы дв. ч. в сочинениях П. Труба-
ра и Ю. Далматина (о дв. ч. в слов. языке XVI в. см. [Якор 2010]). Между тем перед М. Смотрицким стояли совершенно иные задачи. В ГС очевидно стремление к максимальной дифференциации форм, четкому распределению показателей, каковыми в дв. ч. выступают проведенные по всем частям речи для м., ср. р. основное окончание -а, для ж. р. — окончание -ѣ; при этом парадигмы дв. ч. в целом противостоят парадигмам ед. и мн. ч., что подтверждает последовательность в проводимой систематизации грамматических форм.

Литература

ГС 1619 — Смотрицкий Мелетий. Грамматіки СлавенскиА правильное Свнтагма. Евье, 1619.

ГБ 1584 — Bohorič Adam. Arcticae horulae succisivae = Zimske urice proste. Prev. in spr. študijo napisal J. Toporišič. Maribor, 1987.

Исаченко 1977 — Исаченко А. В. Влияние словенского языка на разработку истории русского языка в XVI в. и XVII в. // Nachtigalov zbornik. Ljubljana, 1977. S. 109–117.

Мечковская 1984 — Мечковская Н.Б. Ранние восточнославянские грамматики. Минск, 1984.

Німчук 1979 — Німчук В. Граматика М. Смотрицького — перлина давнього мовознавства // Мелетій Смотрицький. Граматика, підготовка факсимільного видання та дослідження пам'ятки В. В. Німчука. Київ, 1979.

Derganc 1986a — Derganc A. O morebitnem vplivu Bohoričeve slovnice na cerkvenoslovansko slovnico Meletija Smotrickega // 16. stoletje v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi (Obdobja, 6). Ljubljana, 1986. S. 319–327.

Derganc 1986 – Derganc A. Prve cerkvenoslovanske in Bohoričeva slovnica // Slavistična revija, letnik 34, št. 1. Ljubljana, 1986. S. 67–76.

Horbatsch 1974 – Horbatsch O. (ed.). Meletij Smotryč'kyj: Hrammatiki Slavenskija Pravilnoe Syntagma. Jevje 1619. Kirchenslavische Grammatik (Erstausgabe). Frankfurt am Main 1974.

Jakop 2010 – Jakop Tjaša. Dvojinske oblike v delih protestantskih piscev // Reformacija na Slovenskem (Obdobja, 27). Ljubljana, 2010. S. 357–69.

67

Jelena Konickaja

Vilnius University, Lithuania

jelkon@gmail.com

The Category of Dual in the Two Slavic Grammar Books:

Adam Bohorič and Meletius Smotrytsky

In the Slavic grammar books of the 16th–17th centuries, the category of dual was represented in the first Slovenian grammar book «Arcticae horulae succisivae» (1584, Wittenberg) by the Protestant grammarian A. Bohorič (1520–1588) and in the grammar book of the Church Slavonic language «Slavonic Grammar with Correct Syntax» (1619, Jevje) by M. Smotrytsky (1578–1633 (?)).

It was assumed earlier that the Slovenian grammar had had a possible impact on Smotrytsky's Grammar. However, the analysis of the dual forms in Bohorič's Grammar and Smotrytsky's Grammar showed that such an impact was most likely impossible. When creating their grammar books, the authors were guided by different aims: if A. Bohorič was following the practice of using the forms of a living language, then Smotrytsky was orienting towards the fixed stable forms of dead written language.

Keywords: *dual, Slovenian grammar, Adam Bohorič, Meletius Smotrytsky, differentiation of grammatical forms*

Светлана Королёва

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет, Россия
petel@yandex.ru*

68

Синодики убиенных во брани в народно-религиозной традиции: локальные культы и тексты

В докладе рассматривается связь храмовых синодиков-помянников с локальными народно-религиозными культами убиенных, сложившимися на Тобольской земле, в Северном Прикамье и Вятском крае. Поминальные списки характеризуются с точки зрения их использования, способов публичной репрезентации, соотношения с местными легендарно-историческими сюжетами.

Ключевые слова: *синодик, помянник, убиенные воины, народная религиозность, локальный культ*

Синодики-помянники – книги, куда записывались имена умерших для церковного поминовения, – сформировались как добавление к той части Чина православия, где провозглашалась *вечная память* защитникам христианства от иконоборцев и еретиков. В дальнейшем поминальные списки стали предваряться обширными предисловиями о необходимости помянуть усопших и тщете земной жизни, в XVII–XVIII вв. превратившись в своего рода «народную книгу» и даже найдя отражение в лубке [Петухов 1895: 4–6; Понырко 1989; Дергачева 2011: 9–20]. Параллельно продолжали существовать более простые синодики-помянники, основу которых составляли сгруппированные по разрядам списки имен (князья и княгини; представители церковной власти; вкладчики и члены их рода и т.д.). В эпоху Ивана Грозного, на которую пришлось множество военных кампаний, началось активное составление воинских помянников [Бычкова 1986], традиция которых

была заложена еще в XV в. (см., напр., список участников Куликовской битвы, *избиенных от Мамая* [СК]).

Интерес к различным видам храмовых синодиков заметно вырос в 2000–2010-е гг.: сегодня в научный оборот вводится множество архивных текстов, исследователи-медиевисты используют их для исторических реконструкций, анализируют как отражение церковных представлений о загробном мире, рассматривают в связи с литургическими текстами и богослужебной практикой (см., к примеру [Дергачёва 2011; Новгородские синодики 2017]). В монографии А.И. Алексеева «местные» (монастырские и церковные) помянники упоминаются как часть заупокойно-поминального культа, активно формирующегося на Руси в к. XIV – нач. XVI вв. и испытывающего влияние народных традиций [Алексеев 2002: 131–180]. Однако в целом число работ, где ставится вопрос о связи поминальных списков с народной культурой, кажется, невелико.

Очевидно, что синодики прямо повлияли на целый ряд фольклорных поминальных текстов [Королёва, Ключкова 2016]. Еще одной формой связи можно считать случаи, когда синодики включают имена, отсылающие к легендарным событиям местной истории (в числе которых часто фигурируют битвы). Рассказы о них составляют часть фольклорной традиции, а материальные «следы» (объекты природного ландшафта, погребения, предметы-реликвии и т.п.) включаются в локальные народно-религиозные культы. В этой работе будут кратко охарактеризованы три региональные традиции, зафиксированные на Русском Севере, Урале и в Сибири.

Первая традиция – зауральско-сибирская, основной ареал которой составлял Тобольск с окрестными территориями. В 1621–22 гг. здесь был составлен т.н. *Синодик Ермаковым казакам* (далее СЕ). Наличие кратких сведений об обстоятельствах их гибели позволили местному летописцу использовать это произведение как осно-

ву официального летописания; автор включил в свой труд и текст синодика, благодаря чему тот сохранился в редакциях и списках Есиповской летописи. Собственно СЕ известен по списку вт. четв. XVII в. (?) в составе Чина православия [Покровский, Ромодановская 1987: 30–31]. В нем, в частности, объявляется *отоману Ивану Кольцу* <...> *со всею дружиною своею, единокупно вси главы своя под меч положишиа* <...>, *вечная па[мять] б[ольшая]*. <...> *Якову, Роману, <...> Ивану и Ермаку, еже изволи бог живот свой скончати и кровь свою пролити от нечестивых з дружиною своею безвестно, ве[чная память] б[ольшая]* [СЕ 1987: 380–381]. СЕ читался в тобольском храме Св. Софии вплоть до нач. XVIII в. Чин православия допускал поминание местных угодников до их официального утверждения патриархом. Вопрос о канонизации Ермака, действительно, ставился, и хотя он не был решен положительно, это не помешало формированию народного культа. Фольклорные предания о Ермаке широко известны на Урале и в Сибири (в них фигурировал и упоминаемый в синодике *Иван Кольцо* [Блажес 2002: 108, 121, 139]). Почитание героя выразилось в функционировании и сохранении ряда реликвий (в основном тобольских), связываемых с именем Ермака: икон из походной часовни, хоругвей, боевых знамен, панциря (кольчуги), оружия [там же: 72–73; Туров и др. 2016: 186, 192–207]. Утрата сведений о точном месте погребения способствовала возникновению нескольких *могил Ермака*, почитаемых не только русскими, но и сибирскими татарами (для исцеления, удаchi в делах и т.п.) [Блажес 2002: 51–52, 161; Белич 2016: 248–258; Майничева 2013].

Вторая традиция – вятская. В церковных синодиках г. Хлынова (сейчас г. Киров) XVII в. и более позднего времени обнаруживаются местные списки *убиенных во брани*, включающие имена *устюжских* и *Анфала* (Никитина, новгородского боярина). Так, в синодике вятского Богоявленского собора читаем: *Устюж-*

ские. *Василиа, Феодора, Патрикия, и иже с ними 7000 убитых под Котельничем градом. Сабурова дружина. Анфала, Стефана, Нестора <...> и иже с ними убиенных* [Мусихин 2019: 343]. Содержали упоминание об убиенных из *Сбурова дружины* и поминники некоторых сельских храмов (в Подчуршино, Макарьевском и др.). О том, что *Михаило Розсохинъ уби на Вятке Анфала и сына его Нестера* в 1418 (или другом) году, сообщается в ряде общерусских и местных летописных сводов [Низов 2002: 83–85]. В более поздней традиции бой новгородского боярина Анфала Никитина с предводителем вятчан Рассохиным отождествляется с сюжетом местного предания, известного во множестве вариантов: устюжане поспешили на помощь осажденным союзникам-вятчанам, но ночью войска не узнали друг друга и вступили в битву. Легендарное место братской могилы было отмечено часовней, в память о побоище была установлена панихида. Поминальный день в Хлынове (Вятке) назывался *Свистопляска* или *Свистунья*, он включал кулачные бои, перебрасывание глиняных шаров-*шарышей*, свист в берестяные и глиняные свистульки, ярмарку и городское гуляние (подробнее см. [Коршунков 1998; 2019]). Сходные предания и поминальные обряды (по новгородцам либо *устюжским родителям*) существовали и в других вятских поселениях – г. Котельниче, Слободском, с. Подчуршино, Покровском, Верхосунье, Истобенском [Балыбердин 2011; Мусихин 2019: 92–94].

Третья интересная традиция сформировалась на Урале, в Северном Прикамье, между старинными городами Чердыню и Соликамском, – что соответствует направлению совершаемых на них вооруженных набегов. Один из них случился в 1547 г., когда *января 6-го бысть побиеение от набега нагайских татар, Чердынского уезда, в Кондратьевской слободе, над Вишерою рекой 85 человек* (цит. по [Бастылев, Ветчакова 2007: 5]). В Чердыни сложился культ воинов-защитников, встретивших вра-

гов на дальних подступах к городу и погибших в битве. Помянник с их именами и сейчас входит в синодик чердынского Иоанно-Богословского монастыря: «*Помяни Господи души усопших раб Твоих избивенных на брани Иоакима, Феодора, Макария, <...> Иова-инока <...>. Сии страдалцы побиеши быша при нашествии на град Чердынъ...*» [Там же: 14]. Его появление объясняет местная легенда, известная из писем купца В.И. Алина: тела убиенных были обнаружены летом на льдине у берега, доставлены в город и погребены, после чего на могиле явилась деревянная доска с их именами. В XVIII в. она была заменена на чугунную плиту, хранившуюся в часовне св. Спаса Нерукотворного (*часовне избивенных*). Добиться канонизации не удалось, но был утвержден местный иконографический канон, позволяющий изображать 85 святых, соименных убиенным защитникам, в одежде воинов. Жители Чердыни почитали *убиенных родителей*, вписывали имена в семейные помянники, обращались в случае пропажи скотины [Там же: 5–6, 16–17]. Известно, что точно такой же синодик имелся в храме с. Искор, где оборона от татар связывалась с чудесной помощью св. Параскевы Пятницы; деревянная плита с именами находилась в *Русском лесу* – в часовне на могиле павших воинов, которую местные жители подновляли *по обету*. В г. Соликамске в XIX в. почиталось пять исторических могил, включаемых в крестный ход на Девятую пятницу. По убиенным служили панихиды, перечисляя поименно; деревянная доска с некоторыми именами хранилась в Спасской церкви [Луканин 1858: №40]. В с. Верх-Боровая имелась часовня архаичного типа – с могильной насыпью в подклете; имена 40 убиенных были вязью написаны на деревянном часовенном кресте [Чагин 1999: 103].

Каждая из указанных традиций нуждается в более пристальном исследовании. При изучении подобных явлений продуктивно рассматривать не только тексты поминальных списков, но и их использование, спосо-

бы публичной репрезентации, соотношение с устными легендарно-историческими сюжетами и обрядовыми практиками.

Литература

Алексеев 2002 – Алексеев А.И. Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности к. XIV – нач. XVI в. СПб., 2002.

Балыбердин 2011 – Балыбердин А. О смыслах Вятской Свистуны. 2011. URL:https://web.archive.org/web/20160304190358/http://www.vstrana.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=449&Itemid=453.

Бастылев 2007 – Бастылев Ю.А., Ветчакова М.И. Защитники Перми Великой. Чердынъ, 2007.

Белич 2016 – Белич И.В. Могила Ермака // Ермак – гордость России: Истор. справочник. Тюмень, 2016. С. 248–260.

Блажес 2002 – Блажес В.В. Фольклор Урала: Народная история о Ермаке. Екатеринбург, 2002.

Бычкова 1986 – Бычкова М.Е. Синодик по убиенных во брани // М.Е. Бычкова. Состав класса феодалов в России в XVI в. М., 1986. С. 174–189.

Дергачёва 2011 – Дергачёва И.В. Древнерусский Синодик: исследования и тексты. М., 2011.

Королёва, Ключкова 2016 – Королёва С.Ю., Ключкова Е.А. «Книги животные» и синодичная традиция в религиозном фольклоре восточных славян // Славянский мир: общность и многообразие. М., 2016. С. 35–36.

Коршунков 1998 – Коршунков В.А. Свистопляска // Энциклопедия земли Вятской. Т. 8. Киров, 1998. С. 341–362.

Коршунков 2019 – Коршунков В.А. Вятская Свистопляска: от коммеморации к городскому празднику // Фольклор и антропология города. 2019. Т. 2. №1–2. С. 346–361.

Луканин 1858 – Луканин А. Город Соликамск в историческом и археологическом отношении // Пермские губернские ведомости. 1858. №40.

Майничева 2013 – Майничева А.Ю. Ермак и место его гибели в народной памяти // Вестник Новосиб. ун-та. Сер. История, филология. 2013. Т. 12. №7. С. 198–204.

Мусихин 2019 – Мусихин А.Л. Вятка: символы и смыслы. Т. 1–2. Н. Новгород, 2019.

Низов 2002 – Низов В.В. Ушкуйник Афанасий Никитин // Герценка: Вятские записки. Вып. 3. Киров, 2002. С. 72–93.

Новгородские синодики 2017 – Новгородские синодики XIV–XVII веков / Подг. текстов Т.И. Шабловой. СПб., 2017.

Петухов 1895 – Петухов Е.В. Очерки из литературной истории Синодика. СПб., 1895.

Покровский, Ромодановская 1987 – Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К. Предисловие [к Есиповской летописи] // Полное собрание русских летописей. Т. 36. Ч. 1. М., 1987. С. 4–31.

Понырко 1989 – Понырко Н.В. Синодик // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2 / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1989. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4598>.

СЕ – Синодик Ермаковым казакам // Полное собрание русских летописей. Т. 36. Ч. 1. М., 1987. С. 380–381.

СК – Синодик павших на Куликовом поле // Русская история [Эл. ресурс]. URL: http://www.ruistor.ru/bitvy_kulikovskaya_bitva_ist009.html.

Туров 2016 – Туров С.В. и др. Реликвии Ермака // Ермак – гордость России: Истор. справочник. Тюмень, 2016. С. 185–212.

Чагин 1999 – Чагин Г.Н. История в памяти русских крестьян Среднего Урала в сер. XIX – нач. XX в. Пермь, 1999.

Svetlana Korolyova

Perm State University, Russia

petel@yandex.ru

Synodic of those killed in battle in religious and folk traditions: local cults and texts

This paper is devoted to church synodics in their connection with local religious and folk cults aimed at honoring people who died in battle. Such cults existed in the North-

ern Prikamye, Vyatka, Tobolsk and other territories. A productive way of analysis is to consider not only the texts of synodics, but also their use, methods of public representation, and attitude to local legends.

Key words: *synodic, commemoration, killed warriors, local cult*

75

Виктория Легких

DOI: 10.31168/91674-576-4.13

Венский университет, Австрия

vlegkikh@gmx.de

**Гимнограф-компилятор — читатель или писатель?
«Служба всем святым в земле Русской просиявшим»
как образец службы XVI в.**

Праздник всех святых в земле Русской просиявших был установлен после Макариевских соборов 1547 и 1549 гг., а уже в 1550-х гг. иноком Спасо-Евфимиевского монастыря в Суздале Григорием была составлена служба. Служба строится по моделям песнопений преимущественно русским святым, используя как прямое заимствование, так и адаптацию и построение по модели. Можно сказать, что эта служба показывает типичный способ составления гимнографических последований XVI–XVII вв. В докладе анализируются источники и способы построения службы, составленной Григорием.

Ключевые слова: *гимнография, Макариевские соборы, источниковедение, русские святые*

Праздник всех святых в земле Русской просиявших был установлен после Макариевских соборов 1547 и 1549 гг. Изначально праздник был установлен под 17 июля, но вскоре изменен на первое воскресенье по Ильине дне [Сергий 1901: 312]. В Чиновнике Большого Успенского собора (около 1626 г.) память всех святых

в земле Российской просиявших указана в седмичные дни перед неделей Всех Святых [Временник 1855: 125].

Первая служба была составлена, скорее всего, в 50-е гг. XVI в. монахом Спасо-Евфимиевского Суздальского монастыря Григорием. И. Спасский предполагал, что автор службы родился около 1500 г. и принял постриг около 1530 г. [Спасский 1949: 52]. Самый ранний список службы из собрания Троице-Сергиевой лавры датируется началом XVII в. (РГБ, ф. 304, № 337). С сер. XVIII в. праздник остается только в старообрядческих календарях. Праздник был снова установлен на поместном церковном соборе 1917–1918 гг. Служба была передана для правки свящ. Афанасию (Сахарову) и опубликована 1946 г. Окончательный вариант службы вошел в Минею, подготовленную Московской Патриархией в 1978 – 1989 гг. [Лукашевич 2005: 705].

Служба, составленная иноком Григорием, – это бденная служба, составленная по моделям русских песнопений, которые часто использовались для составления служб после Макарьевских соборов 1547 и 1549 гг. Так как служба прославляет всех русских святых, мы видим в ней большое количество заимствований. Автор использует как прямое заимствование, так и адаптацию модели.

Структура службы строится на восхвалении отдельных святых. Стихиры малой вечерни посвящены восхвалению св. Владимира и основоположников Киево-Печерской лавры. В стихирах великой вечерни вначале идет прославление святых, принадлежащих ко времени Московского царства: Петра Московского, Алексия Московского, Сергия Радонежского, Евфимия Суздальского, а затем снова следуют стихиры, посвященные свв. Владимиру, Ольге, Борису и Глебу и печерским святым. Некоторые стихиры построены на перечислении имен большинства святых. Седадьны на утрени имен не упоминают, а канон включает

как тропари, посвященные всем святым, так и тропари, упоминающие большинство почитаемых святых. Стихиры на «Хвалитех» посвящены всему сонму русских святых.

Так как служба посвящена всем святым, в земле Русской просиявшим, можно предположить большое количество заимствований из русских служб. Однако даже прямые заимствования далеко не всегда посвящены прославленному святому. Наиболее легко узнаваемы песнопения, посвященные св. Владимиру, часто заимствованные из службы ему без какого-либо редактирования. Однако другие заимствования показывают более творческий подход: так, стихиры посвященные Киево-Печерским святым, оказываются свободной переработкой разных песнопений, а стихиры, посвященные Московским святым, часто используют заимствования из служб другим святым, относящихся к тому же Московскому царству, что придает заимствованию вид нового песнопения, одновременного формируя ощущение преемственности от одного святого к другому. Еще один пласт заимствованных песнопений взят из Триоды (сыропустная пятница и суббота).

Можно сказать, что эта служба показывает типичный способ составления служб XVI – XVII вв. Практически все песнопения строятся по модели, демонстрируя разные способы заимствования от прямого до адаптации различной степени. В случае прямого заимствования часто меняется глас. Одно песнопение-модель может быть использовано для разных песнопений службы, при этом используются как прямое заимствование, так и создание похожей структуры или общий инципит. Некоторые песнопения, построенные из общих формул, можно назвать полностью оригинальными. Можно также отметить, что служба производит впечатление не хаотического нагромождения заимствований, а самостоятельного произведения с четко продуманной структурой.

Литература

Временник 1855 – Временник Общества Истории и Древностей Российских. Книга 22. М., 1855.

Лукашевич 2005 – Лукашевич А.А. Всех Святых, в земле Российской просиявших, неделя // Православная энциклопедия. Т. 9. 2005. С. 705–706.

Сергий 1901 – Архиепископ Сергий. Полный Месяцеслов Востока. Т. 1. Владимир, 1901.

Спасский 1949 – Спасский И. Первая служба Всем Русским Святым и ее автор // ЖМП. № 8. 1949. С. 50–55.

Victoria Legkikh

Vienna University, Austria

vlegkikh@gmx.de

Is a hymnographer-compiler a writer or a reader. Service for All Saints Who shone in the Russian land as a typical service of the 16th century

The feast of all the saints who shone in the Russian land was established after the Macarius councils of the 1547 and 1549, and already in the 1550s. Gregory, a monk of the Savior-Euthymius monastery in Suzdal, composed a service. The service is created according to chant models mainly taken from services for Russian saints, using both direct borrowing a hymn and adaptation of the hymn and creating a new one according to the model. We can say that this service shows a typical way of compiling a hymnography of the 16th–17th centuries. The report analyzes the sources and methods of creating a service compiled by Gregory.

Key words: *hymnography, Macarius councils, source study, Russian saints*

Галина Лесная

DOI: 10.31168/91674-576-4.14

Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД России, Россия
glesnaya@gmail.com

Методология исследования текста в киевском издании «Слова о полку Игореве» В.М. Перетца в 1926 г.

—
79
—

Лингвистический и литературоведческий анализ текста древнерусской литературы предполагает использование особой методологии его исследования. Такая методология была разработана В.Н. Перетцем в его «Семинарии» во время преподавания в Университете св. Владимира в Киеве и в Петроградском университете. В докладе предложенные ученым принципы прочтения текста рассматриваются на материале «Слова о полку Игореве», изданном им по-украински в Киеве в 1926 г.

Ключевые слова: методология исследования текста, В.Н. Перетц, «Слово о полку Игореве»

В.Н. Перетц (1870–1935), один из ведущих исследователей древних памятников, часть своей жизни провел в Киеве (1903–1914), где работал профессором на кафедре русского языка и словесности в Императорском университете св. Владимира. Именно в это время, в 1908 г., он основал свой «Семинарий русской филологии», из которого вышли крупные русские и украинские исследователи средневековой литературы.

После переезда Перетц перенес семинарий в Петроградский университет, однако контактов со своими киевскими студентами не прерывал: пытался «перетащить сюда» своих «киевлян», «внимательно следил за научными и карьерными успехами своих учеников» [Робинсон 2018: 219]. Да и они, несмотря на сложное военное и революционное время, помнили о своем учителе, в 1917 г. планировали издать сборник к 25-летию его

научной деятельности, но из-за невозможности собрать средства на книгу публикация не состоялась. А когда при Киевском университете открылось Историко-литературное общество, его членами стали в основном участники семинария Перетца [Назаревский 1968: 21].

—
80
—
Результатом преподавательской деятельности В.Н. Перетца и его руководства семинарием стал «Краткий очерк методологии истории русской литературы», изданный в 1922 г. и имеющий подзаголовок «Пособие и справочник для преподавателей и студентов, а также для самообразования». Однако настольной книгой в подготовке филологов исследование не стало: вводился марксистский подход к преподаванию в вузах, сам Перетц в 1922–1923 учебном году был отстранен от чтения курса методологии истории литературы, а в 1925–1926 гг. — и от курса русского фольклора.

Посвященный методологии исследования литературы вообще, этот без преувеличения учебник для ученого в первую очередь ориентирован на медиевиста, однако внимательный исследователь литературы почерпнет в нем знания не только о методологии исследования текста, но и так необходимые в его работе советы по выбору пути историко-литературного исследования, его построению и даже научному изданию.

Представляется важным определить, как же сам Перетц использовал изложенную им методологию анализа художественного текста в своих работах. В своих исследованиях ученый касается широкого круга проблем: русских и украинских народных песен, истории поэтического стиля в России и стариной украинской лирики, истории русского, польского и украинского народного театра, старинной русской повести XVII–XVIII вв. и многого другого. Значительное место в исследованиях Перетца занимают работы, посвященные «Слову о полку Игореве»: к нему он обращался в своих лекциях по истории русской литературы XI–XIII вв. и в статьях 1922–1930 гг. В 1926 г. серия статей

Перетца о «Слове» вышла в сборнике под названием «К изучению “Слова о полку Игореве”».

Итогом работы ученого над «Словом» стала изданная в 1926 г. в Киеве монография «Слово о полку Игоревім—пам’ятка феодальної України – Русі XII віку» [Перетц 1926]. Она не только суммировала все имевшиеся на тот момент исследования, но включала и собственные открытия автора. Отличавший В.Н. Перетца строгий научный подход к материалу и используемый им инструментарий дали основания исследователям назвать монографию энциклопедией «Слова» [Ильинский 1929].

В своем прочтении текста «Слова» Перетц четко следует методологии «Краткого очерка» и использует все 11 изложенных им методов исследования: эстетический, этический, публицистический, историко-политический, исторический, историко-психологический, культурно-исторический метод И. Тэна, эстопсихологический, сравнительно-исторический, эволюционный и филологический.

Главное место в издании занимает текст самого «Слова», приведенный дважды: в прочтении самого Перетца и по предположительному списку начала XV в. Второй текст представлен исследователем в «восстановленном» им внешнем виде (так, как он мог бы выглядеть в начале XV в.) и с подстрочными комментариями. Собственно анализ дан во «Вступлении», состоящем из двенадцати параграфов. В них рассмотрены: историческая обстановка Украины – Руси XII в., время создания рукописи, ее открытие, копии, авторство, предтечи, связь «Слова» с народной словесностью и западноевропейским средневековым эпосом и др.

Не менее важным элементом издания является предисловие «От автора», в котором Перетц излагает цель своего исследования: представить памятник по-новому, так, чтобы читатель мог «понять “Слово” в исто-

рической перспективе» [Перетц 1926: V]. Именно здесь сформулированы главные принципы анализа текста, которым автор четко следует в течение всей работы над «Словом».

С.К. Росовецкий в предисловии к переизданию «Краткого очерка» В.Н. Перетца в 2010 г. размышляет над вопросом: была ли эта книга «побочным продуктом чтения курса методологии истории русской литературы» и «руководства семинарием»? [Перетц 2010: 5]. Сопоставление изложенных в ней принципов анализа с текстами самого автора, в данном случае с его исследованием «Слова о полку Игореве», показывает, что «Краткий очерк методологии истории русской литературы» – глубоко продуманное, новаторское исследование, ни в чем не уступающее другим открытиям автора. А изложенные Перетцем принципы анализа текста не утратили своей актуальности и для современных исследователей.

Литература

Ильинский 1929 – Ильинский Г.А. Несколько конъектур к «Слову о полку Игореве»: По поводу труда акад. В.Н. Перетца // *Slavia*. Roč. 8. Seš. 3. Praha, 1929. S. 649–659.

Назаревский 1968 – Назаревский А.А. Из далекого и недавнего прошлого // *Воспоминания о Николае Калликовиче Гудзии*. М., 1968.

Перетц 2010 – Перетц В.Н. Краткий очерк методологии истории русской литературы / С.К. Росовецкий, А.Н. Дмитриев (вст.сл.). М., 2010.

Перетц 1926 – Акад. Перетц В. Слово о полку Ігоревім – пам'ятка феодальної України – РусиХІІвіку. Вступ. Текст. Коментар. У Києві, 1926.

Робинсон 2018 – Робинсон М.А. Судьба русского киевлянина: письма С.Ю. Кулаковского А.И. Соболевскому (Революция, Гражданская война, первые годы эмиграции) // *Славянский альманах*. № 3–4. 2018. С. 215–246.

Galina Lesnaya

MGIMO University, Russia, Moscow

glesnaya@gmail.com

**Methodology for a text research in Kiev edition of
“The Tale of Igor’s Campaign” by V.M. Peretz, 1926**

—

Linguistic and literary analysis of Old Russian literature’s texts implies that a special methodology of studying should be employed. Such a methodology was developed by V. N. Peretz at his “Seminary”, while he was teaching at St. Vladimir’s University in Kiev and at Petrograd University. In the article the principles of reading the text proposed by the scholar are reviewed basing on “The Tale of Igor’s Campaign”, published by V.N. Peretz in Ukrainian in Kiev in 1926.

83

—

Keywords: *methodology of textual analysis, V.N. Peretz, “The Tale of Igor’s Campaign”*

Марианна Лявинец-Угрин

DOI: 10.31168/91674-576-4.15

Будапештский университет им. Л. Этвеша, Венгрия

mariann.ljavinecz@gmail.com

**Азь-Буки-Веди (Андрей Бачинский Владыка)
Кириллические циркуляры епископа А. Бачинского**

В этой работе мы попытались обобщить сведения о памятниках письменности епископа Андрея Бачинского. Речь пойдет о кириллических циркулярах и об особенностях традиций письменности карпаторусинов.

Ключевые слова: *Андрей Бачинский, кириллические циркуляры латинского периода, карпаторусины*

Одной из волнующих тем современной карпаторусинистики является исследование кириллических

памятников письменности величайшего представителя Просвещения – епископа Андрея Бачинского (1732–1809). Время его правления приходится на конец XVIII и начало XIX вв. Это был человек действительно исключительных дарований. За 37 лет управления Мукачевской епархией Бачинский развернул активную и широкую деятельность в сфере образования, добился независимости Мукачевской епархии от Егерской, а также ее равноправия среди других католических епархий в Венгрии. Благодаря его стараниям в Ужгороде был воздвигнут Крестовоздвиженский кафедральный храм, куда был перенесен епископский престол в 1780 г., а также была организована епископская библиотека [Мъсяцеслов 1864: 17]. В 1793 г. он учредил мужскую учительскую семинарию и, будучи в хороших отношениях с императрицей Марией Терезией, попросил разрешения обучать карпаторусинских детей хотя бы отчасти на церковнославянском (т. е. по-русински), а не только на латинском и венгерском языках. Непременно надо отметить, что подобно своим современникам, А. Бачинский отождествлял русинский язык с церковнославянским [Удвари 1984: 99].

В то время официальным языком Венгрии был латинский язык. Поэтому несмотря на то, что в период Просвещения поднялся уровень образования иночества, церковнославянский язык фактически полностью вытеснялся латинским. В периодизации истории русинской письменности этот период принято называть латинским. Одной из самых важных заслуг Бачинского является то, что он попытался вернуть использование кириллицы и церковнославянского языка в среде верующих славян-униатов. В связи с этим Бачинский способствовал изданию библии в 5-ти томах «Библия сирѣчь книги священнаго писанія ветхаго и новаго завѣта ...» под редакцией Г. Тарковича (1804–1805 гг.) в Будине. Работа над этим изданием началась в 1794 г. В специальной литературе долгое время велась поле-

мика, где печаталась Библия: в России или в Будине? На основании архивных документов, а в частности латино- и венгероязычных епископских писем и циркуляров, видный венгерский ученый И. Удвари пришел к тому, что мысль о российском издании данной Библии (предполагалось, что это российская Библия, которая получила новую обложку) оказывается несостоятельной, хотя нет сомнений, что она сделана по московскому образцу [Удвари 1986: 72; Удвари 2000: 80–81; Удвари 2002: 22].

—
85
—

Значительную группу рукописей наследия Бачинского составляют кириллические церковные эпистолярные тексты. Крупные реформы в культурно-национальной и церковной жизни он излагал в окружных циркулярах, или, как их тогда называли, **кѹренсь** (курренсь / куренсь) – лат. *currere* «бегать», «ездить» (в русск. яз. куренда – лат. *currere* «бѣгать» окружное послание [Чудинов 1894: 441]), которые в русинском научном кругу известны как *уббѣжники*. Циркуляры составлялись по принятым каноническим формам, с употреблением клишированных форм на основе стандартного образца. Циркуляры состояли из трех структурных частей, которые имели собственные формулы, роль и предназначение: вступление, тема и заключение. Согласно проведенным исследованиям, Бачинский выпускал два циркуляра в год (весной и осенью) к ежегодным соборам. Многие циркуляры Бачинский подписывал криптонимом Азь-Буки-Веди (Андрей Бачинский Владыка), этим же как будто устанавливая общеобязательные каноны как в духовном понимании, так и в образовании письменности русинов. По содержанию их можно разделить на две основные группы: 1) на объясняющие и подытоживающие распоряжения и предписания государственной власти, 2) на посвященные образовательным или духовным вопросам [Удвари 2002: 218–221; Падяк 2011: 307]. Как правило, циркуляры составлялись в канцелярии епископа и рас-

сылались по епархии. Требовалось изготовить столько копий, во сколько приходов и церковных округов адресовался циркуляр. Большой частью они были занесены в протокольные книги.

Согласно исследованиям А. Шлепецкого, И. Удвари, И. Задорожного и В. Падяка, до сих пор было раскрыто около 80 циркуляров Бачинского, а также их копий. Благодаря обнаруженным копиям был проведен ряд сравнительных грамматических анализов этих текстов. Исследование показало, что в текстах копий налицо индивидуальная характеристика и грамотность переписчиков [Падык 2011: 312]. Язык посланий и документов Бачинского воспринимался карпаторусинской интеллигенцией того времени как литературная норма, как образец для подражания и соблюдения правил письма. И. Удвари считал, что «корни «язычия», литературного языка Подкарпатъя в XIX в., прослеживаются в языковой норме канцелярии Бачинского». Ввиду этого «язычие» никак не может быть случайным лингвистическим образованием. «Это скорее плод длительного и естественного развития, опирающегося главным образом на язык, который употреблялся в циркулярах Бачинского» [Удвари 2002: 220–221]. Было бы неправильным считать, что тексты написаны язычием, а в данном случае циркуляры Бачинского написаны неграмотно или же на неправильном языке. На наш взгляд, здесь идет речь о гибридных текстах, которые в силу сложившихся как исторических, так и географических факторов образовали свою особенную традицию письменности. Характерным элементом этой традиции является переплетение церковнославянского, славяно-русского языка с вкраплением иноязычной лексики.

Циркуляры Бачинского главным образом являлись переводами с латинского (т.е. административного языка) или венгерского (т.е. разговорного субстрата) языков, реже, авторскими текстами. В ходе наших иссле-

дований стало явным, что заимствованная лексика в основном присуща тем циркулярам, которые посвящены образовательным или духовным вопросам, а также встречается в переводческих текстах. Например, в документе из «Совѣта Царскаго объявленія», который изначально был написан на латинском языке, мы встречаем следующую фразу: «**Силою жестоко запрѣщает-ся Пароухѡмъ да знаки Канонически: поасы червеной масти Штримфлѣ ройты Пантлики: да не носятъ**» [Падык 2011: 323]. В этом предложении объяснения требуют следующие слова:

парох – лат. *parochus* «настоятель церкви» [EWU 1121]

штримфли – венг. *strimfli* «чулок» < нем. *Strumpf* «чулок» [EWU 1362]

ройты – венг. *roj* «бахрома» [EWU 1275]

пантлики – венг. *pántlika* «лента» < нем. *bántl, pantl, pant* «лента» [EWU 1109]

Или в циркуляре от 01. 03. 1804 года: «**Знакомитъ же безъ [...] реверенды и вѣ(з) галѣра на публичное мѣсто [...] исходити да не де(р)знетъ**» [Удварі 2002:179]. Здесь объяснения требует слово галер – венг. *gallér* «воротник» < нем. *Koller* «воротник» [EWU 443].

Среди наиболее часто встречающихся слов можно привести в пример такие слова, как: (фю) **нишпанъ** «главный выборный чиновник в комитате» – венг. (*fő* ‘главный’ +) *ispán* < слав. *županъ* (EWU 626); **гѣн-цѣтъ** – венг. *huncut* «смешной, забавный» – нем. *Hundsfoot* «трусливый, смиренный», «самозванец, плут» [EWU 588]; **доганъ** < венг. *dohány* «табак» – осм.-тур. *duhan, duhān* «дым, табак» [EWU 270]; **оболокъ** – венг. *ablak* «окно» – слав. **obylokъ* «кругловатое отверстие» [EWU 2–3] и т. д.

Неприменно надо отметить, что иноязычные вкрапления в циркулярах Бачинского встречаются весьма редко. Чаще всего они ощутимы в непосредственных формулировках, в лексике, употребляемой в повседневной жизни и свойственной разговорному стилю.

Литература

Падяк 2011 – Падяк В. Неизвістні кириличні уббіжники Андрія Бачинського. In *memoriam István Udvari* (1950–2005). Материалы конференции памяти Иштвана Удвари. Nyíregyháza, 2011. С. 305–326.

Удвари 1986 – Удвари И. Данные о закарпатско-украинской официально-деловой письменности XVIII в. (О гайду-дорожских годах Григория Тарковича) // *Studia Slavica Hung.* 32. Budapest, 1986. С. 63–100.

Удвари 2000 – Удвари І. Образчики з історії пудкарпатських Русину в XVIII. столітє. Изглядованя з історії культури и языка. Ужгород, 2000.

Удвари 2002 – Удвари І. Збирькажерел про студії русинського писемства І: Кириличні уббіжники мукачовського єпископства Андрія Бачинського. Ніредьгаза, 2002.

Источники:

Мѣсяцеслов 1864 – Мѣсяцесловъ на годъ высокосный, или переступный 1864. Унгварь.

Чудиновъ 1894 – А. Н. Чудиновъ. Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. С. Петербургъ, 1894.

EWU – Etymologisches Wörterbuch Ungarischen I–II. Főszerk. Benkő Loránd. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1993–1995.

Marianna Lyavinecz-Ugrin

Eötvös Loránd University, Hungary

mariann.lyavinecz@gmail.com

AzBukiVedi (Andrey Bachinsky Vladyka (bishop)) Cyrillic Circulars of Bishop A. Bachinsky

This article summarizes some information about the manuscripts of Bishop Andrei Bachinsky. We will present some Cyrillic circulaires and the peculiarities of the writing traditions of Carpatho Rusyns.

Key words: *Andrey Bachinsky, Cyrillic circulaires of the Latin period, Carpatho Rusyns*

Светлана Менгель

DOI: 10.31168/91674-576-4.16

Галле-Виттенбергский университет им. Мартина Лютера, Германия
swetlana.mengel@slavistik.uni-halle.de

Культурно-языковая ситуация в России конца XVII – первой трети XVIII века глазами иностранцев авторов первых русских грамматик

—
89
—

В докладе делается попытка показать понимание российской культурно-языковой ситуации иностранцами авторами первых грамматик русского языка, написанных в конце XVII – первой трети XVIII в., и осветить в этой связи предлагаемые в грамматиках модели кодификации русского (российского) языка, опирающиеся на западноевропейские грамматические традиции и индивидуальные решения.

Ключевые слова: *первые грамматики русского языка, культурно-языковая ситуация в России XVII-XVIII вв.: между русским и церковнославянским*

В своем фундаментальном исследовании «Язык и культура в России XVIII века», посвященном процессам формирования нового русского литературного языка, В.М. Живов отмечает, что «устроители нового литературного языка» в России «могли обращаться, с одной стороны, к церковнославянской грамматической традиции и к связанной с нею традиции книжной справы», и, с другой стороны, «к грамматическим описаниям русского языка, появившимся как плод лингвистической любознательности иностранцев» (к таким описаниям он относит «Русскую грамматику» Лудольфа (1696)), «или первым опытам преподавания русского языка иностранным ученикам» (к которым причисляются грамматики Глюка (1704) и «отчасти» Пауса (1705–1729)) [Живов 1996: 195]. Подчеркивая важность нормализации на уровне морфологии – а именно она отража-

лась прежде всего в грамматиках – и наличия в России определенной традиции грамматической нормализации, Живов обращает внимание на то, что при формировании «простого» языка в Петровскую эпоху из него пытались устранить признаки «книжности» (т.е. церковнославянские элементы) «и заменить несовпадающие формы элементами, известными из разговорного употребления». «Содержательная сложность» такой практики заключалась в том, что «варианты разговорного происхождения противоречили навыкам грамотного письма, т.е. воспринимались прежде всего не как “русские”, а как “неграмотные”». Подобная практика, таким образом, «наталкивалось на сопротивление внедренного в сознание носителей лингвистического мышления» и вела к тому, что то, что должно было быть переосмысленно, «отнюдь не было очевидным». Именно в этом контексте грамматические описания русского языка, созданные иностранцами, оказывались, по мнению Живова, чрезвычайно важными для «устроителей нового литературного языка» в России как «второй источник нормализаторских инноваций академической филологии», потому что иностранцы «ставили перед собой задачу описать русский язык в соответствии с наблюдаемым ими узусом». Этот узус они могли понимать по-разному, но в любом случае иностранцы, не обладая «традиционным языковым сознанием» русских, не испытывали, по мнению Живова, тех трудностей «в размежевании русского и церковнославянского, с которыми сталкивались носители русского языка» [Живов 1996: 196–195].

Никоим образом не оспаривая описания практики кодификации «простого» языка «устроителями нового литературного языка» в России и полностью согласившись с тем, что нормализация в первую очередь и наиболее наглядно проявляется на уровне морфологии, приходится возразить против мнения Живова, высказываемого им относительно грамматик русского языка, написанных иностранцами.

Иностранные авторы создавали свои грамматики русского языка отнюдь не из «лингвистической любознательности» и далеко не только для «преподавания русского языка иностранным ученикам». Напротив, их грамматики преследовали различные просветительские и/или далеко идущие глобальные миссионерские цели, распространявшиеся и на русских в России. Это отражено в грамматиках Глюка (1704), Шталя (1728) и Пауса (1705–1729) и особенно характерно для грамматики Лудольфа (1696), полугодовое путешествие которого в Россию было началом его пути на Восток и служило подготовке «всемирной миссии» протестантов-пиетистов из Галле. Ни изданная в 1696 г. в Оксфорде «Русская грамматика» Лудольфа, ни другие грамматические произведения, написанные иностранцами, которые будут рассмотрены в докладе, не были «академическими» и вряд ли могли служить «источником нормализаторских инноваций академической филологии».

—
91
—

Для достижения своих целей иностранные авторы русских грамматик не просто «ставили перед собой задачу описать русский язык в соответствии с наблюдаемым ими узусом», но стремились кодифицировать именно тот языковой идиом (или форму существования, вариант) русского языка, который, по их мнению, был достоин лечь в основу русского литературного языка (т.е. языка-стандарта), не существовавшего еще в России. Для преодоления российской языковой ситуации в их понимании иностранные авторы опирались на известные им западноевропейские модели формирования национальных литературных языков или предлагали свои индивидуальные решения.

Именно этой проблематике посвящается наш доклад, в котором будут рассмотрены семь первых грамматик русского языка, созданных иностранными авторами в конце XVII – начале XVIII вв., в их сопоставлении с практикой «устроителей нового литературного языка» в России в ходе языковой реформы Петра I.

Литература

Живов 1996 – ЖИВОВ В.М. Язык и культура в России XVIII века. Москва, 1996.

Keipert, Huterer 2016 – Johann Werner Paus. Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Rußischen Sprache. Transkript des Autographs der Akademie-bibliothek St. Petersburg, Handschriftenabteilung, Signatur Q 192/I. Bearbeitet von Andrea Huterer, Schlußredaktion von Helmut Keipert mit computertechnischer Unterstützung durch Daniel Bunčić. Als Manuskript ausgedruckt für Deutsche Forschungsgemeinschaft (Bonn), Biblioteka Akademii nauk, Otdel rukopisej (S.-Peterburg) und Archiv der Franckeschen Stiftungen (Halle/S.). Bonn, 2016.

Keipert, Uspenskij, Živov 1994 – Keipert H., Uspenskij B.A., Živov V.M. Johann Ernst Glück. Grammatik der russischen Sprache (1704). Köln-Weimar-Wien, 1994.

Ludolf 1696 – Ludolf H.W. Grammatica Russica quæ continet non tantum præcipua fundamenta russicæ linguæ, Verum etiam manuductionem quandam ad grammaticam slavonicam. Additi sunt in forma dialogorum modi loquendi communiores, Germanice æque ac latine explicati, in gratiam eorum qui linguam Latinam ignorant. Una cum brevi vocabulario rerum naturalium. Oxonii, 1696.

Mengel 2013 – Mengel S. Die *Rudimenta Linguae Russicae* von J.C. Stahl im Streitdiskurs um die *Stockholmer Paradigmatik*: Neue Erkenntnisse // Deutsche Beiträge zum 15. Internationalen Slavistenkongress Minsk 2013. Herausgegeben von S. Kempgen, M. Wingender, N. Franz, M. Jakiša. München, 2013. S. 209–220.

Swetlana Mengel

Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, Germany

swetlana.mengel@slavistik.uni-halle.de

The cultural-linguistic situation in Russia from the end of the 17th until the first third of the 18th century in prospects of foreign first Russian grammar-authors

The lecture addresses the sight of foreign first Russian grammar-authors on the cultural-linguistic situation in Russia

from the end of the 17th until the first third of the 18th century. It takes a closer look at the first grammar-models of Russian language codifications, which are based on West European grammatical traditions and individual decisions.

Keywords: *first Russian grammar, cultural-linguistic situation in Russia from the 17th until the 18th century: between Russian and Church-Slavonic language*

—
93
—

Екатерина Мишина

DOI: 10.31168/91674-576-4.17

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Россия
kmishina@mail.ru

Стратегии выбора видовой формы в отрицательном императиве*

Доклад посвящается исследованию факторов, обуславливающих выбор глагольного вида в форме отрицательного императива в старославянском и древнерусском языке. В отличие от современного русского языка, где сложилась достаточно чёткая оппозиция «прохибитив НСВ vs превентив СВ», семантическая разница между формами отрицательного императива разных видов была еще во многом обусловлена различиями в аспектуальной семантике, а прагматические функции накладывались дополнительно.

Ключевые слова: *отрицание, императив, превентив, прохибитив, глагольный вид, старославянский язык, древнерусский язык*

В современном русском языке отрицательный императив образуется преимущественно от глаголов несовершенного вида, при этом формы императи-

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-012-00241).

ва под отрицанием от глаголов разных видов имеют разное значение. Императив НСВ имеет прохибитивное значение: запрет на совершение контролируемого действия ('не делай Р' – *Не открывай окно! Не выкидывай эту квитанцию!*), в то время как императив СВ имеет превентивное значение, выражает предостережение случайного, неконтролируемого действия (*Только не упади! Смотри не выкини мою квитанцию!*), см. [Бирюлин, Храковский 1992: 35; Гусев 2013: 61–62; Zorikhina Nilsson 2013] и др. СВ в значении прохибитива в современном русском языке, как правило, невозможен: *Не включай свет!* (НСВ) ср. **Не включи свет!* (СВ). Как правило, значение прохибитива и превентива связывают с контролируемостью (прохибитив) и неконтролируемостью (превентив) действия, несовершение которого пытается каузировать говорящий. Таким образом, в современном русском языке представлена довольно четкая (за отдельными отклонениями) оппозиция: прохибитив (НСВ – контролируемое действие) vs превентив (СВ – неконтролируемое действие).

В старославянских и древнерусских памятниках, как и в современном русском языке, в контекстах с отрицанием могли употребляться формы императива от глаголов обоих видов. Как и в современном языке, императив НСВ в целом встречался чаще, чем императив СВ, и выражал прохибитивное значение (1)–(2), однако императив СВ мог употребляться шире, чем в современном языке: не только в превентивном значении (3)–(4), но и в прохибитивном (5)–(6) [MacRobert: 2013; Мишина 2019]:

(1) хоѡеши ли сѧ власти не бѡгати. злаго не твори и похвалитъ тѧ (Суздальская лет., л. 245об.) – «Если хочешь не бояться власти, злого не делай, и похвалит тебя»;

(2) иди и отъсѣлъ не съгрѣшан (Ин 8:11, цит. по [MacRobert 2013: 283]) – «Иди и отныне больше не согрешай»;

(3) он же рче (sic) имѣ не повѣдите никомуже. шедше оубините брата моего бориса (ПВЛ по Ипат., л. 50) – «Он же сказал им: “Не рассказывайте/смотрите, не скажите (букв. не расскажите) никому. Пойдите убейте брата моего Бориса”»;

(4) ни въ весь въниди ни повѣждъ никомуже въ вси (Мк 8:26, цит. по [MacRobert 2013: 286]) – «(Смотри), не заходи (букв. не войди) в деревню, и не рассказывай (букв. не Расскажи) никому в деревне»;

(5) а мьстислава емьше не створите ему ничтоже приведете и ко мнѣ (Киевская летопись, 203об.) – «А захватив Мститслава, не делайте (букв. не сделайте) ему ничего (плохого), но приведите его ко мне»;

(6) пишетъ бо сѧ не прелюбы дѣи. ни оуби (Пчела, с. 783) – «Ибо написано: Не прелюбодействуй, не убей».

Проведенный анализ показывает, что в старославянском и древнерусском языках еще, по-видимому, не сформировалась функциональная оппозиция «превентив (СВ) vs прохибитив (НСВ)», вырисовывающаяся довольно чётко в современном русском языке. В отрицательных контекстах древние тексты демонстрируют более свободную, по сравнению с современным русским языком, конкуренцию между СВ и НСВ. Семантическая разница между контекстами с отрицательными императивами НСВ и СВ в старославянском и древнерусском была, по-видимому, обусловлена прежде всего различиями в аспектуальной семантике (СВ – референция к конкретной единичной ситуации в будущем, НСВ – референция к настоящему моменту или обобщенная референция к (потенциально многократной) ситуации в будущем), на которые накладывались дополнительные семантические и прагматические значения. Наблюдаемая ситуация в целом согласуется с гипотезой, высказанной в [Вимер 2015: 587] о том, что историческое развитие оппозиции СВ : НСВ развивалось в направлении от более объективных функций (например, акциональные свойства или кратность) к более субъектив-

ным (прагматическим). Можно также констатировать, что в прохибитивных контекстах форма отрицательного императива СВ, по-видимому, была эмфатически более нагруженной по сравнению с императивом НСВ.

Формы отрицательного императива от глаголов обоих видов встречаются в контекстах просьбы/мольбы, причем, как показывает статистика, формы императива от глаголов СВ употребляются чаще, чем НСВ. В [MacRobert 2013: 287–288] отмечается, что в старославянских текстах имеет место интересная функционально-прагматическая дистрибуция. Подавляющее большинство отрицательных императивов, обращенных к Богу, образованы от глаголов СВ, в то время как отрицательные императивы, обращенные к людям, преимущественно (но не всегда) образованы от глаголов НСВ. В молитвах, обращенных к Богу, древнерусский сходит со старославянским за счет влияния церковнославянских текстов (7). В просьбах же, обращенных к людям, встречается как СВ, так и НСВ (примерно в равных пропорциях), причем употребление СВ, по-видимому, поддерживалось молитвенными контекстами, обращенными к Богу (8). Следует отметить, однако, что такая прагматическая дистрибуция довольно хорошо вписывается в аспектуальную:

(7) но влѣко. г҃и бѣ мои не ѿри҃ши мене до конца. но ꙗко воля твоя г҃и тако и млѣть (Киевская лет., л. 225, ср. Пс. 118:8) – «Но владыко, Господи Боже мои, не оставь меня совсем, но как воля твоя, Господи, так и милость»;

(8) рекоуче не имѣи на ны в томъ жалобѣ <...> и не помани злобѣ нашихъ. а крѣтъ к намъ цѣлоуи (Киевская лет., л. 126, ср. Пс 78:8) – «Говоря: “Не вини нас <...> и не вспоминай (букв. не помяни) наших злых дел, а крест к нам целуй”».

В дальнейшем в процессе исторического развития СВ в императиве под отрицанием постепенно сужал свой функциональный (иллокутивный) диапазон и стал

реже употребляться. Однако, несмотря на общую тенденцию к сужению употребления СВ в отрицательном императиве, более свободное, по сравнению с современным русским языком, функционирование отрицательных императивов СВ с прохибитивным значением было возможно еще в XVIII–XIX вв., по-видимому, под влиянием церковнославянского языка:

(9) *Призри их великодушно, не оставь их твоим покровительством, не оставь твоим советом и ту, которая по смерти жены моей им служила вместо матери, не отвергни иногда её прошение, и дай ей наставление* (НКРЯ: А. Н. Радищев. Письмо А. Р. Воронцову, 1790).

В современном русском языке употребления отрицательных императивов СВ сохранились с отдельными глагольными лексемами, как правило, в устойчивых клишированных оборотах типа: *Не дай Бог!*; *Не приведи Господь!*; *Пожалуйста, не откажите!*; *Не сочтите за труд*; *Не погубите!* и др.

Литература

Бирюлин Храковский 1992 – Бирюлин Л. А., Храковский В. С. Повелительные предложения: проблемы теории // Типология императивных конструкций. СПб, 1992. С. 5–50.

Вимер 2015 – Вимер Б. О роли вида в области кратности и прагматических функций (эскиз с точки зрения хромотопии) // Глагольный вид: грамматическое значение и контекст = Verbal aspect: Grammatical meaning and context. R. Benacchio (ред.). München, 2015. С. 586–609.

Гусев 2013 – Гусев В. Ю. Типология императива. М., 2013.

Киевская лет. – Киевская летопись / Изд. подгот. И. С. Юрьева. М., 2017.

Мишина 2019 – Мишина Е. А. Отрицательный императив в древнерусском языке // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 22. Материалы международной научной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии (памяти Андрея Анатольевича Зализняка)». М., 2019 (в печати).

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

ПВЛ по Ипат. – Повесть временных лет по Ипатьевскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 2001.

Пчела – «Пчела»: Древнерусский перевод / Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева. Т. I. М., 2008.

Суздальская лет. – Суздальская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 2001.

MacRobert 2013 – MacRobert C. M. The problem of the negated imperative in Old Church Slavonic // Miklosichiana Bicentennialia. Zbornik u čast dvestote godišnjice rođenja Franca Miklošiča. Belgrade, 2013. P. 277–291.

Zorikhina Nilsson 2013 – Zorikhina Nilsson N. The negated imperative in Russian and other Slavic languages. Aspectual and modal meanings // Diachronic and Typological Perspectives on Verbs. Ed. by Folke Josephson and Ingmar Söhrman (Studies in Language Companion Series 134). 2013. P. 79–106.

Ekaterina Mishina

Vinogradov Russian Language Institute RAS
kmishina@mail.ru

The strategies for the aspectual choice in the negated imperative

The paper is devoted to the study of factors that determine the aspectual choice in the negated imperative in Old Slavonic and Old Russian. Unlike the modern Russian language, where a fairly clear opposition “prohibitive Impf. vs preventive Prf.” has been developed, the semantic differences between the aspectual forms of the negated imperative were still largely based on the differences in aspectual semantics, while pragmatic functions were an additional component.

Key words: *negation, imperative, preventive, prohibitive, verbal aspect, Old Church Slavonic, Old Russian*

Джованна Мораччи

DOI: 10.31168/91674-576-4.18

Университет г. Кьети-Пескара им. Г. д'Аннунцио, Италия
giovanna.moracci@unich.it

Путешествие по Европе П. А. Толстого, писателя и “дворянина нашего”

—
99

В докладе предлагаются новые материалы к рассмотрению функций как официальной, так и дневниковой части статейного списка Толстого в отношении культурных ориентиров царя Петра I.

Ключевые слова: *путевые записки XVII века, литературность петровского времени, культурная политика Петра I*

Изучение статейного списка П. А. Толстого, опубликованного под названием «Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе 1697–1699» [Толстой 1992], позволило определить роль автора на фоне культурного развития раннего нового времени. В тексте Толстого воспроизводятся официальные документы (указ царя Петра с статьями, проезжая грамота, письмо Ф. А. Головина, аттестаты об учебе и практике на морском судне), которые как будто обрамляют путевые записки стольника. Здесь Толстой тщательно записывал пейзажи, города, вещи, встречи с людьми, с которыми он познакомился, путешествуя по велению царя.

Анализ разных уровней дневника показал те морфосинтаксические, лексические и семантические средства, через которые особенно ясно обнаруживается авторская точка зрения. В качестве таких средств субъективной наррации выбраны качественные прилагательные, общеоценочные прилагательные (*пространный, немалый, ровный*), оценочные прилагательные с аксиологическим значением (*дивный, изрядный, преудиви-*

тельный). Синтаксические способы описания объектов и событий также показывают размышления писательской личности.

В настоящей работе предлагаются новые материалы к рассмотрению функций как официальной, так и дневниковой части статейного списка в отношении культурных ориентиров царя Петра Алексеевича. В связи с этим кажется особенно показательным описание визита в Рим. В вечном городе самыми первыми памятниками, которые Толстой поспешил посмотреть, стали Мамертинская тюрьма, где был заключен апостол Петр, и родительский дом Алексея человека Божия. Впрочем, почтение стольника к царю и его символике наблюдается и в других местах дневника, так как является мотивацией его путешествия в рамках Великого Посольства.

Литература

Толстой 1992 – Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе 1697–1699 // Изд. подготовили Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. М., Наука, 1992.

Giovanna Moracci

«G. d'Annunzio» University of Chieti-Pescara, Italy
giovanna.moracci@unich.it

The travel to Europe of P.A.Tolstoj, writer and «our nobleman»

The paper presents materials from the travel diary of P. A. Tolstoj for a new interpretation of its composition: a guide to Europe taking into account Peter the Great's cultural aims.

Key words: *travel diaries in XVIIth century Russia, culture in Petrine Russia, Peter the Great's political culture*

Наталья Николаева

DOI: 10.31168/91674-576-4.19

Казанский государственный медицинский университет, Россия
eulen@mail.ru

«Предѣла есть имя же стѹмологѣа»: один пример языковой рефлексии Евфимия Чудовского (XVII век)

101

На примере предисловия Евфимия Чудовского к его переводу трактата Дионисия Ареопагита «О божественных именах» рассматриваются восприятие книжником-грекофилом внутренних языковых процессов в церковнославянском языке и их описание, попытки наделить терминологическим значением отдельные слова и морфемы и, в этой связи, некоторые терминологические казусы, нашедшие отражение в данном тексте.

Ключевые слова: *славянские Ареопагитики, Евфимий Чудовский, грекофилы, терминология*

В рукописи из собрания Библиотеки Академии наук (Арх. собр., № 126), содержащей перевод славянских Ареопагитик, выполненный известным учеником Епифания Славинецкого Евфимием Чудовским в 1675 г., трактат «О божественных именах» предваряет небольшое предисловие переводчика, где он в краткой форме рассказывает, кем был Дионисий Ареопагит, каков его богословский метод и каким образом можно передать особенности его богословского дискурса средствами славянского языка. В этом небольшом по объему тексте находят отражение основные идеологические установки Евфимия как переводчика – как в теоретическом изложении, так и в практическом применении.

Приведем здесь этот текст в несколько упрощенной графике:

Настоящюу кнѣгу великій слагаетъ
дїонисїй
к во стѣхъ тімоѳею, великаго павла учѣнку ,
ефескому
епїскопу, ѿ онаго поставленному. Иже, понеже тогда

сущихъ въ Іѡннїи философъвъ ереси растяху, и мнѣ-
ги имяше діалектическїя клеветы, ѿ оныхъ стѣй, вѣды
великаго діонисїа, и во внѣшней м(д)рости, м(д)ра,
и бж(с)твенна, и сщ҃енна, у великаго павла посе(му)
учившася, и много упразднившася вѣ бж(с)твенны(хъ)
писанїя(хъ), молитъ ѿ него научиться по(д)чиненнымъ:
еже и бысть. Зове убо егѡ великїй діонисїй сопресвѣ-
тера, еже есть соепіскопа, яkw и себе самаго пресвѣ-
тера, явленно яkw епіскопа. Сїце бо является одѣянїя
стѣхъ аплѣ, идѣже во аки сочиняется цр҃квѣмъ ихъ
великїй хвѣ аплѣ павелѣ. Понеже в бж(с)твенныхъ
именахъ списанїе есть, вѣдателно, яkw повсе(м)ствен-
но и во всякихъ именахъ назнаменуютъ существо,
и что еже быти, сїе бо предѣла есть имя же етѡмологїа
<на поляхъ: то(л)кованїе> нѣкая есть ѿ присущихъ
именуемой вещи: яkw <...> сїи есть чл҃къ, ѿ еже <...>
или <...> еже есть, ѿ еже горѣ зрѣти, именуется, горѣ-
зри|тель. Тѣмже, что убо быти бжее [имя] и самымъ
агг҃лѡмъ неизслѣднѡ. Ѿ нѣкихъ же дѣйствїе егѡ [яkw
сїе, бг҃ъ блг҃ъ, спсѣ, юже же и нарицате(л)ную бгословїю
г҃л҃ють] и паки ѿ сущихъ по на(мъ) по ѡреченїю, юже
же и ѡятелную бгословїю г҃л҃ють, яkw сїе, непости-
жень, бе(з)видень, безсмертенъ]. Ѿ сїихъ убо имено-
ватися, не есть разгласно <на поляхъ: противно> сщ҃ен-
ному стѣству: не бо естество егѡ многоречивѡ, сїе
бо неможно: но яkw же ѿ сщ҃еннописанїй бжїихъ, яkw
ѿ сложны(хъ) нѣкихъ, на простое нѣкое знанїя возво-
димся: сїце и ѿ сїихъ именованїй <...> на неименованное
возводимся. Тѣмже аще что убо кто речеть в бжѣ паче
сїе есть: всякаго бо именуемаго имени кромѣ <на поляхъ:
вышшїй> есть. Сего ради поразумѣя ѡеологомъ в сїихъ,
еже впер, пре(д)логъ, еже есть, пре, или паче, и <...>
сїи есть само: и гл҃ется бг҃ъ преблг҃ъ и самоблг҃ъ, пре-
безконеченъ, и самобе(з)конеченъ. Ово убо, яkw паче
сїихъ, и несосудно есть, ово же яkw гд҃ственно, и пер-
во, и не по нѣкое(му) причастїю, или имству, или сосу-
жденїю имя бо, или тѣло, или вещь знаменует: паче

си(х) же непоумленно и изято бж(с)тво есть (Арх. 126, лл. 180–181)*.

В этом предисловии в первую очередь обращает на себя внимание выраженная страсть переводчика ко всякому роду пояснениям. Евфимий рассказывает, кто такой был Дионисий Ареопагит, попутно объясняя равнозначность терминов *пресвѣтеръ* и *епѣскопъ*, а также вводя термин *ετυμολογία* имени, который он на полях дублирует словом *толкованіе* (что является предметом трактата «О божественных именах»).

Под этимологией он понимает одновременно возврат к внутренней форме слова и его словообразовательный анализ. Словообразовательный анализ представлен примером славянской лексемы *горѣзритель*, которая произошла от словосочетания *горѣ зрѣти*. Остается пожалеть, что пример выявления внутренней формы греческого слова *ἄνθρωπος* (скорее всего, ошибочный) остается для нас загадкой, так как Евфимий не вписал в оставленные пробелы соответствующие греческие слова, как он намеревался сделать изначально.

Однако пример типичного для него проявления внутренней формы слова мы обнаруживаем в его словоупотреблении, когда читаем про «*одѣянія стѣхъ апль, идѣже во аки сочиняется црѣквамъ ихъ великій хвѣ апль павель*». Под одеяниями имеются в виду, конечно, Послания (*ἐπιστολαί*): грекофил-переводчик, очевидно, соотносит греческое слово со словами *στολά* (*στολή*) и *στολὶς* ‘одеяние, одежда’ (префикс *ἐπ-*, придающий в некоторых случаях значение внешнего покрытия, только поддерживает словотворчество Евфимия).

В отношении терминологии у Чудовского инока вообще нет единой концепции. В одних случа-

* Евфимий писал везде лигатуру «ук», в слове *якв* – а йотированное. В круглые скобки заключаются выносные буквы и слоги. Скобки с многоточием <...> означают пропуски в тексте, оставленные, очевидно, для греческих слов, которые переводчик потом забыл вписать.

Т.А. Исаченко-Лисовая охарактеризовала переводческую школу Славинецкого-Чудовского как нарушение линейности в истории языка [Исаченко-Лисовая 1989:

205]. Эта нелинейность неоднократно обсуждалась на материале переводов, выполненных в школе Епифания. Но и языковая рефлексия Евфимия Чудовского, в том числе отраженная в практике его словоупотребления, оказывается глубже и неоднозначнее, чем мы привыкли это себе представлять у грекофилов.

Литература

Исаченко-Лисовая 1989 – Исаченко-Лисовая Т.А. Перевод и толкование в «еллинословенской» школе Евфимия Чудовского (на материале «Кормчей» V-ой редакции) // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1989. Сб. 2 : XVI – начало XVIII веков. С. 192–205.

Потебня 1976 – Потебня А.А. Мысль и язык // Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 35–220.

Natalia Nikolaeva

Kazan State Medical University, Russia

eulen@mail.ru

Predelъ is the same name for etymology»: an example of language reflection by Euthymius Chudovsky (17th century)

On the example of the Preface of Euthymius Chudovsky to his translation of the treatise of Dionysius the Areopagite “De divinis nominibus”, the perception of internal linguistic processes in the Church Slavonic language and their description, attempts to give terminological meaning to individual words and morphemes and, in this regard, some terminological incidents reflected in this text are considered.

Key words: *Slavic Areopagitica, Euthymius Chudovskiy, graecophiles, terminology*

Мария Новак

*Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
Казанский научный центр РАН, Россия
mariaonovak@gmail.com*

106

**Диалог с читателем: вопросы и ответы
в Толстовском Сборнике XIII века***

В сообщении сопоставлены диалогические структуры, зафиксированные в разножанровых произведениях, входящих в состав древнерусского Толстовского Сборника XIII в.: житии, проповеди и апокрифическом нарративе. Установлено, что в нарративных текстах диалоги между персонажами активно помогают решать композиционные задачи и имплицитно обращают повествование к читателям, тогда как вопросо-ответные структуры в проповеди открыто конструируют диалог с адресатом.

Ключевые слова: *Толстовский сборник, диалогические структуры, функционирование*

Изучение Толстовского Сборника XIII в. (РНБ, Ф.п.1.39, далее Толст) проводится в рамках проекта, предусматривающего комплексную филологическую характеристику и создание машиночитаемой копии источника с последующим ее размещением на портале «Манускрипт» (<http://manuscripts.ru/>). Памятник содержит оригинальные и переводные произведения проповеднического, агиографического, катехизического жанра, принадлежащие либо приписываемые разным авторам: Кириллу Туровскому, Иоанну Златоусту, Кириллу Иерусалимскому [Сводный каталог 1984: 324].

* Исследование выполняется при поддержке РФФИ (проект «Подготовка интернет-издания и комплексное исследование языка и письма Толстовского сборника XIII в. (РНБ, Ф.п.1.39)», № 18-012-00428А).

Интерпретация сходств и различий в прагматике и структуре отдельных текстов в составе Толст входит в число задач всестороннего филологического анализа источника. Нам уже приходилось писать о различных стратегиях цитирования в Толст библейских текстов [Новак 2018]. Ниже будет представлен анализ диалогических структур в различных текстах Толст, с целью оценить их роль в композиции.

Как известно, диалогические формы имеют весьма древние корни в мировой философии и литературе [Dialogues 2017]. Славяно-византийская эротапокритическая традиция описывалась в целом ряде работ, при этом отмечалось широкое распространение вопро-со-ответных форм в экзегезе, апологетике, догматической, катехизической и церковно-юридической литературе [Рождественская 2004; Miltenova 2008; Miltenova 2014]. Ниже с точки зрения функционирования диалогических структур будут рассмотрены три разножанровых произведения в составе Толст: житийная «память» Василия Великого, гомилия «Притча о премудрости» и апокрифическое «Сказание Афродитиана».

В житии вопросы и ответы «работают» в двух функциональных плоскостях – богословской и нарративной. Первая представлена диалогом Василия и его учителя Еввула и наиболее близка в нем к традиционной пропедевтической роли вопросо-ответов. Еввул задает собеседнику «вечные» вопросы – о сути философии и мира: **вѣпросн же нѣ евоуль васнльа. что оуставъ фнлософѣа. н снн рѣе первын оуставъ фнлософѣа. пооуѣеннѣ ш' смртн. н уюднвѣ са пакы рече. что мнрѣ н се рече нже выше мнрѣ. н сладѣка мнрѣ словеса. нъ самъ звѣло горекѣ мнрѣ** (л. 71). Если первый ответ лаконичен, то ответ на второй вопрос разворачивается затем в пространное катехизическое изложение христианского учения (лл. 71об.-77), которое может быть адресовано в равной мере и Еввулу, и читателям.

Диалоги в нарративе жития св. Василия так же немногочисленны, как и в богословском фрагменте, и задают рамку частному сюжету, который, однако, также имеет важные последствия. Сын хозяина гостиницы, в которой остановились Василий и Еввул, ученик софиста Ливания, озабочен чрезвычайно трудным филологическим заданием; когда Василий спрашивает о причине его печали, юноша сначала не хочет отвечать, но затем рассказывает обо всем. Получив помощь Василия, он отправляется к учителю, и между ними разворачивается второй диалог:

ВАСИЛІИ РЕЧЕ К НЕМУ. УТО ДѢЛА ДРАХЛЪ
 ЁСН Ѡ ОУНОШЕ. Н ѠНЪ ѠВѢЩА. ДА КЫН МН
 ОУСПѢХЪ АЩЕ ПОВѢДЪ. ПРНЛЕЖАЩЮ ЖЕ КМОУ
 І ГЛЮЩЮ. ЯКО ОУСПЕЮ ТН. І ПОВѢДА ЁМУ Н
 СОФНСТА І ГРАНЫ. <...> І СНН ВЗЕМЪ ГРАНЫ
 Н НАЧАТЪ ГЛАТН ТѢХЪ ПРЕЛОЖЕННЕ. <...> Н
 ѠТРОКЪ ПРНА РАДОУЯ СА. Н ЗАОУТРА НДЕ
 К ЛНВАННЮ. І ДАСТЬ ЁМОУ ГРАНЫ ПРЕЛОЖЕННЕ.
 ВЗЕМЪ ЖЕ ЛНВАННН ПОЧЕТЪ ВЪЩЮДНВЪ СА
 І РѢ. <...> ННКТЖЕ НЫНѢШННХЪ ХЫТРЕЦЪ
 УТО СНЦЕВЫХЪ ПРОТОЛКОВАТН МОЖЕТЪ.
 ѠКОУДУ СНН СНХЪ ПОПОВНТЕЛЬ. РЕЧЕ ѠТРОКЪ.
 УЮЖЬ НѢКТО ПРНШЕДЪ В ГОСТННННЦЮ
 МН. ОУДОБЪ СКОРО ПРОТОЛКОВА МН. СНН СНХЪ
 СКАЗАННЕ (л. 77об.–78).

В результате Ливаний приглашает Василия к себе и просит его побеседовать с остальными учениками. Духовно-нравственные наставления Василия также можно считать обращенными как к собравшимся юношам, так и к читателям жития.

«Притча о премудрости» — гомилия, часто атрибутируемая Кириллу Туровскому, представляет оригинальную структуру, далекую от типичных для проповедей риторических вопросов, не требующих ответа (как, например, в Слове на Рождество Христово Псевдо-Златоуста в том же Толст, лл.

49об.-56об.). Автор Притчи выстраивает воображаемый диалог, который позволяет сконструировать этическое послание гомилии в целом: **ТЫ ЖЕ МН РЦН <...> НІ АЗЪ ТН ѠВѢЩАЮ** (л. 48); **ТЫ ЖЕ МН РЦН. КАКО МОГУ ПРНѢТН МТѢРЬ. А ѠЦѢА РАЗГНѢВНВЪ. А ПОРТЫ ХРѢТЯНЫА НСКАЛАВЪ. АЗЪ ЖЕ ТА БРАТЕ НАОУЧЮ ПОРТЫ НСКАЛАНЫА НЗМЫН. Н ТОГДА ТА ПРНМЕТЬ ѠЦѢ** (л. 48об.). Такой прием однозначно предполагает обращение к читателю или слушателю.

109

В апокрифическом «Сказании Афродитиана», принадлежавшем к кругу монастырской нравоучительно-повествовательной литературы [Бобров 1994: 60], диалоги являются основным средством создания композиции. Обнаружено девять диалогов, сложно соотносящихся друг с другом. Это: 1) беседа царя и жреца; 2) беседа идолов, помещенная в рассказ жреца; 3) речь Диониса, адресованная как жрецу, так и идолам, и ответ последних; 4) дискуссия между волхвами и иудеями в Иерусалиме; 5) диалог волхвов и царя Ирода; 6) диалог волхвов и Девы Марии; 7) диалог Девы Марии с архангелом, помещенный в предыдущую беседу; 8) обращение волхвов к младенцу Иисусу и его невербальный ответ; 9) диалог между волхвами и ангелом, который предупреждает их о преследовании Ирода. Такая текстовая структура до некоторой степени сближает «Сказание» с житием Василия, однако в апокрифе диалогов, придающих повествованию о рождении Христа занимательную форму, существенно больше.

Таким образом, в разножанровых произведениях Толст диалогические структуры служат развитию либо сюжета, либо проповеднического message'a. Однако на прагматической глубине эти две функции сходятся, поскольку организация сюжета также имеет целью назидательную беседу с читателем.

Литература

Бобров 1994 – Бобров А.Г. Апокрифическое «Сказание Афродитиана» в литературе и книжности Древней Руси. Исследование и тексты. СПб., 1994.

Жолобов 2018 – Жолобов О.Ф. Слово-притча о премудрости в списках XII–XVI вв. // Научное наследие В. А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы. Тр. и матер. междунар. конф. (14–17 окт. 2018 г.): в 2 т. Казань, 2018. Т. 1. С. 85–90.

Новак 2018 – Новак М.О. Библийские цитаты в Толстовском Сборнике XIII века // Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы. Тр. и матер. междунар. конф. (1–4 окт. 2018 г.): в 2 т. Казань, 2018. Т. 2. С. 140–143.

Рождественская 2004 – Рождественская М.В. Библийские апокрифы в литературе и книжности Древней Руси: историко-литературное исследование. Дисс... докт. филол. наук. СПб., 2004.

Сводный каталог 1984 – Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984.

Dialogues 2017 – Dialogues and Debates from Late Antiquity to Late Byzantium. Eds. Averil Cameron, Niels Gaul. Routledge, 2017.

Miltenova 2008 – Miltenova A. Slavonic Erotapokriseis: Sources, Transmission, Morphology of the Genre. In: Old Testament Apocrypha in the Slavonic Tradition. Continuity and Diversity. Eds. L. DiTommaso, Ch. Böttrich, with the assist. of M. Swoboda. Tübingen, 2008. Pp. 283–306.

Miltenova 2014 – Miltenova A. Erotapokriseis in Medieval Slavonic Literature: Exegesis or Catechesis? In: On the Fringe of Commentary. Metatextuality in Ancient Near Eastern and Ancient Mediterranean Cultures. Eds. S. H. Aufrère, Ph. S. Alexander, Z. Pleše; in assoc. with C. J. Bouloux / Orientalia Lovaniensia Analecta, 232. Uitgeverij Peeters en Departement Oosterse Studies. Leuven – Paris – Walpole, MA, 2014. Pp. 379–403.

Обижаева Марина

DOI: 10.31168/91674-576-4.21

Институт славяноведения РАН, Россия, Москва

marina.obizajeva@gmail.com

**Точки опоры сербской грамматической учености
на переломе от конфессионального образования
ко всеобучу**

—
111
—

Доклад посвящен рефлексии сербских грамматистов, перед которыми стояла задача быстрого создания обязательных учебных пособий в рамках Саганской реформы на землях Габсбургов, над метаязыком. В частности, продемонстрировать, каким образом Вуяновскому и другим авторам удастся встроить авторитетное для славян содержание в немецкий учебный канон.

Ключевые слова: *история славянской грамматики, сербы, Габсбургская монархия, вторая половина XVIII века.*

Формирование литературного языка сербского меньшинства в Габсбургской монархии происходило параллельно с переходом статуса государственного языка от латинского к немецкому, поэтому многие решения сербских церковных иерархов, чиновников и авторов учебных грамматик были похожи на решения Вены. В это время сербские авторы Стефан Вуяновский и Аврам Мразович обращаются к грамматике Смотрицкого-Поликарпова 1721 года, ставя перед собой задачу адаптировать её к новой форме — немецкому обязательному репертуару учебных пособий аббата Фельбигера (грамматике и букварю). Так называемый «довуковский» период составления грамматик (последнее десятилетие XVIII века), закрепивший новый тип литературного языка у сербов, был сосредоточен как вокруг отношения к исторически наднациональной церковнославянской книжно-письменной

традиции, право на сохранение которой отстаивал, так и вокруг конкуренции концепций языка и в Российской, и в Австрийской империях.

112

— **Marina Obizhaeva**

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia

marina.obizajeva@gmail.com

—
**Points of support for Serbian grammatical scholarship
at the turning point from religious education
to universal education**

The report is devoted to the reflection of Serbian grammarians on the metalanguage. Their task was to quickly create mandatory textbooks as part of the Sagan reform on the Habsburg lands. In particular, the report demonstrates how Vuyanovsky and others manages to integrate the Slavonic authoritative content into the German educational template.

Key words: *the history of Slavonic grammar, Serbs, Habsburg Monarchy, the 2nd half of 18th centure.*

Ежи Остапчук

DOI: 10.31168/91674-576-4.22

Христианская Богословская Академия, Варшава, Польша

jostap@wp.pl

**Текстологическая характеристика
церковнославянского перевода Евангелия
в славяно-румынском старопечатном тетроевангелии
1551–1553 г.**

Текстологическое исследование старопечатных тетраевангелий дало возможность разделить эти издания на несколько групп. Одна из них, т. е. одиннадцать

Евангелий XVI в. среднеболгарского и сербского изводов, была разделена на две текстологические подгруппы: Евангелие иеромонаха Макария 1512 г. и Евангелие диакона Кореси 1562 г.

Целью доклада является текстологическая характеристика (т. е. указание группы и подгруппы) *церковнославянского перевода Евангелия в 126-листном отрывке славяно-румынского старопечатного тетра, выпущенного в Сибиу в 1551–53 гг.*

113

К исследованию, основанному на трех фрагментах Евангелия от Матфея (3, 17–8, 21, 13, 44–15, 11 и 26, 1–27, 61), будут привлечены все выпущенные в XVI в. старопечатные кириллические богослужебные тетраевангелия среднеболгарского, сербского и восточнославянского изводов.

Ключевые слова: критика текста, тетраевангелие, *Сибиу, 1551–1553, старопечатная книга*

Текстологическое исследование избранных фрагментов старопечатных кириллических богослужебных тетроевангелий дало возможность разделить этот тип выпускаемых до 1800 г. книг на несколько групп. Из всех 110 изданий в отдельную группу было зачислено одиннадцать Евангелий среднеболгарского и сербского изводов, напечатанных в XVI в. на территории современной Румынии (т. е. Валахии и Трансильвании), Сербии и Черногории. Эти одиннадцать «южнославянских» тетраевангелий на основе текстологических разночтений были разделены на две подгруппы. Пять тетров были зачислены в первую подгруппу: два древнейших среднеболгарского извода (Тирговище 1512 г. и Сибиу 1546 г.) и три сербского (Руянский Монастырь 1537 г., Белград 1552 г. и Мръкшина Црква 1562 г.); и пять позднейших среднеболгарского извода во вторую (Брашов 1562 г., Белград (т. е. Альба Юлия) 1579 г., Шебеш 1579 г., Монастырь св. Иоанна возле Бухареста 1582 г. и после 1582 г.). В послед-

нем среднеболгарском четвероевангелии 1583 г. (напечатанном в Шебеше или Брашове) были подтверждены текстологические разночтения, которые характерны для обеих или только для одной из указанных подгрупп, а также выявлены чтения в Евангельском тексте и литургических указаниях, характерные только для этого издания. Тем самым десять «южнославянских» старопечатных тетраевангелий, кроме последнего 1583 г., были разделены на две текстологические семьи: первая – Евангелие иеромонаха Макария 1512 г.; вторая – Евангелие диакона Кореси 1562 г.

Среди всех сохранившихся «южнославянских» старопечатных тетраевангелий особое место занимает издание, напечатанное в 1551–53 гг. в городе Сибиу. Из этого церковнославянско-румынского Евангелия до сегодняшнего дня сохранилась только 126 листов, содержащих часть текста Евангелия от Матфея. Из сохранившегося евангельского текста (зачала от 7-го по 113, т. е. Мф 3, 17–27, 55) к текстологическому исследованию была привлечена только небольшая часть, т. е. три зачала (101–103), которые охватывают текст Мф 24, 34–44. На основе выявленных в этом евангельском фрагменте четырех текстологических разночтений (в Мф 24, 39: вода – потопь и всѧ – всѣхъ; Мф 24, 43: вѣдалъ – вѣдѣлъ; присутствие/отсутствие в Мф 24, 42 упоминания св. Григория 30 сентября) церковнославянский перевод Евангелия в этом старопечатном кириллическом тетраевангелии 1551–53 г. был предварительно зачислен в первую подгруппу «южнославянских» старопечатных Евангелий, т. е. **в текстологическую семью** Евангелия иеромонаха Макария 1512 г.

В докладе будут представлены результаты текстологического исследования трех избранных фрагментов Евангелия от Матфея, проведенного на основе всех выпущенных в XVI в. старопечатных кириллических богослужебных тетраевангелий (среднеболгарского, сербского и восточнославянского изводов). Три исследо-

ванных фрагмента Евангелия от Матфея, т. е. 3, 17–8, 21 (зачала 7–26), 13, 44–15, 11 (зачала 55–50) и 26, 1–27, 61 (зачала 107–113) – это начало, середина и конец сохранившегося 126-листного отрывка старопечатного тетраевангелия 1551–53 гг., напечатанного в городе Сибиу.

Целью исследования является составление текстологической характеристики *церковнославянского перевода Евангелия в славяно-румынском старопечатном тетраевангелии 1551–53 гг.*

115

Jerzy Ostapczuk

Christian Theological Academy in Warsaw
jostap@wp.pl

Text critic characteristic of the Church Slavonic translation of the Gospel text in Slavonic-Romanian early printed Tetraevangelion from 1551–1553

Text critical study of the early printed Cyrillic Tetraevangelions made it possible to divide these Gospel books into several textological groups. One of them, to which eleven Middle-Bulgarian and Serbian editions from XVIth c. belong, was also divided into two textual subgroups: Gospel of hieromonk Macarie (1512) and Gospel of deacon Core-si (1562).

The goal of presentation is text critic analysis of the Church-Slavonic translation of the Gospel preserved in Slavonic-Romanian Early printed Tetraevangelion issued 1551–53 by Philip the Moldavian in Braşov.

In the study, based on the three fragments from the Gospel of Matthew (3,17 – 8,21,13,44 – 15,11 and 26,1 – 27,61), all early printed Cyrillic Tetraevangelions issued Middle-Bulgarian, Serbian and East-Slavonic redactions from XVIth c. will be explored.

Key words: *text critic, Tetraevangelion, Sibiu, 1551–1553, early printed book*

Анна Плотникова*Институт славяноведения РАН, Россия*

annaplotn@mail.ru

**Эпистолярный жанр: «святое письмо»
в кросскультурном контексте**

116

Анализируются опубликованные письма жителей градищанскохорватского села Чуново на пограничье Словакии и Венгрии с точки зрения особенностей эпистолярного жанра начала XX в. Кросскультурный контекст диктует употребление таких лексем и оборотов, которые были возможны лишь в данном конкретном славянском регионе. На этом фоне особо выделяется так называемое «небесное письмо», представляющее собой письмо-оберег, написанное накануне Первой мировой войны солдатом и посланное своим близким. Жанровые особенности этого письма сильно отличаются от всей переписки, что позволяет рассматривать настоящий текст в ряду так называемых «святых писем».

Ключевые слова: *рукописное наследие, народная традиция, магическое письмо, градищанскохорватский язык, межкультурные взаимосвязи*

В докладе рассматриваются опубликованные письма периода начала XX в. жителей села Чуново [Maász, Miletić 2017], которые проживают в настоящее время в Словакии на границе с Венгрией, с точки зрения особенностей эпистолярного жанра, предполагающего знание этнокультурного подтекста «человеком пишущим» и «человеком читающим». Сложные межкультурные взаимосвязи между градищанскими хорватами и их непосредственными соседями – венграми и австрийцами – в полной мере отражаются в информативном дискурсе писем. С одной стороны, эти тексты, несмотря на рамки эпистолярного жанра, неизбежно содержат

важную информацию о традиционной народной культуре градищанских хорватов, переселившихся на эти территории около 500 лет назад. С другой стороны, ряд лексем и оборотов может быть понят сегодняшним читателем только при условии знания народных обычаев и обрядов местных жителей, которые их соблюдают до сих пор, как показала этнолингвистическая экспедиция 2018 г. (полевые исследования в Чуново и близлежащие села Русовце и Яровце проводились по проекту РНФ № 17-18-01373 «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования» совместно с Д.Ю. Ващенко, подробнее см. [Vaschenko, Plotnikova 2019]).

Обращаясь к письмам как источнику этнокультурной информации, нельзя не отметить специфику подачи соответствующих сведений. Данные о календарных праздниках и корреспондирующей терминологической лексике чаще всего включаются в высказывания о времени приезда / отъезда / ожидания родственников или знакомых (например, *ta je pred Duhi došao* «приехал перед Троицей», с. 101) либо о времени получения письма, открытки (*mesopusni pandiljak dostala* «получила в понедельник на масленицу», с. 147). Это могут быть также сообщения о погоде на тот или иной значимый день в календаре. В редких случаях можно обнаружить обстоятельное описание самого праздника, например, в случае заочного приобщения адресата к семейному торжеству *kiritoľ* (здесь подробно описываются и подаваемые кушанья, и приглашенные музыканты, включая их «необычную» национальность – *slovakí*, и т.д.). В письмах можно встретить и фрагменты сведений о народной обрядности при ностальгическом к ним обращении со стороны солдата, пишущего издали домой: упоминание вербовой веточки в посылке (*od macicne nedilje kiticu* [отправил]), благодарность за пасхальное «красное яйцо» (*črljeno jaje*), которое он получил в посылке и др. Лексика семейной

обрядности, как правило, связана с жизненными обстоятельствами, которые описываются в письмах от родителей и знакомых: «Агнешка от тебя забеременела» (у разных респондентов встречаются лексемы *debela* и *noseća* ‘беременная’); «предводителем на свадьбе был такой-то» (появляется термин *staćilo* ‘друга, предводитель’); «у него было очень достойное погребение» (*jako lip pogrebje imao*, с. 129) и т.д.

Особый случай представляют ситуации вторичного употребления обрядового термина в контексте, когда отправители подчеркивают свое эмоциональное состояние. Так, в одном из писем встретился термин *norci*, употребленный пожилыми родителями солдата для усиления особенностей словесного портрета: *A mi stari norci ćemo hojt doklje budemo mogli* (А мы, старые безумцы, будем ходить, пока сможем, с. 125). Как было записано во время полевого обследования с. Чуново, *norci* (*nuorci*) ‘умалишенные’ – это «страшные» ряженые на масленицу, появление и действия которых призваны испугать окружающих (одеты в лохмотья, целуют девушек, крадут съестное и пр.). Следует отметить, что письмо было соответствующим образом воспринято сыном в армии (он пишет, что их письмо его так поразило, «будто кто-то нож в сердце всадил», с. 125).

Важен и вопрос этнических стереотипов, который прослеживается в письмах. Так, всё «немецкое» наделяется более высоким статусом, что проявляется не только в высказываниях о надеждах на получение работы в Вене, о возможности приехать домой в «немецкой одежде» и т.п., но и в стремлении употреблять в письмах большое количество немецких заимствований и калек, отмечаемых на разных уровнях языка (в лексике, морфологии, синтаксисе). С другой стороны, венгерский контекст очевиден во всех вопросах, касающихся школы, церкви, различных административных дел (от получения справок до подачи прошений), при этом черты венгерского языка прослеживаются

лишь в орфографии писем, реже в морфологии, единичны случаи лексических заимствований (см. [Vaschenko, Plotnikova 2019: 159–161]). В этом плане важным становится и мироощущение самих градищанских хорватов, которым вне «своего» пространства приписывается статус «венгров». Например, солдат Яндре Стефанчич описывает в письме домой ситуацию, как к нему обратилась местная хозяйка в Требине, с вопросом, чувствуют ли они, венгры, себя, как дома: ...“*je ste li vi Ugri doma*” *su me pitali* (с. 121). Примечательно, что этот эпизод попадает в письмо Яндре как экстраординарное событие во время празднования католической Пасхи (*pak lipa vazma smo imali*, с. 121). Данное проявление самоидентификации хорватами особенно показатель- —
но в смешанном межкультурном пространстве. 119 —

На фоне всей переписки Яндре Стефанчича с родственниками и знакомыми особо выделяется так называемое «небесное письмо» (*nebesko pismo*, с. 158), представляющее собой письмо-оберег, теоретически адресованное любому человеку, читающему по градищанско-хорватски. Оно написано накануне Первой мировой войны солдатом Яндре и послано своим близким. Жанровые особенности этого письма сильно отличаются от всех других, представленных в книге, что позволяет рассматривать данный текст в ряду иных, так называемых свя-
тых писем (сегодня известных и как «письма счастья»). О связи «святых писем» со средневековой нравоучитель-
ной литературой см., например [Лурье 1993].

Письмо имеет типичные характеристики католических «небесных писем»: начинается с рассказа о том, как один граф хотел отрубить голову слуге, но не смог, потому что тот имел при себе такое письмо с буквами J и K, несколько раз повторенными; затем говорится, от каких недугов и несчастий может защитить ношение письма его обладателем (именно в этой части появляется народная мифологическая лексика, до сих пор в переписке не встречавшаяся: *on ne more biti poviškan* – “его не смог

одолеть ведьмы”, с. 158); перечисляются ситуации, в которых спасет письмо (женщин при родах, солдат во время боя, любого человека – от огня, молнии, воды); приводится и способ проверить силу письма («кто не верит, тот может привязать его на шею собаке и выстрелить в нее – тогда увидит, что это правда», с.160); говорится также об изначальном происхождении письма (было найдено в замке подвешенным и написанным золотыми буквами). В письме нет традиционных для такого жанра угроз в случае нераспространения письма (ср. предписания в подобных письмах с территории Российской Империи: переписать 3, 7, 9 раз [Бутов 2018: 17]), но есть угрозы и предостережения от несоблюдения богослужебных заповедей (в этом случае человек еще при жизни будет наказан болезнью и войной – “s kugom i s vojskom”, с. 160). В рассматриваемом «небесном письме» указано лишь требование переписать письмо «от одного другому» (*Ovakvo pismo nek si jedan od drugoga odpiše*, с. 160).

Весь текст пронизывает метафора крови – жизни («носящий при себе письмо не потеряет ни капли крови» и под.), заканчивается же письмо отдельной молитвой, которая показана и на фото в книге в оригинальной орфографии автора (чуновский говор градищанскоховатского языка), где видно, что молитва (взявшая на себя функции заговора у католиков [Толстая 1999: 239]) старательно выписана на отдельном листке красивым почерком с выделением крупными буквами авторских данных: где, когда и кем написана (что не характерно для «писем счастья»), имеющих нарочито анонимный характер). Особо следует отметить, что «небесное письмо» лишено каких бы то ни было немецких заимствований, которыми в целом пестрит вся чуновская переписка.

Литература

Бутов 2018 – Бутов И.С. Материалы о распространении «святых писем» в БССР в 1930–1950-е годы // Живая старина. № 1. 2018. С. 17–20.

Лурье 1993 – Лурье В.Ф. «Святые письма» как явление традиционного фольклора // Русская литература. № 1. 1993. С. 142–149.

Толстая 1999 – Толстая С.М. Заговоры // Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 2. М., 1999. С. 239–244.

Maász, Miletić 2017 – Maász J., Miletić Š. Čunovo. T. II. Sudbina Jandre Štefančiča osud Ondreja Štefancsicha. Bratislava, 2017.

Vaschenko, Plotnikova 2019 – Burgenland Croats between Vienna, Bratislava and Sopron: historical, cultural and linguistic aspects // Hungarian Studies. 33/1. 2019. С. 157–168.

121

Anna Plotnikova

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia

annaplotn@mail.ru

Epistolary genre: «Holy letter» in cross-cultural context

Published letters of Burgenland's Croats living in Čunovo on the border of Slovakia and Hungary are under consideration from the point of view of the features of the epistolary genre of the early XXth century. The cross-cultural context dictates the use of such lexemes and turns, which were possible only in this particular Slavic region. Against this background, the so-called “heavenly letter” stands out, which is a letter-amulet written on the eve of the First World War by a soldier and sent to his loved ones. The genre features of this letter are very different from the entire correspondence, which allows us to consider this text in a number of so-called “Holy letters”.

Key words: *handwritten heritage, folk tradition, magical letter, Croatian language in Burgenland, intercultural relationships.*

Таня Попович

Белградский университет, Сербия

tanja.popovic19@gmail.com

122

**Постмодернистские комментарии
к житиям Константина и Мефодия:
«Хазарский словарь» М. Павича**

В докладе рассматриваются соотношения между текстами жития Константина Философа – св. Кирилла и романа М. Павича «Хазарский словарь». В раскрытие темы указывается на интертекстуальность (гипертекст / гипотекст) и метатекстуальность (автореференциальные комментарии), философию вымысла, принцип дополнительности и возможные миры как на области соприкосновения указанных текстов. Стирание границ между фикциональным и фактуальным началами порождает особенный вид литературного дискурса, причем семантические и формообразующие функции текста никогда четко не разграничены между собою.

Ключевые слова: «Хазарский словарь», Константин Философ, Мефодий, метатекстуальность, возможные миры, фикциональность, фактуальность

Первый роман Милорада Павича «Хазарский словарь» (1984) с самого начала привлёк к себе большой интерес и публики, и критики. До его выхода Павич был известен как профессор сербской литературы XVIII в., переводчик Байрона и Пушкина, а также как автор нескольких изложений историй сербской литературы от XVI до XIX вв. «Хазарский словарь» далеко не первое его «фикциональное» произведение. До начала 80-х гг. сербский писатель напечатал ряд повестей, в которых фикция соединялась с документальностью или с фактуальностью. И «Хазарский словарь» ведет своеобразный диалог между наукой и худо-

жеством, связывая в себе исторические исследования с выдуманной реальностью. Это действительно словарь, в центре которого статьи, посвященные обсуждению главного вопроса всего романа, – хазарской полемики конца IX в., когда хазарскому кагану приснился сон, который он расценил в качестве знамения, что его народу необходимо принять новую религию. Тогда он послал за представителями трех великих религий средиземноморского мира: за христианским священником, а именно – за Константином Философом, за исламским проповедником и раввином. Таким образом, одно из событий «Жития святого Кирилла», хазарское миссионерство, в романе Павича стало основой дальнейшего развёртывания существенных тем и идей произведения, о фатуме каждого «малого народа, чью судьбу определяет борьба высших сил». «Малые народы, такие как мы, сербы, – писал Павич, – всегда под угрозой чуждых ему идеологий» [Šomlo 1990].

123

Полемика между противопоставленными идеологиями и культурное влияние носителя каждой из них, или, по словам Э. Саида, «культурная оккупация» молодых народов и племён [Саид 2016], в фикации Павича получили не только нарративную обработку, но и своеобразное философское и филологическое толкование.

Взаимоотношения между текстами «Хазарского словаря» и «Жития св. Кирилла» можно определить как отношение между гипер- и гипотекстами и, одновременно, как метатекстуальность. Более того, «статьи» в словаре под заголовками «Кирилл (Константин Солунский)» и «Мефодий Солунский» представляют собой своеобразное смешение научного дискурса с агиографическим хронотопом и автореференциальными комментариями повествователя. Вадим Руднев заметил, что «Хазарский словарь» построен как гипертекст, то есть в нем достаточно разработанная система отсылок, причем в предисловии автор указывает,

что читать словарь можно как угодно»; а после добавляет, что роман Павича «философски чрезвычайно насыщенный текст, один из самых философских романов XX в., поэтому стоит сделать попытку отыскать основные нити его тончайшей художественной идеологии, ибо философия «Хазарского словаря» дана не в прямых сентенциях, а растворена в художественной ткани романа» [Руднев 2017: 784–788].

В сравнительном анализе текстов жития и романа наше внимание сосредоточим на нескольких существенных вопросах, которые могут объяснить природу логической семантики, как гипертекста, так и гипотекста. В общем, роман переносит важнейшие события из биографий славянских апостолов и приводит основные исторические факты и имена личностей, упомянутых в их агиографиях: иконоборчество, патриарха Фотия и его библиотеку, византийского царя Михаила III, хазарскую и моравскую миссии, «вычерчивание первых писмён славянской азбуки» [Павич 2018: 77], споры Константина и Мефодия с триязычниками в Венеции, их путь в Рим и «отпевание славянской литургии». Кроме того, в конце «статьи» о Константи́не Философе автор приводит точную, приблизительную и мнимую библиографии научных трудов и источников, посвященных «кирилло-мефодиевскому вопросу». Таким образом, цитатность у Павича реализована симулякром, точнее как «подобие без подлинника» [Эпштейн 2000: 5]. Исторические факты и события, а также и анахронизмы, которые повторяются и в гипотекстах, и в гипертексте, сохранили и преумножили смысл подлинника. Более того, автор пользуется «принципом дополнительности» [Руднев 2017; Эпштейн 2000], с помощью которого нарративная и означающая функция текста соединена с функцией комментария. В таком творческом приеме или художественном поведении легко можно узнать черты постмодернизма. Интертекстуальность и эклектика пави-

чевского романа на семантическом уровне подходит к пониманию возможных миров [Doležel 2008], а философия вымысла, как одна из существенных характеристик литератур и постмодернизма, и Средневековья, в «Хазарском словаре» проявляется в онирической реальности, т.е. воспроизведении снов Константина Философа, хазарского кагана и хазарской принцессы Ахер. В каждом из этих снов герой поставлен перед выбором будущего, личной судьбы, причем перед ним вырастают возможные миры.

О сходстве «Хазарского словаря» и жития св. Кирилла возможно говорить и на уровне поэтики. И. Шпадиер в своем исследовании о «несходных подобию» между средневековым и современным искусствами подчеркнула их несколько общих черт: проекцию непредсказуемых возможностей нового воображения, тяготение к стилизации и абстрагированию, а также и к определенному схематизму, стремление к тотальности и всеохватности, т.е. к достижению полноты существа [Шпадиер 2018]. В этом смысле, можно добавить, что «тело текста» постоянно трансформируется. Как писал Ю.М. Лотман, «сложно устроенный текст, распадающийся на иерархию «текстов в текстах» образует новую семантику, созданную на «сложном переплетении текстов» [Лотман 1981]. «Текст в тексте» – существенный формообразующий фактор и «Хазарского словаря», и жития Константина и Мефодия. Способность языка естественным образом объединяется в феномене литературы, одновременно становясь орудием воздействия на реальность, как внешнюю (бытовую), так и внутреннюю (фикциональную). Стирание границ между фикциональным и фактуальным началами в «Хазарском словаре» М. Павича, ровно как и в житиях солунских братьев и апостолов, порождает не только игру с реальностью, но и творит своеобразную философию истории литературы. Живой текст сопротивляется мертвой реальности.

Литература

Doležel 2008 – Doležel L. Heterekosmika. Fikcija i mogući svetovi. Prev. S. Kalinić. Beograd: Sl. Glasnik, 2008.

Лотман 1981 – Лотман Ю. М. Текст в тексте // Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 567. 1981.

— **Павич 2018** – Павич М. Хазарский словарь: роман лексикон в 100 000 слов. Пер. с серб. Л. Савельева. СПб.: Азбука. Азбука-Аттикус, 2018.

— **Руднев 2017** – Руднев В. П. Энциклопедический словарь культуры XX века. изд. 2, исп. и доп. СПб.: Азбука, 2017.

Саид 2016 – Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. изд. 2, исп. и доп. Пер. с англ. и послесловие А.В.Говорунова. СПб.: Русский Мир, 2016.

Житије Ћирилово 1964 – Житије Ћирилово. Пред. О. Недељковић // Ћирло и Методије. Београд: СКЗ, 1964.

Šomlo 1990 – Šomlo, A. Hazari, ili obnova vizantijskog romana: Razgovori sa Miloradom Pavićem. Beograd: BIGZ, „Narodna knjiga“, 1990.

Шпадиер 2018 – Шпадиер И. «Несходные подоби́я»: Средневековье и современное искусство // Текст и традиция. СПб.: Росток. Вып. 6. 2018. С. 77–93.

Эпштейн 2000 – Эпштейн М. Постмодерн в России. Литература и теория. М.: Издание Р. Элинина, 2000.

Tanja Popovic

University of Belgrade, Serbia

tanja.popovic19@gmail.com

Milorad Pavić's *Khazar Dictionary* as a Postmodern Comment on the Hagiography of Saints Cyril and Methodius

The aim of this paper is to investigate the relationship between the texts of the Hagiography of Saint Cyril (Konstantin Philosopher) and the M. Pavich's novel "Khazar Dictionary". The focuses of this research are intertextual-

ity (hypertext / hypothesis) and metatextuality (auto-referential comments), the philosophy of fiction, the principle of complementarity and possible worlds. Erasing the boundaries between fiction and fact create a special kind of literary discourse, new semantic and formative functions of the text.

Key words: *Khazar Dictionary, Hagiography of Saints Cyril and Methodius, Saints Cyril Hagiography, intertextuality, metatextuality, possible worlds, fiction, faction*

127

Анатолий Турилов

DOI: 10.31168/91674-576-4.25

Институт славяноведения РАН, Россия

aaturilov@gmail.com

К истории «двухсполовинного» южнославянского влияния – культурные связи восточных и южных славян в конце XV – середине XVI в. и их региональные особенности

Доклад посвящен истории культурных (в основном литературных) связей восточных славян с южными в конце XV – середине XVI в. Сопоставляются варианты этих связей для Московского государства с одной стороны и Великого княжества Литовского и Польши с другой.

Ключевые слова: *культурные связи, восточнославянские регионы, Молдавия, Афон*

Использование в заглавии несколько экстравагантного термина, вызвано ситуацией, сложившейся в историко-филологической науке (по большей части в филологической и даже лингвистической). Рассматриваемый ниже этап культурных связей между восточными и южными славянами был выделен первоначально в рамках конца XV – первой четверти

XVI в. и применительно лишь к Великому княжеству Московскому) около 40 лет назад, но практически в то же время термин «третье южнославянское влияние» оказался уже «занят» – Б.А. Успенский обозначил им преимущественно языковое влияние украинско-белорусской книжности на великорусскую в XVII в. Второй момент условности состоит в том, что примерно с конца XV в. наблюдается встречное влияние восточнославянской литературы и письменности на южнославянскую – преимущественно сербскую. Таким образом рассматриваемый период является единственным на протяжении Средних веков и раннего Нового времени, когда между восточными и южными славянами происходит взаимный культурный обмен. В условиях османского владычества на Балканах роль Болгарии в этих связях выпало играть Молдавскому княжеству, книжная культура которого без преувеличения может быть охарактеризована как «Тырнов после Тырнова», посредником между Русью и Сербией выступали – как и в классический период «второго южнославянского влияния» – славянские монастыри Афона (прежде всего Хиландарь); кроме того (что особенно важно для Московской Руси) в Османской империи до середины XVI в. активно функционировала сербская канцелярия, обслуживавшая сношения со славянскими странами и Венгрией. Поскольку названные связи относятся ко времени после окончательного разделения Киевской митрополии и провозглашения автокефалии Русской Церкви (1448), они осуществлялись Московской Русью и православным населением Великого княжества Литовского и Польши вполне самостоятельно (если не считать того, что афонские посольства в Москву никак не могли миновать ВКЛ), но при этом достаточно синхронно. Нижнюю хронологическую границу для Великого княжества Московского может условно составлять брак наследника Ивана III Ивановича Молодого с дочерью мол-

давского господаря Стефана Великого Еленой (1483), хотя, вероятно, более показательны и принципиально важны приезды посольств из афонских монастырей в 1490-х гг. Для ВКЛ и Польши в качестве условной опорной точки можно назвать основание Супрасльского монастыря (1498), где, очевидно, с самого начала присутствовала авторитетная группа сербских монахов с Афона, но при этом никак нельзя упускать из виду (хотя ситуация и не персонифицирована) широчайшее распространение молдавских почерков и неразрывно связанной с ними тырновской орфографии в книжной культуре Галиции и Волыни последней четверти XV в. (о чем подробнее ниже). Верхнюю границу периода, после которой уже нельзя говорить о полноценном культурном взаимообмене, составляет вторая половина 1550-х гг.: в 1557 г. сербские мастера расписывают собор Супрасльского монастыря, год спустя в Москве со слов членов хиландарского посольства записывают «Повесть страшну и ужаса исполнену» о чудотворных иконах и других достопамятностях этого сербской афонской обители, дошедшую в единственном (но современном записи) списке.

Принципиальное отличие в характере культурных связей этого времени Московской и Западной Руси с южными славянами и Молдавией состоит в том, что в первом случае они предельно централизованы, практически замкнуты на великокняжеский двор и митрополичью кафедру; старшие списки попавших в это время на Русь южнославянских сочинений и переводов, происходят из крупнейших монастырей, связанных с обоими центрами (Троице-Сергиева, Кирилло-Белозерского, Иосифо-Волоколамского). В западнорусском варианте следов этого не наблюдается, о митрополии нельзя сказать ничего определенного, равно как и о конкретных епископских кафедрах. Речь может идти о инициативе отдельных монастырей (прежде всего все того же Супрасльского) и отдельных

лиц, начиная с занимающих высокое социальное положение и кончая простыми книгописцами.

Корпус текстов, участвовавших в это время в обмене с обеих сторон, разумеется, заметно более скромнен, чем в эпоху «второго южнославянского влияния», но при этом достаточно выразителен. В нем преобладают оригинальные сочинения. Тексты, пришедшие в Москву из Молдавии, весьма немногочисленны. В сущности, это комплекс памятников, связанных с небесным патроном княжества Иоанном Новым Белгородским / Сучавским (служба и два жития – пространное и проложное, написанные Григорием Цамблаком) и славяно-молдавская летопись, доведенная до начала правления сына и преемника Стефана Великого Богдана, в составе Воскресенской летописи (причины включения первой во вторую довольно загадочны). При этом московская кафедра в условиях разрыва с Константинополем могла апеллировать к молдавским иерархам по вопросам если не догматическим, то церковно-обиходным (послание митрополита Романского Василия 1484 г. к митрополиту Геронтию о неправомерности хождения «посолонь» при освящении храма). Между Молдавией и Западнорусской митрополией собственно литературные контакты для этого времени не выявлены (в ВКЛ не попал даже перевод похвального слова виленским мученикам, имеющийся в молдавских списках), но масштабы распространения молдавского книжного письма с тырновской орфографией в рукописях Галиции и Волыни таковы, что сказались в начале 1490-х гг. даже на облике шрифтов и иллюминации книг краковской типографии Швайтпольта Феоля (что породило невероятную гипотезу о их заказе Стефаном Великим).

Результаты контактов восточнославянских книжников заметно богаче и выразительнее. Для Москвы это обширный комплекс пространных болгарских и сербских житий (Илариона Мегленского, Параске-

вы-Петки, Саввы Сербского, Стефана Дечанского и деспота Стефана Лазаревича) и переводов (хроника Константина Манассии, «Паралипомен» Зонары, одна из версий «сербской» Александрии, «Воспоминание отчасти Св. Горы Афонские»), в большинстве своем послуживших в 1510-х гг. источниками Русского Хронографа, составленного в Иосифо-Волоколамском монастыре. Период располагает даже своим «Пахомием Логофета в миниатюре» – сербским книжником Аникитой Львом Филологом, который, возможно, помогал составителю Хронографа в подборе и отборе южнославянских источников. Вообще, тема личностей в описываемом процессе (равно как и тема влияния восточнославянской книжности на сербскую) вполне заслуживают отдельного доклада. В западно-русской книжности число сербских текстов, пришедших в раннем XVI в., значительно меньше (по существу, можно говорить лишь о житии Саввы Сербского и древнейшей службе ему), но здесь присутствует замечательный полемический сборник, принесенный в 1545 г. в Супрасль с Афона, который в России получил известность лишь в XVIII в. через старообрядцев. В его составе Повесть о разорении Афона латинянами после Лионского собора, послания прота Гавриила к логофету венгерского короля Яна Запольи и писаря ВКЛ Василия Никольского к Стефану Якшичу (старший список в БРАН).

Заметное, хотя и не первостепенное, место в культурных связях периода занимают художественные, причем здесь тоже наблюдается взаимовлияние: московские мастера в конце XV в. отправляются в Молдову для написания икон по заказу Стефана Великого, сербские фрескисты под руководством Нектария, как уже сказано выше, расписывают в 1557 г. собор Супрасльского монастыря. В хиландарской ризнице хранится немало великорусских икон начала – середины XVI в. О пелене, вышитой для Хиландаря царицей Анастаси-

ей Романовной и отправленной туда с монастырским посольством в 1559 г., говорить излишне. На славянские Балканы во второй четверти XVI в. попадает целый ряд высокохудожественных по оформлению кодексов (и великорусских и украинско-белорусских), не имеющих аналогий в ресавской традиции: Бусинское Евангелие (София, НБКМ), написанное каллиграфами круга Исаака Собаки (Бирева), западнорусское Черепишское Евангелие (Враца, библиотека митрополии, № 3 — ныне Нац. Ист. Музей в Софии), орнаментика которого довольно скоро породила ряд подражаний болгарских книгописцев, несколько рукописей (например, лицевой Апостол библиотеки Печской патриархии № 24 и, возможно, ряд других) волинского (?) каллиграфа Андрейчины. К сожалению, точное время и обстоятельства их миграции в рамках рассматриваемого периода остаются невыясненными.

Anatolij Turilov

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia
aaturilov@gmail.com

**The History of the “Second and a Half”
South Slavonic Influence: The Cultural Ties of the Eastern
and Southern Slavs in the Late 15th - Mid 16th Centuries
and Their Regional Features**

The report focuses on the cultural ties (mainly literary) between Eastern and southern Slavs in the late 15th – mid-16th century. The variants of these relations for the Moscow state and the Grand Duchy of Lithuania and Poland are compared.

Keywords: *cultural relations, East Slavic regions, Moldova, Athos*

Милка Радулович

Белградский университет, Сербия
srbradulovic@yahoo.com

DOI: 10.31168/91674-576-4.26

Елена Славкович

Белградский университет, Сербия
slavkovic.jelena@gmail.com

—
133
—

Ошибки писца и автора:

Средневековые и (ультра)современный мир

В Средневековье письменность предполагала создание копий (списков) различных книг. В процессе копирования писцы допускали в тексте различные ошибки. В наши дни, набирая на компьютере любой текст, мы совершаем те же самые ошибки. Средневековые писцы не могли избавиться от своих ошибок, какими бы осторожными они ни были, но мы можем — мы можем использовать программы HTR, такие как Transkribus. С таким подходом, близким к «старой» текстологии Д. С. Лихачева, textual sholarship с цифровыми изданиями перестраивается.

Ключевые слова: *ошибка, писец, цитирование, научное цифровое издание, цифровая текстология*

Человек, который читал и писал в Средние века, часто был писцом: он читал предложения, запоминал более короткие или длинные разделы, а затем записывал их. При создании нового списка он делал различные ошибки. Некоторые из них помогают нам собрать воедино кусочки головоломки, называемой генеалогией. В настоящее время, когда мы работаем над транскрипцией рукописного наследия, мы совершаем те же типы ошибок, особенно те, которые по-латински называют *inverso i omittit*. В случае, если одно и то же слово находится на расстоянии нескольких строк друг от дру-

га, иногда мы сразу же продолжаем вводить слово после другого места, где находится слово, пропуская целых несколько строк. Мы все еще используем старый средневековый тип передачи текста. Мы должны просмотреть текст несколько раз, тогда ошибки обычно замечаются, а уже потом их легко исправить на компьютере. Но некоторые даже после этого не видны. Средневековые писцы редко успевали снова пройти всю книгу, и даже когда они это делали, они не могли сделать многого. Они часто оставляли текст таким, какой он есть, чтобы не испортить его, приписывая дополнения на полях, например. Исправления исходили от читателя – другого писца или редактора, который имел перед собой несколько списков, чтобы сделать свой лучшим. Что можем сделать мы, в отличие от писца? Мы можем начать использовать программы HTR (Handwritten Text Recognition), такие как Транскрибус; они уже более точны, чем рука, и они становятся лучше. Ошибки, которые производит HTR, обычно очевидны для человеческого глаза, поэтому после наших последних штрихов мы наконец получаем безупречный текст.

Отрывки, напечатанные от руки в научных работах, содержат ошибки. Но не потому, что исследователи небрежны. Мы покажем это явление на примере синаксарного Жития св. Симеона Мироточивого, синаксарного Жития св. Саввы сербского и научных работ о них. Оба этих коротких жития имеют различные варианты как прологов, так и текстов. Списки встречаются в основном в прологах, а также в праздничных минеях и сербляках. В XIV в. два перевода с греческого на сербскославянский язык синаксаря со стихами были написаны на Балканах. Оригинальные сербские тексты введены сначала в перевод, созданный в Тырново, но это было сделано спустя какое-то время. Как мы можем сразу узнать, что мы смотрим на тырновский перевод для зимней части года (которая включает в себя св. Савву и св. Симеона)? Тырновский перевод в начале тек-

ста за 14 января содержит очевидную ошибку. Греческое *авва* переводится как личное имя Авад или Авда. Однако ошибки перевода – это отдельная тема.

По данным литературы, список синаксарного Жития св. Симеона в рукописи Печской патриархии № 30 имеет три стиха, последний отсутствует [Мошин 1971: 98]. Д. Богданович пишет: «Рукопис нисам могао да видим, али према наводима В. Мошина (...) стихови припадају овој подваријанти. Недостаје само последњи стих» [Богдановић 1976: 12]. Но на самом деле он отсутствует только в археографическом описании – согласно фотографиям рукописи, все четыре стиха на месте. Это просто ошибка. Когда у исследователя нет оригинала в той или иной форме, он прибегает к археографическим описаниям, изданиям и другой литературе, которая передает текст вручную. Когда у исследователя есть оригинал, он у него бывает недолго – исследователь успевает только переписать часть или весь текст, или у него есть воспроизведение оригинала, но он передает его рукой. И какая-то рука, вероятно, сделает ошибку.

В критическом аппарате издания о синаксарном Житии св. Саввы В. Чорович отмечает, что только список Г содержит часть предложения, в которой указано место захоронения Саввы в Тырново [Чоровић 1938: 87]. Рукопись Г – синаксарь из Грачаницы, как и многие другие сербские рукописи, пострадала во время Второй мировой войны, поэтому мы не могли изучить текст в рукописи. Но мы посмотрели книгу, которую автор использовал в качестве своего первоисточника – напечатанные праздничные минеи (1536–1538). В этой книге тоже напечатано «в церкви Святых 40 мучеников». Давайте восстановим эту 80-летнюю загадку. Чорович, вероятно, переписал текст на бумагу. Когда у него потом были другие списки в руках, он отметил часть текста, которая появляется еще только в одном, этом списке Г. Но когда он заканчивал свою работу, он подумал, что парантеза означает, что пять упомянутых слов существуют исключительно

но в Г. Это имеет большое значение в генеалогии синаксарного Жития св. Саввы. Мы не будем упоминать работы, основанные на ошибках, которые принимают их за достоверную информацию. Опять же, автор не проявил небрежности, просто в процессе работы над этим изданием перед ним не было оригиналов.

136

Могут ли они все у нас быть в наше время? Это все еще трудно сделать, но с помощью научных цифровых изданий возможно. Писцы совершали ошибки, пытались сохранить и распространить знания, мы совершаем их, пытаемся объяснить средневековую мысль и литературу. Но мы больше не должны совершать ошибки. Цифровые издания предоставляют нам самое надежное и качественное воспроизведение текста. Репродукции, как правило, слишком дороги для печати и занимают много страниц. Цифровая среда не ограничена ни в пространстве, ни во времени, любой проект может быть *work in progress*, его всегда можно улучшить. Нетрудно ориентироваться во множестве материалов, а цифровые продукты не дороги [Pierazzo 2014]. Мы можем видеть оригиналы в определенном формате (в лучшем случае с метаданными), у нас есть транскрибированный текст, заметки, расширенные инструменты поиска и т. д. Это проще, быстрее, можно скопировать отрывки, которые нам нужны для нашей научной работы, исключая возможность ошибки транскрипции.

Но есть ли у нас эти превосходные цифровые издания? Некоторые в настоящее время есть. Патрик Зале (Patrick Sahle) нашел более ста изданий, которые касаются средних веков, что составляет почти треть его списка на www.digitale-edition.de (с 2008 г.). Не все эти проекты являются цифровыми; на самом деле, большинство из них *computer-assisted*. С такими подходами, как новая стемматика (New Stemmatics), близкими к «старой» текстологии Д. С. Лихачева [Лихачев 1962] (и к унаследовавшим ее принципам Д. Богдановича в Сербии) и с помощью цифровых научных изда-

ний (SDE-s) текстология трансформируется. В течение последних десятилетий мы постепенно отказываемся от письменной парадигмы и принимаем цифровую. В будущем мы, наконец, больше не будем похожи на писцов, и это мы можем сказать одновременно и с гордостью и с ностальгией.

—

Литература

137

Лихачев 1962 – Лихачев Д.С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1962.

—

Мошин 1971 – Мошин В. Рукописи Пећке патријаршије // Старине Косова и Метохије 4–5, Приштина, 1971.

Богдановић 1976 – Богдановић Д. Пролошко житије св. Симеона // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. Књ. 42, св. 1–4. Београд, 1976. С. 9–19.

Ђоровић 1938 – Ђоровић В. Пролошко житије Св. Саве // Светосавски зборник 2. Извори. Београд: Српска краљевска академија, 1938. С. 79–87.

Pierazzo 2014 – Pierazzo E. Digital Scholarly Editing: Theories, Models and Methods. Grenoble, 2014. URL: <http://hal.univ-grenoblalpes.fr/hal-01182162/document>

Milka Radulović

University of Belgrade, Serbia

srbradulovic@yahoo.com

Jelena Slavković

University of Belgrade, Serbia

slavkovic.jelena@gmail.com

Reading, writing, making errors: Middle Ages and (ultra)modern world

For the Middle Ages reading and writing can refer to making copies of books too, and consequently, to variant errors in them. Nowadays, when typing on PC excerpt or transcription

of manuscript, we make the same kinds of mistakes, being still at scribe's type of copying and citing. We can avoid mistakes by using HTR programs for starting SDE-s and using them to copy-paste the part of text we need. With new approaches, close to „old“ Likhachov's textology, and with digital born editions this field is getting reshaped.

Key words: *error, scribe, citing, scholarly digital edition, digital textology*, цифровая текстология

Милена Рождественская

DOI: 10.31168/91674-576-4.27

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
milena.rozh@gmail.com

О функциональности апокрифических сюжетов в средневековой русской книжности

Функции библейских славяно-русских апокрифов в рукописных сборниках зависят от их восприятия древнерусскими книжниками и литературного контекста рукописи. Познавательная, толковательная, магическая, историческая функции связаны с разными жанровыми формами, как книжными, так и фольклорными. Особо рассматривается «апокрифическая загадка» о двух братьях из рукописи XVI в. Стокгольмской Королевской библиотеки и рукописи XVIII в. собрания Библиотеки российской Академии наук (Санкт-Петербург).

Ключевые слова: древнеславянский апокриф, литературная функция

Кирилло-Мефодиевская традиция древнеславянских переводов включает не только канонические, но и неканонические, парабиблейские сюжеты, содержательно связанные со Священным Писанием. В отличие от библейских текстов, связанных с церковно-догмати-

ческим канонам, апокрифы не образуют единства в жанровом или в функциональном отношении. Их функция – служить своеобразным «недостающим звеном» в знакомстве с библейской историей не всегда просвещенных читателей. Их толкованию посвящена историко-апокалиптическая и эсхатологическая литература, особо востребованная, начиная с конца XVII в., в старообрядческой среде: апокрифические пророчества, жития и видения. Поэтому как одну из важных функций апокрифических текстов в древнеславянской литературе можно назвать толковательной или толковой.

Выявление функций неканонических текстов в средневековых рукописных сборниках связано с вопросом об их читательской аудитории. Если считать адресатом апокрифических сочинений только церковную элиту, понимающую толк в византийском богословии, то необходимо объяснить частое присутствие в апокрифах устной фольклорной традиции, а также мифологический подтекст многих канонических сюжетов. Так, известное «Хождение старца Агапия в рай» соединило в себе черты монашеского жития, сюжетную схему путешествий к раю и структурные элементы волшебной сказки. Включение в рукописные сборники апокрифических вопросов-ответных сочинений типа «Беседы трех святителей» (см., например, сборники Ефросина Белозерского из собр. РНБ) [Каган, Поньрко, Рождественская 1980] свидетельствует об интересе переписчиков к эротапокритической книжной традиции толкования сюжетов Ветхого и Нового Завета. Однако и в ней встречается немало фольклорных элементов. Резкого противопоставления канонического и неканонического в апокрифах нет: это все те же сакральные время и пространство, в которых излагаются обе версии событий.

Толковательную и одновременно ритуальную функцию могут выполнять и такие пограничные между устной и письменной традициями формы, как загадки, например, загадка о Ноевом ковчеге и голубе, сохранив-

шаяся в рукописях и в новгородской берестяной грамоте № 10 [Рождественская 2003: 310–320] или загадка «о бабе и внуке» из «Беседы трех святителей» и др. Особый интерес вызывает загадка «о двух братьях», которую можно назвать многофункциональной, выполняющей и познавательную, и дидактическо-назидательную, и толковательную функции. Она сохранилась в сборнике XVI в. из собрания Стокгольмской Королевской библиотеки (А 797). [Рождественская 2004: 391–397]. Отгадку этой загадки притчевого характера заменило ее толкование, спустя длительное время обнаруженное нами в рукописи первой половины XVIII в. (БАН Семеновское собр. НКВД, № 15). Познавательную функцию выполняли также апокрифические сюжеты, посвященные конкретной библейской истории, которые приближали к средневековому читателю древний и христианский Восток, включая в его пространство и Русь. Библейская география, лица, события, имена церковных и исторических деятелей, христианских мучеников и праведников рождали у читателей чувство достоверности и эффект присутствия, становились своеобразным историческим источником: история совершалась как бы рядом. Познавание окружающего мира происходило через познание в нем божественного начала. Так, познавательная функция библейских апокрифов не противостояла нравственно-дидактической задаче, но сопутствовала ей. Апокрифы выполняли еще одну функцию: магическую, когда записанные на предметах, они служили оберегами или амулетами, причем их владельцам было даже не обязательно уметь читать. Две новгородские берестяные грамоты также содержат тексты, связанные с магическим действием. На одной из них (№ 930 конца XIV – начала XV в.) читается текст известного заговора «от двенадцати трясавиц», с именем св. Сисиния. Вторая берестяная грамота (№ 734 XII в.) упоминает в заклинательной неканонической молитве святого Сихаила. Оба апокрифических источника известны

и в славянской рукописной традиции. Подобной охранительной и магической функцией обладает и неканонический текст «Сон Богородицы», известный в древнерусской книжности в разных жанровых вариантах: нарратив, духовный стих, заговор или молитва. «Сон Богородицы» можно рассматривать как вариант народного Евангелия, где события Страстной седмицы расписаны по дням. Итак, неканонические тексты на тему библейской истории в их отдельных жанровых формах были полифункциональны, а граница между устной и письменной традициями в них – достаточно зыбкой. И именно функция в сборнике определяла литературность того или иного неканонического текста.

—
141
—

Литература

Каган, Понырко, Рождественская 1980 – Каган М.Д., Понырко Н.В., Рождественская М.В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Т. 35. Л., 1980. С. 3–30.

Рождественская 2003 – Рождественская М.В. Новгородская грамота № 10 – «апокрифическая загадка»? // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. М., 2003. С. 310–320.

Рождественская 2004 – Рождественская М.В. Апокрифы в сборнике XVI в. из Стокгольмской Королевской библиотеки (А 797) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 55. СПб., 2004. С. 391–397.

Milena Rozhdestvenskaya

Saint Petersburg State University, Russia

milena.rozh@gmail.com

On the functionality of apocryphal stories in medieval Russian bookishness

The functions of the biblical Slavic-Russian apocrypha in manuscript collections depend on their perception by the ancient Russian scribes and the literary context of the man-

uscript. Cognitive, interpretative, magical, historical functions are associated with different genre forms, both book and folk. Particularly considered is the «apocryphal riddle» of two brothers from the manuscript of the XVIth century Stockholm Royal Library and manuscripts of the XVIIIth century collections of the Library of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg).

Keywords: *ancient Slavic apocrypha, literary function*

Татьяна Рождественская

DOI: 10.31168/91674-576-4.28

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
tat.rozhd@gmail.com

Литургический текст в памятниках эпиграфики Древней Руси

В докладе в лингвистическом аспекте анализируются библейские и литургические цитаты в составе надписей-граффити XII–XV вв. из храмов Древней Руси. Показания палеографии, орфографии и текстологии характеризуют эти надписи как тексты, отражающие как нормы церковнославянского языка на Руси и его региональные варианты, так и черты, связанные с устной формой их бытования.

Ключевые слова: *средневековые библейские и литургические надписи-граффити на стенах храмов Древней Руси, устная форма бытования канонических текстов*

1. Литургические и богослужебные тексты Древней Руси, имеющие разветвленную рукописную традицию и составлявшие основной корпус книжности Slavica Orthodoxa, частично бытовали и в устном виде, могли воспроизводиться по памяти на церковных стенах. Библейские, литургические, гимнографические

цитаты на стенах храмов как в составе росписей мастеров-живописцев, так и в личных записях-граффити священнослужителей и простых прихожан, их молитвенные возгласы и автографы так или иначе иницированы литургической традицией. Устный этап бытования канонических текстов приводил к вариативности отдельных языковых форм или графико-орфографических приемов. Структурная схема литургического текста включает как формулы традиционного языка, так и варьируемые элементы. Если лексические варианты в эпиграфических текстах связаны, как правило, с письменными языковыми и текстологическими традициями, то сфера графики, орфографии и морфологии допускает некоторый набор вариантов, хотя и ограниченных рядом семантических и грамматических параметров. Изучение богослужебных граффити связано с вопросами функционирования славянских библейских переводов и литургического церковнославянского языка. Привлечение к исследованию эпиграфического материала позволяет поставить вопросы о том, каковы были языковые и текстовые предпочтения в той или иной местной традиции, каковы пределы варьирования книжной языковой нормы в эпиграфических текстах и ряд других.

2. В докладе рассматриваются литургические надписи-граффити XII - XV вв., обнаруженные на стенах древнерусских храмов Киева [Корнієнко 2010: 112–113, 42–43; Рождественская 2012: 317–325], Новгорода [Рождественская 1992: 114–115; Рождественская 2016: 193–205; Гиппиус 2017: 261–282], Старой Ладogi [Рождественская 1992: 116–117]. Местонахождение литургических граффити – стены, столбы и дяконник в храмах с сохранившимися участками древней штукатурки и фрескового слоя. Большинство граффити – это цитаты фрагментов великопостных служб, стихир и тропарей. Среди них – фрагменты Херувимской песни, прокимнов, инципиты ирмосов, строки великопостной

службы Шестого часа, службы на Успение пресвятой Богородицы, строки запричастного стиха, фрагменты службы на Усекновение главы Иоанна Предтечи, священнических возгласов службы Всенощного бдения, стихира и тропарь утрени Великого Пятка и др. Особый комплекс таких текстов обнаружен в церкви Успения на Волотовом поле в Великом Новгороде. Палеографические, графико-орфографические и текстологические характеристики этих литургических цитат датируют их в пределах XV в. и отражают черты правленных редакций богослужебных книг, что является важным свидетельством времени их распространения в приходской практике средневекового Новгорода [Афанасьева 2015: 273–287].

Литература

Афанасьева 2015 – Афанасьева Т.И. Литургии Иоанна Златоуста и Василия Великого в рукописной традиции (по служебникам XI–XV вв.). М., 2015.

Гиппиус 2017 – Гиппиус А.А. «Зло видучи, а добра не видучи»: поэтика и грамматика древнейшего русского покаянного стиха // Russian Linguistics. Т. 41. 2017. С. 261–282.

Корнієнко 2010 – Корнієнко В.В. Корпус графіті Софії Київської (XI - початок XVIII ст.) Ч. 1.: Приділ св. Георгія Великомученика. Київ, 2010.

Рождественская 1992 – Рождественская Т.В. Древнерусские надписи на стенах храмов. Новые источники XI–XV вв. СПб., 1992.

Рождественская 2016 – Рождественская Т.В. Средневековые граффити в церкви Успения пресв. Богородицы на Волотовом поле в Новгороде. В кн.: Да веселитсѧ Новѡградъ. Må Novgorod fröjda sig Hyllningsskrift till Elisabeth Löfstrand redigerad av Per Ambrosiani, Per-Arne Bodin och Nadezjda Zorikhina-Nilsson. Stockholms Universitet. Stockholm Slavic Papers. 2016.

Tatyana Rozhdestvenskaya

Saint Petersburg State University, Russia

tat.rozhd@gmail.com

Liturgical text in the Epigraphy of Old Rus'

The paper analyses the linguistic aspect of biblical and liturgical quotations in the wall-inscriptions (graffiti) of the 12th–15th centuries in the Churches of Old Rus'. Paleographic, orthographic and textual features of the liturgical graffiti characterize them as texts, reflecting both the norms of the Church Slavonic language in Russia and its regional variants, as well as features associated with the oral form of their existence.

Keywords: *medieval biblical and liturgical church wall- inscriptions Old Rus', the oral stage of the existence of canonical texts*

145

Франческа Ромоли

Университет г. Пизы, Италия

francesca.romoli@unipi.it

DOI: 10.31168/91674-576-4.29

Житие Антония Римлянина: от местного к общему

Доклад посвящен исследованию Жития Антония Римлянина в контексте средневековой восточнославянской агиографической традиции. Исследование проводится на уровне морфологии текста, метода его создания, идеологического замысла, культурно-исторических условий его появления и последующего развития.

Ключевые слова: *Антоний Римлянин, церковнославянская литература, восточнославянская агиография.*

Житие Антония Римлянина сохранилось в рукописях в двух вариантах единственной редакции. Первый вари-

ант относится к эпохе, когда установили местное почитание святого, а второй к периоду, когда процесс утверждения его культа завершился. Первый вариант описывает жизнь святого от рождения до смерти, второй вариант дополняет биографическое повествование предисловием и сведениями об обретении мощей и чудесах.

По содержанию, присутствию/отсутствию и последовательности в ней традиционных элементов и тем, биография святого отдалается от агиографического канона. Автор доклада выдвигает предположение о том, что морфологическая специфика Жития связана с методом создания текста, на который повлияли культурные условия его появления, а именно желание уравнивать в достоинстве Великий Новгород, потерявший свою политическую независимость, с Москвой-третьим Римом.

Житие разделяет свое своеобразие и судьбу с другими произведениями Новгородской и Ростовской агиографии. Составленные с помощью одинаковых композиционных приёмов, основанных на слиянии предшествующих материалов с целью сопротивляться московской идеологии и централизации, эти произведения сливались в общерусскую агиографическую традицию, при включении в которую подвергались стандартизации, результатом чего и является второй вариант текста.

Francesca Romoli

University of Pisa, Italy

francesca.romoli@unipi.it

**The Life of Antonij Rimljanin:
from local to widespread veneration**

The paper aims at investigating the Life of Antonij Rimljanin in the context of East Slavic medieval hagiography. Investigation of the text is undertaken at the level of morphology, method of composition, ideological

meaning, the historical and cultural context of its genesis and subsequent development.

Key words: *Antonij Rimljanin, Church Slavonic Literature, East Slavic Hagiography*

Ольга Савельева

DOI: 10.31168/91674-576-4.30

147

Московский государственный университет имени

М.В.Ломоносова, Россия

dus.177@gmail.com

Рефлексия образа «тишины» в русской словесности XVIII в.: Ломоносов и Пиндар

Рассматривается содержание художественно-философского образа «тишины» в русской словесности XVIII в. Образ «Возлюбленная Тишина» и общий стиль оды М.В. Ломоносова (1747 г.) может быть связан с ранней греческой одической поэтикой (Пиндар. Пифийская 8).

Ключевые слова: образ «тишины», Ломоносов, Пиндар, одическая поэтика

1. Идея «тишины», как художественно-философский образ, оказалась востребованной в европейской культуре Нового времени. История, содержание образа отличаются многоплановостью, его истоки связывают с древнеиндийскими толкованиями «ясности, прозрачности», позже в философии, эстетике «тишина» объединяется с «покоем, созерцательностью, светом», с «абсолютно положительным видением мира», сближается с категорией Возвышенного, которая обращает нас к описаниям позднеантичных риториков (Псевдо-Лонгин). В Новое время, категориально разработанная в немецкой и французской эстетике XVII в., в русский культурный дискурс она была введена М.В. Ломоносовым, В.К. Тредиаковским, получила богатое раз-

вание как топос в словесности, в эстетических сочинениях, живописи, музыке. «Тишина» постулируется как важнейший символический образ для поэтики русской литературы XVIII в.

2. В русской поэзии идет углубление нравственно-философского содержания, психологизма пейзажа, внутреннего мира человека, тишина, сохраняя связь с темой природы, созерцательности, фигурирует как обновленный образ в жанрах сентиментализма, предромантизма, у романтиков. Поэтический феномен Г.Р. Державина «синтезировал» разные мотивы, направления, оду и анакреонтику. Поэт отнес к циклу «Анакреонтических песен» стихотворение «Тишина» (1801), где введен мотив «к милым девушкам ласкаться и в сядинах молодеть», но возвышенное через тему бессмертия таланта поэта представлено сильнее: «талант не увядет / вечного забвенья в тьме», «совосплещут музы мне», «и я славен в тишине» [Державин 1958: 384].

3. Обоснования возвышенного в русской эстетической мысли связывались с трудами математика, теоретика эстетики, последователя вольфианской школы И.-Г. Зюльцера. В его трактате «Общая теория изящных искусств» (1771) дано эклектичное соединение взглядов Х. Вольфа с английскими и французскими эстетиками, углублена идея «тишины»: «тишина естества сердцу полезна...», она «есть святилище, тайная прелесть» – перевод (1777) М. Протопопова. В.А. Жуковский через образ «Откуда тишина златая В блаженной северной стране?» описывает процветание России при Павле I – «Ода. Благоденствие России» (1797). Близи к этому пушкинские «покой и воля», в оде «Вольность»: «И станут вечной стражей трона Народов вольность и покой» (1817). Екатерина II в критике сочинения Радищева с позиций государственности указывает: «сочинитель не любит слов тишина и покой» [Радищев 1949: 669]. В масонских опытах русских авторов, в их одической, в лирической медитативной поэтике посто-

янные мотивы «священна тишина, кроткая тишина», как у Ефима Люценко [Данилевский 1999 : 250–251].

4. В позднейшей русской философии «тишина», подобно другим универсальным категориям, мыслится как одна из составляющих мироустройства, отражается в темах постижения истины, сострадания, любви, веры. Смыслами тишины у С. Соловьева наполнены идеи преображения, у П. Флоренского – «состояние духа, при котором открываются двери горних миров», у С. Франка – сфера «непостижимого». Дух тишины, по И. Ильину, – в «художественном созерцании».

5. Знаменитый образ русской «тишины» представлен у Ломоносова как «возлюбленная тишина» в «Оде на день восшествия...» (1747, ср.: Ода «На день восшествия...» 1748 г.). «Царей и царств земных отрада Возлюбленная Тишина, – Блаженство сел, градов ограда, Коль ты полезна и красна! Вокруг тебя цветы пестреют И класы на полях желтеют; Сокровищ полны корабли Дерзают в море за тобою; Ты сыплешь щедрою рукою Свое богатство по земли» [Ломоносов 2016: 63]. «Тишина» соединена с функциями пользы, защиты, плодородия, обогащения, украшения, здесь нарисован весьма масштабный, созидательный образ, «мирообраз тишины», что соответствует поэтике оды и панегирика. Предположение, что Ломоносов следует разработкам его современника Зульцера, опровергается датами их сочинений: 1747 г. / 1771 г. Кроме этого, Ломоносов знал взгляды своего учителя Х. Вольфа, и у него вообще не было необходимости в русском переводе трактатов Зульцера.

6. Можно предположить, что слова «Возлюбленная Тишина», смысл экспозиции «Оды» Ломоносова связаны с прецедентным текстом, с одой Пиндара Пифийской 8 (Snell, 1971), где персонифицированный образ Спокойствия / Тишины имеет по стилистике эпиникия возвышенное описание. Ода Пиндара начинается с обращения Φιλοφρωνησυχία «Благосклонное спокойствие/любезная тишина»: семантика лексемы ἡσυχία «спокойствие,

тишина, ровное душевное состояние, положительное по своей природе и воздействию», эпитет Φιλοφρων – «благомыслящая, благосклонная, любезная»: «Благосклонное Спокойствие / Тишина, дочь Справедливости, Дающее процветание городам, Которое владеет в вышине ключами от решений и войн, Прими Пифийскую почесть для Аристомена. Ты умеешь и творить, и испытывать кротость В нужный момент. Но когда кто-то впустит неумолимый гнев В сердце, Ты, суровое, встав навстречу вражде, Силой низвергаешь гордыню в бездну...» (перевод мой – ОС).

7. Во фрагментах Пиндара и Ломоносова (Пиндар был одним из почитаемых в России поэтов, «Ломоносов – русский Пиндар», но его освоение шло через французских авторов) «тишина» трактуется не как состояние созерцания, за поэтическими описаниями стоит образ масштабной, действенной положительной силы. Анализируя перевод ησυχια М.Л. Гаспаровым как «тишина», хотелось бы принять мысль Б. Дубина о «стратегиях смыслопроизводства» в переводах М.Л. Гаспарова [Дубин 2006:253] и увидеть в данной интерпретации не только точно выбранное слово, а отсылку читателя к богатому постантичному смыслу, к представлению о «тишине» как о категории культуры, художественной теме и идее.

Литература

Гаспаров 1980 – Гаспаров М.Л. Древнегреческая хоровая лирика// Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. М., 1980.

Данилевский 1999 – Данилевский Р. Е. П. Люценко // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. СПб., 1999.

Державин 1958 – Державин Г. Р. Стихотворения. М., 1958.

Дубин 2006 – Дубин Б. Автор как проблема и травма: стратегии смыслопроизводства в переводах и интерпретациях М.Л. Гаспарова // НЛО, №6. 2006.

Ломоносов 2016 – Ломоносов М.В. Оды. М., 2016.

Радищев 1949 – Радищев А.Н. Избранные сочинения. М., Л.: Гос.изд. художественной литературы, 1949.

Olga Saveljeva

Lomonosov Moscow State University, Russia

dus.177@gmail.com

Reflection of image of Silence in the Russian literary of XVIIIth c.: Lomonossov and Pindar

The purpose of the report is to consider the image and content of «tranquility» in the Russian literature of the XVIII. The image «Beloved Tranquility» and the common style of the celebrated Lomonossov's Ode-1747 could be connected with Greek early ode poetics Pindar Pyth.8.

Key words: *image of «tranquility», Lomonossov, Pindar, odepoetics*

—
151
—

Витторิโอ Спрингфилд Томеллери

Университет г. Мачераты, Италия

vittorio.tomelleri@unimc.it

DOI: 10.31168/91674-576-4.31

Когда церковнославянский язык встречается с латынью. Традиция versus инновация

В докладе рассматривается поздний церковнославянский перевод средневековой латинской Псалтири Брунона (*Expositio Psalmorum*), сделанный известным переводчиком и книжником Дмитрием Герасимовым, чье возникновение может быть определено как хронологически, так и географически (середина XVI в., Новгород). Доклад ставит себе целью сравнить некоторые синтаксические особенности перевода, который колеблется между сохранением конструкций, унаследованных от письменной традиции, основанной на греческой модели, и необходимостью передать некоторые особенности латинского синтаксиса. Сосуществование

старых и новых языковых элементов будет представлено и проанализировано диахронно, с учётом предыдущих церковнославянских переводов из латыни; таким образом, будет показан консервативный и одновременно инновационный характер церковнославянского языка, отличающегося от разговорного, но всё-таки с ним тесно связанного.

Ключевые слова: церковнославянский язык, латынь, синтаксис, псалтирь

Vittorio Springfield Tomelleri

University of Macerata, Italy

vittorio.tomelleri@unimc.it

When Church Slavonic meets Latin. Tradition vs. innovation

The paper deals with a late Church Slavonic translation from medieval Latin, Bruno's commented Psalter (*Expositio Psalmorum*), whose author is a well-known translator (Dmitrij Gerasimov) and which can be localized chronologically as well as spatially (middle of the 16th century, Novgorod). Our aim is to compare some syntactic features of the translation, oscillating between the preservation of construction inherited from the written tradition, based on the Greek model, and the need of rendering in an appropriate way some peculiarities of Latin morpho-syntax.

The coexistence of old and new patterns will be presented and diachronically analyzed, with reference to previous translations from Latin, in order to show the both conservative and innovative character of Church Slavonic, a language different but still closely linked to the spoken language.

Key words: *Church Slavonic, Latin, Syntax, Psalter*

Артём Трофимов

DOI: 10.31168/91674-576-4.32

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

artem_trofimov_9@mail.ru

Многоязычие в героической поэме Феофана Прокоповича «Епиникион»

153

В докладе проводится сопоставление трёх редакций героической поэмы Феофана Прокоповича «Епиникион» – на церковнославянском, польском и латинском языках. Делается попытка соотнесения разных редакций произведения с российским и европейским лингвистическим и культурным контекстом. В ходе исследования выявляются различия в функционировании античных и христианских культурных элементов в трёх текстах.

Ключевые слова: многоязычие, XVIII век, «Епиникион», Феофан Прокопович

Многие восточнославянские авторы-монахи рубежа XVII–XVIII вв., получив образование в польских коллегиях, принесли в Россию западноевропейские культурные и эстетические ценности. В связи с этим широкое распространение в русской словесности того времени получил феномен многоязычия: духовные писатели создавали произведения на разных языках. Использование того или иного языка могло влиять на содержание и эстетическое наполнение текста. Джованна Броджи-Беркофф отмечает, что выбор автором конкретного языка обуславливался также ситуацией и адресатом написания произведения [Brogi Bercoff 2005: 12].

На общем фоне литературы Петровской эпохи выделяется поэма Феофана Прокоповича «Епиникион» (1709 г.), посвящённая Полтавской победе. Это произведение было создано на трёх языках – церковнославянском, польском и латинском – одним автором. Три тек-

ста имеют одно заглавие и сюжет, одни и те же средства выразительности, что позволяет назвать их не разными произведениями, а тремя вариантами одного и того же текста. Тем не менее, сопоставление трёх редакций «Епиникона» обнаруживает явные различия на уровне топосов, фразеологии, системы образов, устойчивых речевых формул. Так, в польской и латинской версиях встречается больше сюжетов из античной истории и мифологии, чем в церковнославянской, гораздо более образно описана ярость врагов, сам Пётр несёт военную хоругвь и т. д. Объяснение этому может быть следующее: создавая разные варианты текста, Феофан одновременно ориентировался на восточнославянскую и западноевропейскую литературные традиции, которые по-разному функционируют в каждой редакции. К примеру, используемое в польской версии обозначение календарного года жатвой (*Już dźiesiętych żniw woyna dosciągła sroga...*) [Panegyricus de celeberrima victoria... 1709: б. н.] находит прямые переклички с речевыми формулами античной литературы и с примерами из риторических трактатов, тогда как в церковнославянском варианте (Уже брань десятое лѣто начинаше... [Феофан Прокопович 1961: 210]) год обозначается словом «лѣто», которое, возможно, отсылает к языковой традиции древнерусского летописания. Показательным примером обращения к разным традициям может служить использование и разных религиозных образов: например, в церковнославянской версии Карл XII сравнивается с библейским фараоном (...яко же иногда // Лютаго фараона опять убо дивна // Гордость ум их и мечта, естеству противна [Там же]), тогда как упоминание слова «фараон» отсутствует в польском и латинском вариантах произведения (это можно объяснить обильным использованием этого слова в православном богослужебном дискурсе начала XVIII века).

Анализ сборников, в которых были напечатаны три версии поэмы, показал, что данные издания были ори-

ентированы на разную читательскую публику: круг Киевской академии, рядовых граждан Русского царства и жителей западной Европы.

Цель доклада – сопоставить три редакции поэмы «Епиникион» и выявить их конкретные различия на текстологическом уровне, демонстрирующие причастность произведения к разным языковым контекстам российско-европейского культурного пространства. Планируется показать, как мотивы и образы текстов разных культурно-семиотических систем сосуществуют и взаимодополняют друг друга в сознании учёных монахов начала XVIII в.

В результате сопоставления трёх текстов были выявлены следующие закономерности: 1) польская и латинская версия более явно обращаются к античному наследию западноевропейской культуры, что выражается в обильном использовании в этих редакциях античной антропоники и объясняется, с точки зрения Б. А. Успенского и В. М. Живова, сознательным введением античных образов и мотивов для олицетворения государственной политики Петра [Живов, Успенской 2002: 51]; 2) в польской и латинской версиях, ассоциирующихся с европейской риторической традицией, более активно использованы тропы и риторические фигуры; 3) в церковнославянской версии поэмы заметно влияние древнерусской языковой формульности. Гетерогенность и поливалентность произведения наглядно иллюстрируют один из основных барочных признаков – попытку взглянуть на вещь с необычной точки зрения или с разных сторон. Феофан Прокопович (как и большинство других авторов эпохи «готового слова») демонстрирует способность мыслить идеями через призму литературной традиции [Михайлов 1994: 331]. Это воплощено в текстах, написанных на разных языках, при помощи различных культурных кодов.

Литература

Живов, Успенский 2002 – Живов В. М., Успенский Б. А. Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII вв. // Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 461–531.

Михайлов 1994 – Михайлов А. В. Поэтика барокко: завершение риторической эпохи // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994. С. 326–391.

Прокопович 1961 – Феофан Прокопович. Сочинения / Под ред. И. П. Ерёмкина. М.; Л., 1961. («Литературные памятники»).

Brogi Bercoff 2005 – Brogi Bercoff G. Plurilinguism in Russia and the Ruthenian Lands in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. The Case of Stefan Javors'kyj // *Speculum Slaviae Orientalis: Moscow, Ruthenia and Lithuania in the Late Middle Ages*. Moscow: Novoe Izdatel'stvo, 2005. P. 9–20 (UCLA Slavic Studies. New Series, Vol. IV).

Panegyricus ... 1709 – Panegyricus de celeberrima victoria, quam Petrus Primus D: G: Rex, totius Rossiae monocrator, &c. &c. de universis suecorum exercitibus Deo Iuvantae reportavit. Киев, 1709.

Artem Trofimov

Saint Petersburg State University, Russia

artem_trofimov_9@mail.ru

Multilingualism in the heroic poem by Feofan Prokopovich “Epinicion”

The paper focuses on three versions of Feofan Prokopovich's heroic poem “Epinikion” (in Slavonic, Polish and Latin). These different versions are analyzed in their correlation with Russian and European linguistic and cultural context. Differences in the functioning of ancient and christian cultural elements of the three texts have been revealed in the research.

Keywords: plurilinguism, XVIIIth century, “Epinikion”, Feofan Prokopovich

Елена Узенёва

DOI: 10.31168/91674-576-4.33

Институт славяноведения РАН, Россия

lenuzen@mail.ru

Письменность и язык славяноязычного меньшинства Северной Греции

157

В докладе освещается проблема наличия/отсутствия литературного микроязыка у славяноязычного меньшинства Северной Греции, исповедующего ислам и проживающего на южных склонах Родопских гор на болгарско-греческом пограничье. Несмотря на наличие отдельных признаков формирования такого языка у помаков, современная ситуация не способствует его существованию и функционированию. Автор придерживается точки зрения о бесписьменном характере местных славянских говоров, употребляющихся исключительно для внутрисемейного общения.

Ключевые слова: *письменность, литературный микроязык, славяне-мусульмане, Греция*

Доклад посвящен анализу проблемы существования литературного микроязыка в одном из языковых и культурных анклавов Балканского полуострова: нома Ксанти в округе Македония в Северной Греции, на болгарско-греческой границе, где в горах компактно проживают славяне-мусульмане, помаки* (этнические болгары), представляющие собой миноритарную этноязыковую и культурно-конфессиональную группу, существующую в течение длительного времени в иноязычном и ином религиозном окружении среди православ-

* Этноним *помаки*, имеющий болгарское происхождение, но не принятый в общественном дискурсе в Болгарии ввиду своего пейоративного характера, был введен и продолжает активно употребляться для обсуждения новой греческой политики по отношению к болгароязычному населению, от него был образован и лингвоним *помакский язык*.

ных греков. В историческом прошлом это славяноязычное сообщество составляло единое целое с болгарами-мусульманами, живущими ныне в пределах Республики Болгария.

Автор опирается на опубликованные источники и собственные полевые материалы, собранные во время двух этнолингвистических экспедиций, осуществленных в 2018 и 2019 гг.* и представит предварительные итоги исследования современного состояния языка и культуры.

Мы можем констатировать, что у одной небольшой языковой общности наличествует три варианта письма: на основе греческой азбуки (государственный язык страны проживания), латиницы (обусловлено изучением турецкого, базирующего ныне на латинице) и кириллицы (примеры единичны и связаны со знанием болгарского литературного языка).

Ряд современных ученых (А.А. Дуличенко, А. Йоаниду, Кр. Фос, Мотоки Номати) считают, что у помаков Греции (в греч. традиции *славянофоны* ‘говорящие на славянском языке’) существует свой литературный микроязык, поскольку налицо основные признаки существования такого языка: написаны грамматика [Караходжа 1996; Теохаридис 1996] и толковый словарь [Теохаридис 1996/2; Караходжа 2016] (на основе греческого алфавита)**, изданы учебники, хрестоматии диалектных текстов (в латинской графике с греческими толкованиями), в отдельных селах велось факуль-

* Экспедиции проводились совместно с К.А. Климовой, доцентом кафедры новогреческой филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Всего было обследовано гг. Ксанти и Комотины, 13 сел, опрошено 35 информантов в возрасте от 18 до 75 лет.

** Об искусственности созданного в 90-е гг. XX в. по заказу властей помакского языка наиболее убедительно свидетельствуют высказывания самих носителей данных диалектов об изданном в 1996 г. Помакско-греческом словаре: «Он создан не командой филологов, учителей, экспертов. В нем немного оригинальных помакских слов, много слов, взятых из греческого и турецкого языков» [Мангалакова 2011: 124].

ΤΟ ΑΛΦΑΒΗΤΟ ΤΗΣ ΠΟΜΑΚΙΚΗΣ
(οποῖος τυπωθήθηκε ἀπὸ τὸ Ροῦβὲν Καραγιάν (εἰς τὰ διαδίκτυα Πομακο-Ελληνικά ἑξῆς pomakos.com to 2001)

Χαρακτήρας	Προφορά	Παράδειγμα
A a	ὅπως τὸ ἐλληνικὸ α	astáven (ἀρήνω), aráio (ἀλείτρι)
Ä ä	μεταξύ α καὶ ε	snák (χόνι) báI (ἀσπρος), nám (Βουβός)
B b	ὡς μπ χωρὶς τὸ ἔνρινο μ	bólan (ἀρρωστος), bráshno (αλευρί)
Ch, ch	ὡς τσ παχύ	chervén (κόκκινος), chóna (μαύρη)
D d	ὡς ντ χωρὶς τὸ ἔνρινο ν	dáskafie (δόσκαλος), dóngo (ξύλο),
E e	ὅπως τὸ ἐλληνικὸ ε	predávom (πουλάω), pénjer (παράθυρο)
F f	ὅπως τὸ ἐλληνικὸ φ	fátom (πίνω), fchéra (χέες)
G g	ὡς γκ χωρὶς τὸ ἔνρινο ν	gório (λάρυγγας), garchif (πικρός)
H h	ὅπως τὸ ἐλληνικὸ χ	hránem (ταιίζω), hláp (ψωμί)
I i	ὡς κλειστό ι	sin (γιος), kismét (τύχη), pórvni (πρώτοι, -ες)
I i	ὅπως τὸ ἐλληνικὸ ι	iglá (βελόνα), itúi (εἶω)
K k	ὅπως τὸ ἐλληνικὸ κ	kalíba (καλύβα), kóshnitsa (καλάθι)
L l	ὅπως τὸ ἐλληνικὸ λ	lzhítsa (κουτάλι), láhna (λάχανο)
M m	ὅπως τὸ ἐλληνικὸ μ	mirísom (μυρίζω), mnaviá (μυρμηγκι)
N n	ὅπως τὸ ἐλληνικὸ ν	nosh (μαχαίρι), nahódem (βρίσκω)
O o	ὅπως τὸ ἐλληνικὸ ο	odvráshtom (ἀπαντώ), ozlanítsa (μαξιλάρι)
Ö ö	ὡς κλειστό ο	spóm (κοιμάμαι), smóm so (χαμογελώ)
P p	ὅπως τὸ ἐλληνικὸ π	praf (ἴσιος), pot (δρόμος)
R r	ὅπως τὸ ἐλληνικὸ ρ	ráká (χέρι), rámo (ώμος)
S s	ὅπως τὸ ἐλληνικὸ σ	slóntse (ήλιος), spirom (σταματώ)
Sh, sh	ὡς σ παχύ	shúshtie (σκοιτίδια), shápka (σκοῦφος)
T t	ὅπως τὸ ἐλληνικὸ τ	ténak (λεπτός), téle (μοσχάρι)
Ts ts	ὅπως τὸ ἐλληνικὸ τσ	tsístem (καθαρίζω), tsálo (ολόκληρο)
Tz tz	ὅπως τὸ ἐλληνικὸ τζ	saltzá (δάκρυ), tzvázda (αστέρι)
J j	ὡς τζ παχύ	jánar (κορόμηλο), jümayá (τζαμί)
U u	ὅπως τὸ ἐλληνικὸ ου	umarén (κουρασμένος), ustá (στόμα)
Ü ü	ὡς κλειστό ου	chúvái (τσουβάλι), klích (κλειδαριά)
V v	ὅπως τὸ ἐλληνικὸ β	valésava (προσέχει), vikom (λέω)
Y y	ὅπως τὸ ἐλληνικὸ γι	yúme (όνομα), yátse (πολύ)
Z z	ὅπως τὸ ἐλληνικὸ ζ	zóiezno (σιδερένιο), zaméta (σκοῦτσα)
Zh zh	ὡς ζ παχύ	zholt (κίτρινος), zhaná (γυναικα)

*Τα γράμματα ä, i, ö, ü ὅταν τονίζονται μετατρέπονται σ ε ä, i, ö, ü ἀντίστοιχ
π.χ. nevásta (νύφη), pítom (ρωτάω), móso (κρέας), lúika (κούιν)

тативное преподавание языка, функционируют СМИ*** на помакском, переводится мировая классика, в частности В. Шекспир, и создается своя художественная литература (поэзия).

*** Сайт новостей на помакском языке был создан в 2008 г. <http://Ksanthinet.com>; Сайт о помаках «Загалиса»: <http://zagalisa.gr/>; блог о помакских селах: <http://pomakohoria.blogspot.gr/>

Другая точка зрения, бытующая в среде российских и болгарских ученых, поддерживает идею существования бесписьменного языка (диалекта, говора). Мы придерживаемся мнения о том, что помакские говоры – это южнородопские говоры юго-восточных (рупских) говоров болгарской диалектной зоны, которые на большей территории распространения в Южных Родопах на территории Греции имеют бесписьменный характер (употребляются исключительно для общения в семье и селе)*.

Сами носители часто приводили факт отсутствия собственной азбуки как аргумент в пользу «не существования» помакского языка. В сознании информантов их язык (*нашо думенье*) представляет собой смесь турецкого, греческого и «славянского» языков. В регионе имеет место ситуация полиглоссии: греческий язык (государственный язык: администрация, СМИ, обучение в средней и высшей школе), турецкий язык (язык конфессии и обучения в начальной школе), арабский язык (язык Корана, который учат наизусть, часто не понимая смысла), помакский говор – язык семейного общения и традиционной культуры, фольклора**. Этот факт поддерживает и наличие множественной, «колеблющейся» идентичности помаков***, которые все

* В большей степени диалекты сохранились в селах в районе Ксанти, но помимо шести сел Ксантйского округа, язык используется также в восьми районах области Родопы (округ Гюмюрджины) и в двух районах области Эврос, в округе г. Дидимотико.

** Согласно данным наших полевых исследований, лучше всего местный говор сохранился в речи представителей старшего поколения, большая часть которых, за исключением женщин, – трилингвы. Пожилые женщины часто не владеют иным идиомом, кроме родного диалекта. Болгароязычным мусульманам, чтобы адаптироваться к нынешним условиям, необходимо владеть греческим и турецким языками. Дети в школе учат официальный греческий язык и турецкий, а говор используется исключительно для общения в семье. Попытки изучения *помакского языка* в местных школах были безуспешны.

*** В помакских селах Северной Греции налицо существование не выбранной, а *приписанной* идентичности, сформировавшейся под воздействием внешнего давления, что стало предпосылкой для колебания отдельных индивидов между двумя и более этническими кодами при национальном

же продолжают в селах сохранять свой язык, традиционный уклад и культуру.

До недавнего времени в Греции местные *славянофоны* не допускались к обучению в высших учебных заведениях, а в настоящее время, когда это обучение поощряется, его стоимость оказывается непосильной для простых местных жителей. Тот факт, что родной диалект нигде не изучается, не дает возможности даже представителям местной интеллигенции сформировать собственное представление о своем родном языке [Митринов 2014: 183, 186].

—
161
—

Таким образом, отсутствие единого общепринятого алфавита, единой кодификации, обязательного изучения помакского языка в школах, постоянно функционирующих аккредитованных СМИ (радио, газет, журналов), а также эпизодически публикующиеся единичные образцы литературы на местном диалекте не дают нам основания считать помакский язык микролитературным языком Южной Славии, несмотря на наличие отдельных признаков такового.

Литература

Вълчинова 1999 – Вълчинова Г. „Знеполски похвали“. Локална религия и идентичност в Западна България. София, 1999.

Дуличенко 2011 – Дуличенко А.А. Основы славянской филологии. Т. 1. Историко-этнографическая и этнолингвистическая проблематика. Т. 2. Лингвистическая проблематика. Ополе, 2011.

Йоаниду, Фос 2001 – Ioannidou A., Voss Kr. Kodifizierungsversuche des Pomakischen und ihre ethno-politische Dimension // Die Welt der Slaven. XLVI. 2001. S. 233–250.

Караходжа 1996 – Караходжа Р. Граμματική Πομακικής Γλώσσας. Εκδόση: δ' σωμα στρατού. Απρίλιος. 1996.

и культурном самоопределении. В большей степени речь идет о наборе специфических культурных черт, «получивших социальную видимость «традиции» и «старинности» [Вълчинова 1999: 14].

Καραходжа 2016 – Καραχότζα Σ., Μεταφράσεις ελληνικής και αγγλικής ποίησης στην πομακική γλώσσα. Ξάνθη 2016: Πολιτιστικός Σύλλογος Πομάκων Ν. Ξάνθης.

Мангалакова 2011 – Мангалакова Т. Нашите в Гърция. Сред помаците в Западна Тракия, 2011.

Митринов 2014 – Митринов Г. Языковая ситуация в южных Родопах (области городов Ксанти, Гюмюрджина, Дидимотики) // Славяне-мусульмане на Балканах. Язык, культура, идентичность / Отв. ред. Е.С. Узенева. М., 2014. С. 180–196.

Μοτοки Νοματι 2018 – Славянская микрофилология / Под редакцией Александра А. Дуличенко, Мотоки Номати. Sapporo-Tartu, 2018.

Τεοχαρίδης 1996 – Θεοχαρίδη Π.Δ. Γραμματική της πομακικής γλώσσας. Παράρτημα: φράσεις και κείμενα, Θεσσαλονίκη, 1996.

Τεοχαρίδης 1996/2 – Θεοχαρίδη Π.Δ. Πομακοελληνικο λεξικό. Πομαοχτσκού – ουρουμτσκού λεκσικό, Θεσσαλονίκη, 1996.

Elena Uzeneva

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia
lenuzen@mail.ru

Writing and language of the Slavic-speaking minority in Northern Greece

The report highlights the problem of the presence / absence of a literary micro-language among the Slavic-speaking minority of Northern Greece, who profess Islam and live on the southern slopes of the Rhodope Mountains on the Bulgarian-Greek borderland. Despite the presence of certain signs of the formation of such a language among the Pomaks, the current situation does not contribute to its existence and functioning. The author adheres to the point of view of the non-literal character of local Slavic dialects used exclusively for interfamily communication.

Keywords: *writing, literary micro-language, Muslim Slavs, Greece*

Елена Уханова

DOI: 10.31168/91674-576-4.34

Государственный исторический музей, Россия
evoukhanova@mail.ru

Новые данные о типологии древнейших славянских служебных миней X–XI вв.

163

Доклад посвящен особенностям структуры и состава древнейших славянских служебных миней в свете вновь полученных данных расшифровки Хлудовского глаголического палимпсеста – древнейшей праздничной миней XI в.

Ключевые слова: *глаголические руткописи XI в., палимпсест, типология ранней славянской миней, Охридская книжная школа*

Для реконструкции древнейшего корпуса богослужебных славянских книг в настоящее время может быть привлечен новый источник – древнейшая глаголическая праздничная миней XI в. – Хлудовский глаголический палимпсест (ГИМ, Хлуд. 117, л. 7–14, далее – ХГП), который до недавнего времени не был прочитан. Он был обнаружен М.Н. Сперанским и стал предметом специальных работ А.А. Турилова [Турилов 2003]. Из-за плохой сохранности нижнего текста, исследователю удалось прочесть лишь фрагменты 12 строк, что, тем не менее, позволило ему атрибутировать их как отрывок канона Козьмы Маюмского на Рождество Христово, и предположить, что палимпсест является минеей. Сотрудничество с коллегами из Института космических исследований (ИКИ) РАН позволило нам применить современные естественнонаучные методы в чтении ХГП*. Использование мультиспек-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ 17-18-01399: «Ключевые памятники древности и средневековья из собрания Исторического музея: прочтение неисследованных явлений истории современными естественнонаучными методами». В работе над визуализацией

тральной и макрофотосъемки, а также последующая обработка полученных цифровых изображений специализированными программными средствами дали принципиально новые результаты в чтении палимпсеста.

164 — Практически все начертания, встреченные в ХГП, находят соответствия в различных глаголических памятниках X–XI вв. Особенности орфографии свидетельствуют о том, что палимпсест был создан в юго-западных землях 1-го Болгарского царства – в Македонии. Орфография, стиль и графические особенности письма ХГП позволяют датировать его XI в. (более подробно в: [Уханова 2018]). На л. 11 в глаголическом тексте нами обнаружен гигантский украшенный зооморфным мотивом латинский инициал **Р**. Его появление у болгарского писца свидетельствует о происхождении этой рукописи из славяно-латинской контактной культурной зоны. Конвой памятника – латинский палимпсест, выполненный южноитальянским беневентанским письмом X в. (л. 105–108), подтверждает наш вывод. Полагаем, что можно говорить о существовании прямых контактов двух книжных культур – латинской южноитальянской и ранней болгарской, которые, вероятно, связаны с деятельностью первого славянского книжного центра – т.н. Охридской школы, находящейся в непосредственной близости от византийских и латинских монастырей и скрипториев Южной Италии. Поиски современными исследователями иных территорий, оказавших влияние на книжную культуру болгарских скрипториев в Охридском регионе, нам представляются неудачными.

Мы восстановили первоначальную последовательность листов оригинальной минеи и состав дошедших текстов. На л. 7 из-за сильного загрязнения читаются лишь отдельные буквы и слова. Л. 8 не связан с ним и представляет фрагмент **богородичной службы** на ее

этого памятника принимали участие главный специалист А.В. Андреев, главный специалист М.Н. Жижин, руководитель лаборатории А.А. Пойда.

Рождество или Введение Богородицы во храм. Два связанных друг с другом бифолия содержат фрагменты идущих подряд служб на **8 ноября Михаилу архангелу и на 13 ноября Иоанну Златоусту** (правильная последовательность листов – л. 9, 12, 11, 14). Еще один бифолий (л. 10/13) содержит фрагмент канона **недели свв. Отцов** перед Рождеством и канон на **Рождество Христово** Козьмы Маюмского. Особенностью структуры ХГП был обратный порядок песнопений: вначале канон, за ним – монострофы (тропари, седальны, стихиры). Аналогичную структуру имеет фрагмент (один бифолий) Синайской глаголической праздничной минеи XI в. (24 и 29 июня), Путятинна минея (полная, май) и Ильина книга (праздничная минея) 2-й половины XI в., Битольская Триодь XIII в., фрагмент минеи РНБ, Q.n.I.25 2-й половины XII в., служба Борису и Глебу в Син.Тип. 121, XII в. Таким образом, можно говорить о том, что все сохранившиеся древнейшие списки миней XI в. и один из древнейших кодексов Триоди имеют эту особенность. Возможно, такая структура является локальной особенностью, и не дошедшие до нас памятники могли иметь прямую последовательность текстов, поскольку служившие образцами славянским книжникам греческие минеи X–XI вв. отражают обе традиции. Однако данных об этом не сохранилось.

Предварительное текстологическое сравнение прочитанных листов было проведено по наиболее ранним спискам полных и праздничных миней из разных регионов. Было установлено, что ХГП обладает рядом особенностей как по составу входящих в него песнопений, так и по представленному варианту перевода греческих служб. Необходимо отметить наличие заметного числа нестандартных, а также неизвестных текстов, которые до сих пор не удается отождествить. Можно отметить оригинальные болгарские произведения. Так, в службе архистратигу Михаилу присутствует окончание оригинального канона Константина Преславского, который имеет лексические разночтения с уже опубликованным

списком [Кожухаров 2004: 48], а также три уникальных стихирь 3-го гласа, не известные по другим славянским и греческим кодексам. Сохранившиеся в ХГП службы неоднородны: части из них можно найти почти полные соответствия, другая часть отличается от других списков лексико-синтаксическими вариантами перевода. Чаще всего состав и редакция текста песнопений ХГП находят аналогии в древнейшей праздничной минее — древнерусской Ильиной книги 2-й половины XI в., а также болгарской Скопльской минеи XIII в..

Мы полагаем, что данные наиболее ранних списков миней свидетельствуют о том, что древнейшим типом этого рода памятников у славян была праздничная минея, восходящая к греческому Тропологию, предвосхитившему в Византии появление полной минеи. К тому же логика возникновения первого славянского богослужения и степень развития самого византийского обряда середины IX в., ставшего авторитетной моделью для новых славянских Церквей, предполагали существование не ежедневного, а праздничного богослужения. ХГП представляет собой одну из самых ранних редакций праздничной славянской минеи, созданной в древнейшей болгарской Охридской книжной школе.

Близость ХГП и Ильиной книги на фоне древнерусских полных миней делает последнюю не маргинальным списком, не имеющим аналогий в древнерусской богослужебной традиции, а представителем древнейшей редакции минейного гимнографического сборника, когда-то бывшей, вероятно, основной для русской литургической практики. И в отличие от ХГП, Ильина книга содержит значительное число богослужебных последований на первую половину церковного года, что позволяет нам хорошо представить круг самых ранних песнопений. Представленный в этих списках древний текст лег в основу полных древнерусских миней. В том объеме, в котором они совпадают с краткими праздничными минеями, новгородские и южнорусские списки практически однород-

ны и отделены от их предшественников в праздничной минее заметной правкой. Остальные службы, дополняющие праздничную mineю до полной, имеют иную судьбу, что делает списки полной mineи сложной компиляцией, требующей в ее изучении особых подходов.

Литература

Кожухаров 2004 – С. Кожухаров, Константин Преславскии Канон за архистратига Михаил // С. Кожухаров. Проблеми на старобългарската поезия, I. София, 2004. С. 45–51.

Турилов 2003 – А.А. Турилов, Хлудовский глаголический палимпсест – отрывок болгарской Mineи праздничной XI–XII вв. (предварительные наблюдения) // Пѣти достоитъ: Сборник в памет на Стефан Кожухаров. София, 2003. С. 25–35.

Уханова, Жижин, Андреев, Пойда 2018 – Уханова Е.В., Жижин М.Н., Андреев А.В., Пойда А.А. Естественнонаучные и традиционные методы в исследовании Хлудовского глаголического палимпсеста XI в. (ГИМ, Хлуд. 117): предварительные результаты // *Studi Slavistici*. 2018, XV/ 2. P. 5–38. (<http://www.fupress.net/index.php/ss/article/view/23781/22138>)

Elena Ukhanova

State Historical Museum, Russia

evoukhanova@mail.ru

New data on the typology of ancient Slavonic mineas of the X – XIth centuries

The report is devoted to the structure and composition features of the of the ancient Slavic worship Minea in the light of the newly obtained data on the decoding of the Khludov glagolitic palimpsest of XI century (SHM, Khlud. 117) – the oldest Minea of the 11th century.

Keywords: *glagolitic manuscripts of the XIth century, palimpsests, typology of early Slavonic Minea codices, Ohrid scriptorium*

Мария Кьяра Ферро

Университет Г. Д'аннунцио, г. Кьети-Пескара, Италия

maria.ferro@unich.it

168

**Церковнославянские слова *имарменя* (*имаръмения*),
фатунъ и *фортуна* (*фуртуна*) в произведениях
Максима Грека**

В докладе ставится вопрос об особенностях индивидуального интеллектуального словаря в сочинениях Максима Грека. Объектом настоящего исследования стало использование автором некоторых лемм, передающих понятие «судьба», в частности заимствованных с греческого и латинского языков церковнославянских слов *имарменя* (*имаръмения*), *фатунъ* и *фортуна* (*фуртуна*). Особое внимание уделяется сопоставлению употребления отдельных слов и функционирования подобных примеров, взятых в историческом разделе Национального корпуса русского языка, в целях выявления характерных черт лексических предпочтений Максима Грека.

Ключевые слова: *Максим Грек, лексика, понятие судьбы*

Лингвистические исследования являются одним из основных направлений изучения наследия Максима Грека. В связи с этим наибольшее внимание уделяется морфосинтаксическому анализу его сочинений, который позволил выделить некоторые особенности языковой личности автора [см., например: MacRobert 2008, 2017; Olmsted 2002; Вернер 2010, 2017]. Благодаря этим особенностям Максим Грек заслуженно считается первым нормализатором церковнославянского языка. Кроме того, обнаруженные особенности лингвистического узуса Максима Грека играют важную роль при установлении авторской принадлежности произведений. Тем не менее, его лексическое употребление

не получило заслуженного внимания, и систематическое исследование на эту тему не проводилось.

Приступив к лексикографическому анализу произведений Максима Грека, мы выдвинули следующую гипотезу: принимая во внимание лексематическую точность и переводческий талант Максима Грека, а также его вхождение в интеллектуальные круги Италии конца XV в., его произведения отличаются специфическим узусом некоторых лексических единиц, уже известных в церковнославянской традиции, но в значениях несколько отличных от принятых в литературе того времени, а также введением новых или редких для восточнославянского контекста терминов под влиянием гуманистической культуры и религиозного обновления, которым он дышал в Италии.

Употребление и отбор некоторых значимых терминов описывается посредством лексикографического анализа в первых двух томах современного издания произведений Максима Грека [Преподобный 2008, 2014], а также путём сравнения полученных результатов с употреблением отдельных терминов в сочинениях иных авторов, установленным на основе анализа примеров из древнерусского, старорусского и церковнославянского корпусов НКРЯ (http://ruscorpora.ru/search-old_rus.html), и отбора словарей старославянского и церковнославянского языков [см. Словари].

В настоящее время анализ церковнославянских лемм *разумъ* и *самовластие* дал первые результаты, подтверждающие нашу гипотезу [Ферро 2019а, в печати]. Кроме этого, внимательное изучение случаев их употребления показало сингулярность двух посланий Ф.И. Карпову, которые представляются «экспериментальными» в лексическом плане: в них в целях изложения аргументов против астрологии писатель затрагивает серию вопросов, вытекающих из дебатов философско-теологического характера о связи между волей (как божественной, так и человеческой) и необ-

ходимостью – бинома, затрагивающего такие понятия, как *свобода воли*, *божественная воля*, *судьба*, *участь*, и, не без влияния аргументативной модели Савонаролы, вводит новые, созданные им выражения, и употребляет слова, редко встречающиеся в церковнославянских текстах предшествующей эпохи [Ферро 2019б, в печати]. В частности, передавая понятие «необходимости, обусловленной звездами или неисповедимой судьбой», Максим Грек проявляет себя новатором, обогащая церковно-славянскую лексику новыми заимствованиями. Тщательный анализ текстов позволяет выделить три лексемы – одну из греческого и две из латинского – употребление которых считалось спорадическим и даже исключительно редким в литературе на церковнославянском языке в предшествующий период, а именно церковнославянские слова *имарменя* (*имаръмения*), *фатунъ* и *фортунa* (*фуртуна*), на использование которых обращается внимание в докладе.

Литература

Вернер 2010 – Вернер И.В. Лингвистические особенности перевода латинских книг Геннадиевской библии 1499 г. // *Studi Slavistici*, 2010. С. 7–31.

Вернер 2017 – Вернер И.В. К истории перевода Псалтыри Максимом Греком 1522–1552 годах: хронология, текстология, методология // *Славяноведение*, 2017, № 2. С. 40–54.

Максим Грек 2008 – Преподобный Максим Грек. Сочинения / Под ред. Н.В. Синецкой. Москва: Индрик, 2008. Т. I. 568 с.

Максим Грек 2014 – Преподобный Максим Грек. Сочинения / Под ред. Н.В. Синецкой. Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2014. Т. II. 432 с.

Ферро 2018 – Ферро М.К. Особенности использования интеллектуальной лексики в произведениях Максима Грека. Постановка вопроса. // *Славянский мир. Язык, литература, культура: Материалы международной научной конференции ...*: 28–29 ноября 2018 года, Москва. С. 161–163.

Ferro 2019 – Ferro M.C. Per un'analisi lessicale delle opere di Massimo il Greco // Studi Slavistici. 2019/II (в печати).

Ferro 2019 – Ferro M.C. «Destino» e dintorni. Innovazioni lessicali nelle opere in slavo di Massimo il Greco // Cyrillomethodianum (в печати).

MacRobert 2008 – MacRobert C.M. Maksim Grek and the Norms of Russian Church Slavonic // Papers to be presented at the XIV International Congress of Slavists. Ohrid, 2008. P. 45–63.

171

MacRobert 2017 – MacRobert C.M. Maksim Greek in linguistic context // Latinitas in the Slavic World / ed. V.S. Tomelleri, I.V. Verner (Specimina Philologiae Slavicae, 192). Leipzig, 2017. P. 173–205.

Olmsted 2002 – Olmsted H.M. Recognizing Maksim Grek: Features of his Language // Paleoslavica, 2002. T. X. № 2. P. 1–26.

Словари

Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М., 1993 (М. 1900).

Словарь Академии Российской. СПб., 1789–1794.

Словарь русского языка XI–XVII вв. М. 1975- (<http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=xi-xvii>).

Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук. СПб., 1847.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893–1912 (репр. изд. М., 2003).

Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1994.

Lexicon Paleoslovenico-Graeco-Latinum emendatum auctum / Ed. Fr. Miklosich. Wien, 1862–1865.

Liddell H.G., R. Scott, Greek-English Lexicon/ New York, 1969.

Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae palaeoslovenicae / Ed. J. Kurz, Z. Hauptová. Praha, 1966–1997 (reprint SPb., 2006).

Maria Chiara Ferro

Gabriele d'Annunzio University of Chieti- Pescara, Italy

maria.ferro@unich.it

**Church Slavonic words *имарменя* (*имаръмения*),
фатунъ и *фортуна* (*фуртуна*)
in Maksim the Greek's works**

172

The report raises the question about the peculiarities of the individual intellectual vocabulary in the works of Maksim the Greek. The object of this study is the use by the author of some words that convey the concept of “fate”, in particular three borrowings from the Greek and Latin languages, i.e. the Church Slavonic lemmas *имарменя* (*имаръмения*), *фатунъ* и *фортуна* (*фуртуна*). Special attention is paid to the comparison of Maksim the Greek's usage of individual words and their functioning in examples taken from the historical section of the National Corpus of the Russian language in order to identify the characteristics of the lexical preferences of the author.

Keywords: *Maksim the Greek, lexicon, concept of “fate”*

Роман Фишер

независимый исследователь, Австрия

roman.ernestowitsch@yahoo.de

DOI: 10.31168/91674-576-4.36

**Роль римских пап в становлении миссии
Кирилла и Мефодия**

В рамках тематического блока обратим наше внимание на значение поддержки Римских пап для успеха миссионерской деятельности Константина-Кирилла и Мефодия. Папы Николай I, Адриан II и Иоанн VIII проявили интерес к эксперименту обращения славян на славянском языке. Они утвердили богослужение

на славянском языке и защищали Мефодия от гонений баварского духовенства.

Ключевые слова: *Моравия и Паннония в IX веке, Франкская церковь, миссионерская деятельность Кирилла и Мефодия, добровольность обращения в христианство, борьба Римских пап против опеки франкских королей над церковью, псевдоисидорианские декреты*

—
173

Когда Константин-Кирилл и Мефодий отправились в Моравию, там уже шестьдесят пять лет действовали франкские христианские миссионеры и уже существовали церковные структуры в рамках епархий баварских епископов. Только после отказа Римского папы Николая I князь Ростислав послал свою делегацию к Константинопольскому патриарху. Патриарх Фотий, у которого не было права рукополагать епископов для Моравии, отправил в Моравию только учителей, которые должны были убедить баварское духовенство в Моравии в легитимности славянской литургии, чтобы эта миссионерская деятельность не нарушала канонического права. Когда сопротивление баварского духовенства оказалось непреодолимым, византийские миссионеры могли обратиться только к папе Римскому. Папы Николай I и Адриан II проявили интерес к эксперименту обращения славян на славянском языке и, после глубокого изучения и опробования, папа Адриан утвердил богослужение на славянском языке. Кроме этого, они, веря в подлинность псевдоисидорианских декретов, начали борьбу против опеки франкских королей над франкской церковью и самоволия восточно-франкских и баварских архиепископов, которые 70 лет назад расширили свою территорию без разрешения Римского престола. Папа Адриан II назначил Мефодия епископом и миссионерским легатом с целью евангелизации Моравии и Паннонии. Когда король Восточно-Франкского королевства и баварские архиеписко-

пы, пренебрегая папским решением, позволили арестовать Мефодия, папа Иоанн VIII решил восстановить древнеримскую паноннскую митрополию и основать новую моравскую митрополию, отделив часть Паннонии и Великую Моравию от канонических территорий баварских епископов, и назначил Мефодия архиепископом Паноннии и Великой Моравии.

Выдающийся папы второй половины IX в. Николай I, Адриан II и Иоанн VIII были последними православными папами, которые отвергли трёхязычную ересь, филиокве и обращение язычников насилием. Борясь против произвола франкских и баварских архиепископов, они поддержали Константина-Кирилла и Мефодия и их миссионерскую деятельность, используя славянский язык и письменность. К сожалению, после смерти папы Иоанна VIII бессилие его преемников сделало возможным уничтожение миссионерского дела Кирилла и Мефодия и укрепление тех ересей, которые привели к расколу Римской и Восточной церквей.

Roman Fischer

Independent researcher, Austria

roman.ernestowitsch@yahoo.de

The importance of the support by the Roman popes for the success of the missionary work of Constantine Cyril and Methodius

As part of the thematic block, we turn our attention to the importance of the support of the popes for the success of the missionary work of Constantine Cyril and Methodius. Pope Nicholas I, Adrian II and John VIII showed interest in the experiment of the conversion of the Slavs in the Slavic language. They approved worship in the Slavic language and defended Methodius from persecution by the Bavarian clergy.

Keywords: *Moravia and Pannonia in the 9th century, missionary activity of Cyril and Methodius, voluntary conversion to Christianity, the struggle of the popes against the guardianship of the frank kings over the church, pseudo-isidorian decretals*

Антон Циммерлинг

DOI: 10.31168/91674-576-4.37

*Государственный институт русского языка имени А.С.Пушкина,
Институт языкознания РАН,
Московский педагогический государственный университет, Россия
fagraey64@hotmail.com*

Толмач немецкий:

Дмитрий Герасимов и посольские книги*

На основе лингвистических и исторических данных доказывается, что Дмитрий Щербатый, переводчик двух посольских грамот, присланных в Москву из Ивангорода в 1505 г., — то же лицо, что писатель и дипломат Дмитрий Герасимов. Грамоты Щербатова/Герасимова имеют уникальные для посольских книг Ивана III характеристики, связанные с передачей черт новгородского диалекта и рефлексией над вариантами русского языка конца XV-начала XVI вв. Гипотеза о тождестве Герасимова с Дмитрием Зайцевым должна быть отвергнута.

Ключевые слова: *русский язык конца XV в, посольские книги, перевод, идентификация писцов, Дмитрий Герасимов*

1. Дмитрий Герасимов и посольские книги Москвы. Одним из немногих известных по имени русских светских авторов конца XV — начала XVI вв. был

* Работа написана при поддержке проекта РФФИ 17-04-00444, реализуемого в МПГУ.

новгородец *Дмитрий Герасимов* (род. не ранее 1465 г.), член геннадиевского кружка, филолог и переводчик. О его участии в составлении Геннадиевской Библии см. [Томеллери 1999: 21], о последнем переводе Герасимова, сделанном ок. 1535 г., см. [Томеллери 2017], о других приписываемых ему переводах см. [Казакова, Катушкина 1968: 239]. В Москве Герасимов подвизался как переводчик с латинского и немецкого. Его услуги были востребованы. В 1518 г. Герасимова вместе с другим великокняжеским переводчиком, *Власом Игнатовым*, приставили к прибывшему в Россию Максиму Греку для перевода Толковой Псалтири, Толкового Апостола и других текстов: языком, на котором они общались, была латынь*. Латынь с 1488 г. была основным языком переговоров со Священной Римской Империей и Венгрией. Однако единственное бесспорное упоминание Герасимова в посольских книгах связано не с переговорами в Москве, а с его отправкой в Рим в 1525 г. в качестве *легкого посла* (гонца с дипломатическим поручением). Грамота 2-й Литовской книги (РНБ, Q4.70, Ч. 2–3) называет его *Митей Герасимовымъ, толмачем немѣцкимъ* [ПДС 35: 692], хотя переговоры с папским престолом в Риме шли на латыни. «Никоновская летопись» говорит о толмаче *Мите Малом* и его переводах: его отождествление с Герасимовым принимается историками [Казакова 1972; 1988]. Неясно, кто именно из старших коллег Герасимова – дипломатов и переводчиков – мог в этом контексте именоваться *Митей Старым/Большим*: обсуждались разные лица.

2. Митя Герасимов и Митя Заецов. Отсутствие более частых указаний на деятельность Герасимова в посольских книгах Ивана III и Василия III удивительно, так как людей с его навыками в то время на Руси было наперечет. Напрашивается предположение, что он все-таки

* Об этом сообщал сам Герасимов в письме своему покровителю, дьяку Михаилу (Мисюрю) Мунехину (ум. в 1528 г.).

присутствует, но назван как-то иначе. Е.Е.Голубинский отождествил Герасимова с приставом *Дмитрием Зайцевым* (*Заецовым*), который упоминается в трех посольских книгах [Голубинский 1900: 891]. Но база служилой элиты XV–XVI вв. [Корзинин, Сосницкий 2018] позволяет эту конъектуру отвергнуть.

В Крымской книге (РГАДА, Ф.123, Оп. 1., № 1, 2, 4°) сказано, что Федор Курицын в августе 1492 г. отправлял московскому послу Константину Заболоцкому инструкцию (*память*), и эту память доставил гонец *Митя Заецов* [ПДС 41: 164]. Если это то же лицо, которое упомянуто в Литовской книге в рассказе о двух событиях 1494 г. и в Имперской книге в рассказе о приеме у имперского посла Герберштейна в 1517 г., речь идет о постельничем *Дмитрие Ушаке Федорове сыне*, который дважды назван в Литовской книге и Имперской книге *Ушаком Заецовым* [ПДС 35: 134; ПДС 1: 186] и один раз *Митей Заецовым* [ПДС 35: 158]. Он упомянут и в Разрядной Книге [РК 1966: 26]. Из набора обозначений Дмитрия Ушака следует, что речь идет о человеке по прозвищу *Ушак*, сыне Федора, по прозвищу *Заец*. В нескольких случаях (январь 1494 г., октябрь 1495 г., февраль 1500 г.) Митя Заецов, он же Дмитрий Ушак, назван вместе со своим братом *Ярцом* (*Юрием*, *Юрцом*) *Заецовым*, который тоже был приставом и послом [ПДС 41: 96 – 97; ПДС 35: 134], см. данные о последнем в базе служилой элиты XV–XVI вв. <https://ruling-elite.spbu.ru/component/fabrik/details/1/3229.html?Itemid=108>.

Родовое имя *Герасимов* применительно к московскому послу в Риме указывает не на отчество, а на имя старшего брата, видного члена геннадиевского кружка, иеромонаха, затем игумена *Герасима Поповки* (до 1465 г. – не ранее 1502/1503 гг.), о последнем см. [Лурье 1960: 208, 266 – 268]. Тем самым, конъектуру Е.Е. Голубинского о тождестве Мити Герасимова и Мити Заецова следует отвергнуть. В то же время, в посольских

книгах есть не замечавшееся комментаторами вплоть до 2019 г. упоминание под 1505 г., которое лучше согласуется с деталями биографии Дмитрия Герасимова. В этом месте интересующее нас лицо названо *Дмитрием Щербатым* [Циммерлинг 2019b]. Кратко изложим основные факты.

3. Ивангородское дело 1505 г. и Дмитрий Щербатый. 16 июня 1505 г., в последние месяцы жизни Ивана III, ивангородский наместник князь Константин Ушатый отправил в Москву через своих начальников, новгородских наместников, князей Даниила Васильевича Щени Патрикеева и Василия Шуйского, донесение о внезапном появлении на границе гонца императора Священной Римской Империи Максимилиана I, некоего *Юшта* (Юстуса) *Кантингера*. Гонец затребовал знакомого ему переводчика *Дмитрия Щербатого* в сопровождении подъячего, чтобы передать в Москву письма от императора и его сына короля Филиппа. У Ушатого также потребовали аудиенции ливонцы, которые известили его о предстоящем приходе императорских послов в Москву. Это было исполнено. Дмитрий Щербатый перевел грамоты или воспроизводящие их слова гонца, которые Константин Ушатый отослал в Москву вместе со своим письмом. Как следует из приложенного письма князей Щени с Шуйским, других переводчиков, которые могли бы решить эту задачу, в тот момент в Новгородской земле не было [ПДС 1: 125]. То, что речь идет именно о письменном переводе с латинского языка, вытекает из того, что ливонцы пришли к Ушатому в Ивангород со своим толмачом. Кроме того, в Новгороде традиционно были люди, говорившие по-немецки. Слова Щени с Шуйским *“Прислаль, государь, намъ съ Иванягорода, князь Костянтинъ Θεодоровичъ свою грамоту да грамоту Цесарского короля, да Испанского короля. И тое, государь, грамоты, у насъ перевѣсти нѣкому, и мы, государь, тѣ грамоты послали к тебѣ ко государю”* можно толковать дво-

яко. Либо они отослали в Москву имперские грамоты без русских списков, которые были сделаны чуть позднее, либо не захотели подтверждать перевод, который до них был сделан в Ивангороде Дмитрием. Возможно, они побоялись вскрывать грамоты, адресованные Великому Князю, чтобы не дать повод обвинить себя в измене*. Кажется невероятным, чтобы имперские грамоты ушли в Москву без русских списков Дмитрия: все ивангородские грамоты попали в Москву 16 июня 1505 г., а уже 19 июня 1505 г. из Москвы в Ивангород был отправлен подробный ответ.

179

Есть явные основания отождествить Дмитрия Щербатого, далее названного в пришедшей из Москвы грамоте *Дмитрием Щербачом* [ПДС 1: 139], с Герасимовым. На помощь Щербачу в Ивангород в 1505 г. был отряжен тот самый толмач *Влас Игнатов*, вместе с которым Герасимов позже переводил речи Максима Грека. Более того, отвечать имперскому гонцу Влас с Дмитрием по инструкции должны были вместе [ibid., 132]. Итак, Дмитрий Щербатый делит с книжником Дмитрием Герасимовым не только навыки (переводит с немецкого и латинского), но часть биографии. Из посольских книг мы знаем, что переводчик Щербатый был связан с Новгородом и Ивангородом и бывал в немецкоязычных землях, где ранее встречал гонца Юшта Кантингера**.

Подвергались ли присланные в 1505 г. из Ивангорода и впоследствии включенные в Имперскую книгу (РГАДА, Ф.32., оп.1, ед.хр.1, 8□) грамоты языковой

* Когда Кантингер в 1506 г. прибыл в Москву, печать его грамоты была порушена, но ему удалось оправдаться тем, что к грамоте дважды была приложена королевская рука, которую московские толмачи признали подлинной [ПДС 1: 146]. Возможно, в 1505 г. грамоты Кантингера были не в лучшем состоянии, и Щеня с Шуйским, не желая ставить себя под удар, сразу объявили, что их не трогают.

** При дворе Ивана III к 1505 г. подзабыли детали первого визита Юшта в Москву в 1502 г., поэтому Власу предписывалось навести у Дмитрия о нем справки [ПДС 1: 139]. Не исключено, что, между 1502 и летом 1505 г. в Москве сменилась часть дьяков и подъячих.

правке в Москве? Есть в этих грамотах черты, которые можно связать с лингвистическим портретом Дмитрия Герасимова? На оба вопроса есть ответ. В посольские книги Ивана III включались оригинальные грамоты, написанные на идиомах старорусского языка, отличных от якающего центрально-великорусского диалекта, на котором ок. 1500 г. говорили в Москве. Это было правилом в переписке с Великим Княжеством Литовским (далее – *ВКЛ*). Кроме того, в Крымскую книгу, как показано в [Циммерлинг 2019b], вошло несколько грамот на староукраинском языке, привезенных в Москву кафинским послом Алакозюком в 1500 г. Что касается двух переводных грамот Щербатого, они написаны книжным языком и резко отличаются от сопроводительных писем Ушатого и Щени. Особенно нагляден контраст с грамотой Ушатого, написанной разговорным языком на якающем диалекте. Здесь, помимо стандартной для идиома Великого Княжества Московского (далее – *ВКМ*) формы связки 1 л. мн.ч. *есмя*, встречается нелитературная и редкая для своего времени форма связки 2 л. мн.ч. *естя* (1 пример при 2 примерах формы *есте*), а также форма *нелзя**. Встречается конструкция им.п. + инфинитив после каузативного предиката *а велѣно*, что нехарактерно для московских посольских грамот и несвойственно русскому языку XI–XV вв. [Циммерлинг 2019а: 304, 315]. В переводных грамотах Щербатого не только нет следов яканья, но и дважды представлена уникальная для массива посольских книг Ивана III диалектная северо-западная форма связки 1 л. мн.ч. *есме*, см. о ней [Молдаван 2019].

(1) Понужаеми **есме**, наияснѣишии начальниче, о вещи необычной и наипача нами невидѣнной къ высокости Вашей грамоту дати. [ПДС 1: 128]

* Употребление формы 1 л. мн.ч. *есмя* не предполагало последовательное отражение яканья в других словах. В Имперской книге, л. 1–167 в предикативе (не)лзѣ отражаются формы без яканья: лзѣ [ПДС 1: 86], нелзѣ [ibid., 96], нелзе [ibid., 104].

(2) И нынѣ **есме** первое уверилися, коимъ чиномъ въ брани нѣкое и валкѣ недавно противу болшого нѣмецкого чина великого магистра и вѣрныхъ и православныхъ тое жѣ ливонские отчины, и иныхъ ихътоземцевъ и порубежеи отъ ясности вашей крѣпко побѣжая пленени быша мнози и поимани отъ вашихъ, ведени и велми тесно въ тѣмницу заключени. [ПДС 1: 128].

Что же заставило Дмитрия прибегнуть к диалектному *есме* при передаче латинского текста? Здесь надо иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, нормы приказного стиля носили последовательно светский характер. Во-вторых, стилистически нейтральной формы связки 1 л. мн.ч. к 1500 г. не было: книжная традиция предписывала церковнославянский вариант *есмы*, а приказной стиль, в зависимости от диалекта писца – *есмо* (идиом ВКЛ) либо *есмя* (идиом ВКМ). Книжную форму *есмы* Дмитрий мог забраковать как неуместный для посольской грамоты церковнославянизм, а якаящая форма *есмя* могла восприниматься им как вульгарная и плохо сочетающаяся с риторикой переводимого текста. Его решение – это выбор стилиста, причастного книжной традиции и одновременно имевшего опыт перевода посольских грамот. Очевидно также, что составители посольских книг не предпринимали попыток привести переводные грамоты Щербатого и разъяснения Ушатого к единому стандарту.

Был ли переводчик ивангородских грамот книжником Дмитрием Герасимовым? Здесь мы сталкиваемся с пределами историко-филологической реконструкции. Если Щербатый – не Герасимов, то это человек, который говорил на том же новгородском диалекте и имел такой же культурный опыт. И почти идентичную биографию.

4. Посольские книги и их писцы. По кодикологическим и палеографическим критериям время создания посольских книг Ивана III датируется первыми десятилетиями XVI в. [Мошкова 2017: 237]. По гипотезе

Л.В. ошковой, первые посольские книги Руси не редактировались, а именно составлялись из оригинальных грамот в эпоху Василия III [ibid.: 242]. К тому же выводу подводит лингвистический анализ идиомов входящих посольских грамот [Циммерлинг 2019b]. Почерки писцов при существующем объеме знаний не поддаются идентификации в полном объеме, но некоторые почерки первых посольских книг Москвы похожи на отдельные почерки первых писцовых книг Новгорода [ibid.: 240]. Тем самым, остается шанс установить, что часть первых посольских книг записана носителями северо-западного диалекта старорусского языка, перемещенными в Москву. Кроме того, есть рукописи, где часть исследователей усматривает руку Дмитрия Герасимова. Более тщательное сличение трех названных групп рукописей даст шанс для новых открытий.

Литература

Голубинский 1900 – Голубинский Е.Е. История русской церкви. Периодъ второй, московскій. Т. 2. М.: Имп. о-во истории и древностей российских при Моск. университете, 1900. 919 с.

Казакова 1972 – Казакова Н.А. Дмитрий Герасимов и русско-европейские культурные связи в первой трети XVI в. // Проблемы истории международных отношений, Сб. ст. Л.: Наука, 1972. С. 248–266.

Казакова 1988 – Казакова Н.А. Дмитрий Герасимов (Митя Толмач, Митя Малый) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: АН СССР, ИРЛИ, 1988. Т. 2, вып. 1.

Казакова, Катушкина 1968 – Казакова Н.А., Катушкина Л.Г. Русский перевод XVI в. первого известия о путешествии Магеллана // ТОДРЛ, т. XXIII. Л., 1968.

Корзинин, Сосницкий 2018 – Корзинин А.Л., Сосницкий Д.А. Электронный портал «Правящая элита русского государства последней четверти XV–середины XVI века»: электронная база данных и историко-генеалогическое исследование и цели его создания // Мавродинские чтения 2018 Мате-

риалы Всероссийской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина. Под редакцией А.Ю. Дворниченко. Спб.: Нестор-История, 2018. С. 233–236.

Лурье 1960 – Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV - начала XVI в. М.; Л.: АН СССР, 1960. 528 с.

Молдаван 2019 – Молдаван А.М. Вариативность связки 1 л. мн. ч. в древнерусской письменности // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова, XXII. 2019.

Мошкова 2017 – Мошкова Л.В. Русские посольские книги: начало формирования // Великое стояние на реке Угре и формирование централизованного Российского государства: глобальные и локальные контексты. Материалы все-союзной с международным участием конференции. Калуга, 2017, С. 232–249.

ПДС 1 – Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Ч.1. Сношения с государствами европейскими. Т.1. Памятники дипломатических сношений с Имперією Римскою. Сь 1488 по 1594 гг. Спб.: Типография 2-го отд. собственного Е.И.В. канцелярии, 1851. 1620 с.

ПДС 35 – Сборник императорского русского исторического общества. Т. 35. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовскимъ. Т. 1. Сь 1487 по 1533 гг. Спб.: Типография Θ.Г. Елконского и К, 1882. 869 с.

ПДС 41 – Сборник императорского русского исторического общества. Т. 41. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и сь Турцією. Т. 1. Сь 1474 по 1505 гг. Спб.: Типография Θ.Г. Елконского и К, 1884. 558 с.

РК 1966 – Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.

Томеллери 1999 – Томеллери В. Заметки о деятельности Геннадиевского кружка // *Russica romana*. Vol. 6, 1999. P. 11–27.

Томеллеры 2017 – Томеллеры В.С. Апостольский символ веры (Symbolum Apostolorum) в церковнославянском переводе Дм. Герасимова. Введение. Интерлинейное издание // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 16, № 4. 2017. С. 6–40.

184

Циммерлинг 2019a – Циммерлинг А.В. Кому *проспати заутрення и ловити рыба*? Именительный падеж дополнения инфинитива как предмет грамматического описания // Die Welt der Slaven, № 2. 2019. P. 299–337.

Циммерлинг 2019b – Циммерлинг А.В. Восток есть восток? Переводные и оригинальные грамоты посольских книг Иван III // Труды Института русского языка имени В.В.Виноградова РАН, вып. XXII. 2019.

Anton Zimmerling

Pushkin State Russian Language Institute,

Moscow Pedagogical State University,

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

fagraey64@hotmail.com

The german tolmach:

Dmitry Gerasimov and his aliases in the embassy books

I prove that the interpreter of two embassy letters sent from Ivangorod (Jaanilinn) to Moscow in 1505, a certain Dmitry Ščerbaty is identical to the Russian author and diplomat Dmitry Gerasimov. Ščerbaty's / Gerasimov's letters have unique features distinguishing them from other embassy letters from the time of Ivan III. The choice of the North-Western dialect form of the 1 Pl. auxiliary *есме* in the translation of a Latin embassy letter is a footprint of the book author who discarded the both the vernacular alternative *есмя / есмо* as vulgar and the Church Slavonic variant *есмы*. Evgenij E. Golubinskij's conjecture that Gerasimov is mentioned elsewhere in the embassy books as 'Dmitry Zaecov' is not justified.

Keywords: *Russian language of the late XVth century; embassy books, translation, identification of scribes, Dmitry Gerasimov*

Ирена Шпадиер

Белградский университет, Сербия

i.spadijer@gmail.com

DOI: 10.31168/91674-576-4.38

**Человек пишущий – человек присутствующий
в древнесербской агиографии**

—
185

В работе анализируются две сцены смерти в древнесербской литературе: в *Житии святого Симеона* Саввы Сербского и в *Житии королевы Елены* архиепископа Даниила Печского. Попытаемся указать на их особое место в корпусе сербской средневековой литературы, на элементы, которые их объединяют, на моменты, по которым они различаются, и рассмотрим эти сцены особенно с позиции общепринятой агиографической топики и авторского отношения к самой теме.

Ключевые слова: *смерть в средневековой агиографии, Савва Сербский, Даниил Печский, Житие св. Симеона, Житие королевы Елены*

Средневековая книжность почивает на топосах. Казалось бы, не существует ни одного сегмента ни одного литературного произведения средних веков, независимо от жанра, которое не состояло бы из общих мест. Топосы и литературный этикет суть ключ коммуникации, которую осуществляет языковое произведение средневекового искусства: общее место (τόπος) — это условное обозначение, знак, создающий возможность для общения, а не банальность, как сегодня. Система знаков кодирует и одновременно декодирует некое содержание мысли, вызывая определенное эмоциональное состояние. Топика, таким образом, служит для литературной коммуникации; но, с другой стороны, она является обозначением общего и абстрактного, универсального смысла, который таким путем сообщается реципиенту [Богдановић 1980: 62–63].

В настоящей работе наше внимание уделяется двум сценам смерти в древнесербской литературе. Речь идет о прощании с жизнью монаха Симеона в первом сербском агиографическом сочинении – *Житии святого Симеона* святого Саввы [Свети Сава 1998: 148–191], и о преставлении сербской королевы Елены Анжуйской – в *Житии королевы Елены* архиепископа Даниила II (Печского) [Данило II 1988: 79–107]. Попытаемся указать на их особое место в корпусе сербской средневековой литературы, на элементы, которые их объединяют, на моменты, по которым они различаются, и рассмотрим эти сцены, особенно с позиций привычной агиографической топики и авторского отношения к самой теме.*

Житие святого Симеона написал около 1207 г. его сын Растко, в монашестве названный Савва. Оно составляет первую главу Типика монастыря Студеница и предназначено прежде всего для братства этого монастыря. Небольшое по объему и подчиненное контексту, житие не имеет типичной композиции византийской агиографии. После почти сказочного начала Савва перечисляет заслуги Немани и его наследие, а затем, подчеркнув, что изложение будет сжатым, начинает излагать мотивацию Немани отречься от престола и посвятить себя жизни духовной. Следует уход Симеона на Афон, встреча с сыном (Саввой), который уже несколько лет пребывает на Святой Горе Афонской, болезнь почтенного старца и развернутая сцена его смерти, наиболее драматическая и в то же время наиболее лирическая сцена в древнесербской литературе. Наблюдая день за днем за этой последней неделей земного бытия Симеона, мы становимся свидетелями нежных диалогов, которыми обме-

* О феномене смерти и отношении к ней в средневековую эпоху написаны блестящие труды целого ряда историков, здесь приведем лишь некоторые работы: [Huizinga 1919], [Ariès 1975], [Ariès 1977 (Арьес 1992)], [Le Goff, Truong 2003 (Ле Гофф, Трюон 2008: 118–128)], [Марјановић-Душанић 2004: 586–615].

ниваются отец и сын – главный герой и автор произведения. Драматический эффект производит сцена, в которой Симеон благословит Савву, произнося слова любви и заботы, которые прерываются авторскими вставками – описанием поз персонажей, частей тела и выражений, которые приводятся в градационном ряду. Восхваляя Господа, преподобный Симеон расстается со своей душой, а его сын и агиограф, надолго предавшись плачу, скорбит о нём.

—
187
—

Последнее прощание святого Симеона с этим светом изобилует привычными топосами и множеством библейских цитат, в основном, ветхозаветных – из Притчей Соломоновых, Псалмов, I книги Моисеевой (Бытие), а также новозаветных парафраз о любви из Евангелия от Иоанна. Однако то, почему данный сегмент *Жития святого Симеона* является особенным, – это именно то самое личное, индивидуальное авторское выражение, свидетельство очевидца, того самого *присутствующего*, причем не как нейтрального, «объективно» записывающего событие наблюдателя, а как участника, глубоко втянутого в само событие.

Второе житие, из которого анализируется сцена смерти, – это *Житие королевы Елены*, написанное во втором десятилетии XIV в. Его автор, сербский архиепископ Даниил Печский, был не просто церковным сановником, но и доверенным лицом сербской королевской семьи. Этот талантливый писатель известен как главный автор сборника *Жития королей и архиепископов сербских*. Одно из сочинений в этом сборнике посвящается сербской королеве Елене Анжуйской.

Развивая повесть о Елене с того момента, когда она перестает быть правительницей, Даниил, разумеется, ставит акцент на ее духовную жизнь – внутренние тревоги и переживания, а также на ее богоугодные дела. Кульминационной же точкой произведения становится сцена смерти королевы (ныне уже

монахини) Елены. По объёму, значению и месту, которое эта сцена занимает в произведении, её можно сравнить в древнесербской литературе лишь с описанием смерти святого Симеона в *Житии* Саввы. Но по структуре, атмосфере и самой природе она сильно отличается, ведь отличалась и реальная ситуация. В медиевистике сцена преставления Елены детально изучена, так что здесь мы обращаем внимание на уже отмеченные детали: на театральность сцены и события, в котором участвует множество персонажей – Елена сзывает людей, чтобы они были рядом в момент ее ухода, «появляются личности в движении, которые становятся почти окаменевшими от боли в сильнейшем выражении», собираются духовники, иереи и монахи, среди которых и Даниил, «одр становится центром, вокруг которого строится мизансцена всей картины» [Трифуновић 1973: 27–28]. Всё это напоминает картину Успения Богородицы на средневековой фреске, на что указывает и сам писатель, не упуская подчеркнуть и собственное участие в этом событии.

В обоих случаях, представленных нами, речь идёт об авторах, которые не только имеют особое отношение к литературным героям, смерть которых они описывают, но и реально *присутствуют* в момент их ухода из земной жизни, причем это на деле и ощущается: писатель в обоих случаях – и *человек пишущий*, и *человек присутствующий*. Различия в литературных приёмах проистекают (кроме, разумеется, индивидуального художественного выражения) из того типа эмоционального отношения, который авторы испытывают к своему герою, а также из отношения к существующей художественной традиции. Тогда как святой Савва, будучи сыном умирающего героя, окрашивает сцену ярко личными, лирическими тонами, Даниил Печский помещает сцену в известную иконографическую мизансцену Успения Богородицы, вводя таким образом свою героиню в рамки официальной священной истории. Гово-

ря языком изобразительного искусства, первое – это миниатюра, а второе – монументальная фреска. Однако и первый, и второй автор превосходят заданные рамки жанра (ср. [Кроче 1934: 106]) и узнаваемую надежность топосов, позволяя тем самым *человеку читающему* разных эпох испытать истинное удовольствие и наслаждение чтением агиографического текста.

189

Литература

Ariès 1975 – Ariès Ph. Essais sur l'histoire de la mort en Occident: du Moyen Âge à nos jours. 1975.

Ariès 1977 – Ariès Ph. L'Homme devant la mort, 1977 (Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М. 1992.)

Богдановић 1980 – Богдановић Д. Историја старе српске књижевности. Београд, 1980.

Данило II 1988 – Данило Други. Животи краљева и архиепископа српских. Службе. Прир. Г. Мак Данијел, Д. Петровић, прев. Л. Мирковић, Д. Богдановић, Д. Петровић. Београд, 1988.

Кроче 1934 – Кроче Б. Естетика као наука о изразу и општа лингвистика. Београд, 1934. (Croce B. L'Estetica come scienza dell' espressione e linguistica generale. Palermo, 1902).

Ле Гофф, Трюон 2008 (Le Goff, Truong 2003) – Ле Гофф Ж., Трюон Н. История тела в средние века. М. 2008 (Le Goff J. Truong N. Une histoire du corps au Moyen-Âge. 2003).

Марјановић-Душанић 2004 – Марјановић-Душанић С. Смрт и светост // Приватни живот у српским земљама средњег века. Прир. С. Марјановић-Душанић и Д. Поповић. Београд, 2004.

Свети Сава 1998 – Свети Сава. Сабрана дела. Прир. и прев. Т. Јовановић. Београд, 1998.

Трифунровић 1973 – Трифунровић Ђ. Проза архиепископа Данила II // Књижевна историја, IX, 33. Београд, 1976. С. 3–71.

Huizinga 1919 – Huizinga J. Herfstij der Middeleeuwen. Haarlem, 1919.

Irena Špadijer

University of Belgrade, Serbia

i.spadijer@gmail.com

Homo Scribens – Homo Praesens
in Old Serbian Hagiography

190

The paper deals with two death scenes depicted in the Old Serbian Literature: one in the Life of Saint Simeon written by St. Sava, and the other in the Life of Queen Jelena written by Danilo II, the Archbishop of Peć. The author points to the specific place that these two scenes have in the corpus of Serbian medieval literature, identifies both the common and distinguishing elements in them, and analyses the scenes from the perspective of the traditional hagiographic *topoi* and the author's standpoint regarding this topic.

Keywords: *death in the medieval hagiography, St. Sava, Danilo II of Peć, The Life of St. Simeon, The Life of Queen Jelena*

Мария Шульга

DOI: 10.31168/91674-576-4.39

Московский государственный университет

имени М.В. Ломоносова, Россия

shoulga@mail.ru

Четыре века одной метаязыковой дескрипции

Разграничение по роду адъективных парадигмно-жественного числа типа **обоихъ – обѣихъ** ведет свое начало от русских грамматик XVIII в. В.Е. Адодурова, М.В. Ломоносова, А.А. Барсова. Материалы НКРЯ показывают, что формы типа **обоихъ – обѣихъ** в текстах XVIII в. взаимозаменяемы. Дифференциация по роду врусские парадигмы множественного числа была перенесена из церковнославянских парадигм двойственно-

го числа типа **обою** – **обѣю**. Метаязыковой конструкт грамматик XVII века сохраняется в нормативных грамматиках современного русского языка, несмотря на то, что родовая дифференциация адъективных форм не соответствует ни системе, ни узусу.

Ключевые слова: *русские грамматики XVIII в., взаимозаменяемость форм типа обоихъ обѣихъ, церковнославянская грамматическая традиция, система и узус*

191

Влияние церковнославянской грамматической традиции на русские грамматики XVIII в. отмечают многие исследователи. Речь идет о русских грамматиках Э. Глюка (ок. 1704 г.), В.Е. Адодурова (1731 г.), М.В. Ломоносова (1755 г.), А.А. Барсова (1771 г.). Мы остановимся на истоках резонансного для последующих нормативных грамматик (вплоть до наших дней) решения: на своеобразном преломлении церковнославянской грамматической традиции при описании грамматических вариантов типа *обоихъ* – *обѣихъ*.

Г. Павский недоумевал: «Неизвестно, кому из грамматистов вздумалось женское склонение отличить от мужского и провести женский именительный падеж *обе* по всем падежам вопреки здравому смыслу и всякой грамматической аналогии» [Павский 1850: 221]. Он называл это решение «мудрованием немудрых грамматистов». Об этом же писал К.С. Аксаков: «Употребление различия *обоих*, *обеих*... кажется нам совершенно ложным и неуместным» [Аксаков 1846 / 1875: 396].

Тенденцию регулировать употребление вариантов типа *обоихъ* – *обѣихъ* как родовых в научной литературе ошибочно связывают с именем Н. Греча («Русская грамматика» 1827) [Булаховский 1954] или с «Российской грамматикой» Императорской Российской Академии (1802, 1806) [Unbegaun 1935]. В действительности эта тенденция восходит к первой трети XVIII в. – к грамматике В.Е. Адодурова. Она отражена также у М.В. Ломоносова и А.А. Барсова.

По происхождению (и в системе языка) формы типа *обоихъ—обѣихъ* — это вариантные формы мн. числа местоимения *обои*, не связанные с родом (типа *тѣхъ—тѣхъ—тихъ*; более подробно на более раннем и диалектном материале см. [Шульга 2003: 167–177]). В текстах XVIII в. наблюдается не дифференцированное по роду употребление этих форм. При этом изученные нами материалы документируют независимое от синтаксического рода употребление вариантов в каждом из падежей: употребление вариантов типа *обоихъ* при существительных жен. рода; употребление вариантов типа *обѣихъ* при существительных муж. и ср. рода [НКРЯ].

Например, в Р. и П. падежах *обоихъ* употребляется не только присуществительных муж. и ср. рода, но также регулярно при существительных жен. рода: *обоихъ сторонъ разсмотрѣнѣмъ, обоихъ сторонъ равную творить кондѣцію, отъ обоихъ сторонъ, съ обоихъ сторонъ, обоихъ частей земнаго круга, изъ обоихъ моихъ вѣтвей* или *рукъ кровопущеніе, щастливаго обоихъ имперій союза; въ обоихъ частехъ.*

Р. и П. *обѣихъ* представлен не только при существительных жен. рода, но также при существительных муж. и ср. рода: *по доброму обѣихъ государств нашихъ согласію, коммуникація обѣихъ Госпиталей между собой, Слава побѣждать мучителей обѣихъ свѣтовъ, съ обѣихъ концовъ сосуда, съ меньшими противу обѣихъ послѣднихъ <англичан и португальцев> силами, съ обѣихъ боковъ, обѣихъ правъ Докторомъ; въ обѣихъ случаяхъ, въ обѣихъ покояхъ, бубонына обѣихъ пахахъ, имѣетъ на обѣихъ пахахъ открытые бубоны, въ обѣихъ мѣстахъ, на обѣихъ мѣстахъ.*

Аналогично Д. п. — *обоимъ* встречается при существительных жен. рода: *по обоимъ сторонамъ зборной полаты, по обоимъ сторонамъ берега.*

Д. п. *обѣимъ* представлен при существительных муж. и ср. рода: *состоящимъ по трактамъ, Воронежскому, и по обѣимъ Кіевскимъ; къ обѣимъ Полюсамъ*

свѣта, по обѣимъ концамъ эскадры, по обѣимъ концамъ куска, по обѣимъ берегамъ Туры рѣки, а жилище разположилось по обѣимъ берегамъ.

В Т. *обоими* при существительных жен. рода: *между обоими странами.*

В Т. *обѣими* в общеродовой функции при существительных жен. и ср. рода: *Владѣль ли кто вотчинами, или помѣстьями, или обѣими.*

— 193

Ни система, ни узус XVIII в. не дают оснований для рекомендации к употреблению адъективных форм типа *обоихъ—обѣихъ* в соответствии с родом определяемых существительных.

Грамматической традиции для такой родовой дескрипции также не существовало. У М. Смотрицкого приведены только формы *обоихъ, обоимъ, обоими* для всех трех родов с исходной формой собирательно-местоимения *обои* (муж. р.), *оба* (жен. и ср. р.) [Смотрицкий 1619: 250–251; Смотрицкий 1648: 165–166].

Как родовые Смотрицкий распределяет формы непрямых падежей дв. числа от *оба* и *два* (в отличие от Лаврентия Зизания, который дает исходную парадигму [Зизаний 1596: 64–65]): муж. и ср. *оба, обою, обома*—жен. *обѣ, обѣю, обѣма* [Смотрицкий 1619: 250–251; Смотрицкий 1648: 167–168].

Несколько варьирует Смотрицкий представление форм числительного *два*: муж. и ср. в соответствии с происхождением *два, двю, двѣма*—формы жен. рода соотносит с И. падежом *двѣ, двѣю, двѣма* [Смотрицкий 1648: 167–168]. В Грамматике 1619 распределение форм у числительного *два* по роду проведено так же радикально, как и у *оба*: муж. и ср. *два, двю, двѣма*—жен. *двѣ, двѣю, двѣма* [Смотрицкий 1619: 252–253]. Примечательно, что Смотрицкий разводит формы дв. числа также у местоимения *той*, но только в форме Р.-М. дв.: Р.-М. муж., ср. *тою*—жен. *тѣю* [Смотрицкий 1619]).

У Смотрицкого можно видеть характерное для церковнославянской грамматической традиции стремле-

ние установить соответствие между родовыми формами прямых падежей *оба* – *обѣ*, *два* – *двѣ*, *той*, *тоѣ* – *таа* и формами не прямых падежей, а также «снять» синонимно, приписывая варьирующимся формам разные функции: муж.и ср. *оба* – *обѡю*, *обѡма*; *два* – *двою*, *двома*; жен. *обѣ* – *обѣю*, *обѣма*; *двѣ* – *двѣю*, *двѣма*. Тем самым М. Смотрицкий «исправляет» исходную единую парадигму: И. *оба*, *обѣ* – Р.-М. *обою*, Д.-Т. *обѣма*.

М.В. Ломоносов, а еще раньше В.Е. Адогуров (1731) и Глюк (ок. 1704 г.), создают контаминированную парадигму, соединяя формы местоимений *оба* и *обои*: в И.-В. *оба*, *обѣ*, то есть формы дв. числа, – в не прямых падежах формы мн. числа местоимения *обои*. При этом родовой принцип церковнославянских грамматик В.Е. Адогуров и М.В. Ломоносов переносят из дв. числа на формы мн. числа. Примечательно, что предшествующая им русская грамматика Глюка в такой же контаминированной парадигме дает формы *обоихъ*, *обоимъ* и *обоими* для всех трех родов.

Очевидно, что в этих дескрипциях русские грамматик XVIII в. ориентировались не на современный им узус, не на конкретное грамматическое описание, а на принцип церковнославянских грамматик, идущий от греческих грамматик.

В исторической перспективе общий методологический принцип Грамматики М. Смотрицкого, перенесенный с форм дв. числа на формы мн. числа русскими грамматиками XVIII в., оказался чрезвычайно устойчивым. Он неукоснительно сохраняется в нормативных грамматиках современного русского языка, несмотря на то что противостоит и системе, и узусу, несмотря на то что вызывает всеобщее недоумение грамматистов уже на протяжении двух веков.

Литература

Аксаков 1846 / 1875 – Аксаков К.С. Несколько слов о нашем правописании // Сочинения филологические. Ч. 1. М., 1875.

Булаховский 1954 – Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века. М., 1954.

Зизаний 1596 – Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого. М.: Изд. МГУ, 2000.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка – <http://www.ruscorpora.ru>.

Ломоносов 1755 – Ломоносов М.В. Российская грамматика // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 389–578.

Павский 1850 – Павский Г. Филологические наблюдения над составом русского языка: Рассуждение второе. Об именах прилагательных, числительных и о местоимениях. 2-е изд. СПб., 1850.

Смотрицкий 1619 – Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого. М.: Изд. МГУ, 2000.

Смотрицкий 1648 – Грамматика 1648 г. / Предисл., научн. коммент., подг. текста и сост. указателей Е.А. Кузьминовой. М.: МАКС Пресс, 2007.

Шульга 2003 – Шульга М.В. Развитие морфологической системы имени в русском языке. М., 2003.

Unbegaun 1935 – Unbegaun B. La langue russe au XVI-e siècle (1500–1550). P., 1935.

Maria Shoulga

Lomonosov Moscow State University, Russia

shoulga@mail.ru

Four Centuries of One Metalinguistic Description

The gender distinction between plural adjectival paradigms of **обоихъ** – **обѣихъ** is traced back to the 18th century Russian grammars: V. E. Adodurov's, M. V. Lomonosov's, A. A. Barsov's. The data of the Russian National Corpus show the interchangeability of the forms of **обоихъ** – **обѣихъ** in the 18th century texts. Differentiation by gender in the Russian plural paradigms was transferred

from the Church Slavonic dual paradigms of **обою** – **обѣю**. The metalinguistic construct of grammars of the 18th centuries is preserved in the normative grammars of the modern Russian language, despite the fact that the gender differentiation of adjectival forms corresponds neither to the system nor to the usus.

Keywords: *18th century Russian grammars, interchangeability of forms **обоухъ** – **обѣухъ**, Church-Slavonic grammatical tradition, system and usus*

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДЕСЯТЫЕ РИМСКИЕ КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Рим — Пиза
2—9 ФЕВРАЛЯ 2020 Г.

Издательство «Индрик»

Редактор *И. Вернер*
Оригинал-макет *А. Старчеус*

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
(495) 954-17-52
market@indrik.ru
www.indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book
outside Russia and CIS countries.
This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
www.indrik.ru

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5
Формат 60×84 1/16. Печать офсетная.
13,0 п. л. Тираж 300 экз.

